

УВАС ЁХ
МОНЩАТ

СКАЗКИ
НАРОДОВ
СЕВЕРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«АЛФАВИТ»
1995

УДК 820/89(470)-93
ББК 81.2 Хант-9. Рус.
С 42

*Книга выпущена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Дети Севера»
и администрации Ханты-Мансийского автономного округа*

Е. Н. САМОЙЛОВА лэщатас
Составитель Е. Н. САМОЙЛОВА

Касум ханты ёх ясна Е. А. НЕМЫСОВА тулмащтас
Перевод на хантыйский язык (казымский диалект) Е. А. НЕМЫСОВОЙ

Л. А. ИВАНОВ хур хашты хә
Художник Л. А. ИВАНОВ

Ответственный за выпуск А. М. ПОСУДНЕВСКАЯ

Сказки народов Севера / Сост. Е. Н. Самойлова. Перев. на хант. яз. Е. А. Нёмысова.
Худож. Л. А. Иванов. — СПб.: «Алфавит», 1995. — 160 с.: ил. ISBN 5-88908-002-4

Сборник сказок на хантыйском (казымский диалект) и русском языках предназначен для внеклассного чтения школьников, изучающих родной и русский языки. Книгой могут пользоваться также воспитатели детских учреждений и родители для чтения малышам.

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ НАРОДОВ СЕВЕРА

Редактор Е. Н. Самойлова
Технический редактор Л. Ю. Коровенко

Лицензия ЛР № 063846 от 04.01.95. Сдано в набор 20.10.95. Подписано в печать 20.11.95. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 10 000 экз. Заказ 2920.
ОО «Алфавит». 198000, Санкт-Петербург, ул. 3. Портновой, 17.
Набор и верстка выполнены на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, Смоленск, ул. Смольниннова, 1.
Отпечатано в АИ Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина. 185005, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

ББК 81.2 Хант-9. Рус.

С $\frac{4306020300-002}{66Л(03)-95}$ без объявл.

ISBN 5-88908-002-4

© Самойлова Е. Н., — составление, 1995
© Нёмысова Е. А. — перевод на хан-
тыйский язык, 1995
© Иванов Л. А. — оформление, 1995

ЕШАК ХУЯТ!

Там монщат Увас мўвн вэлты ёх эвэлт наң хуцена юхатсат. Увасн вера ван лўн, талан ол мар тал — тарум вотн ил паватлаин, ицкийн лўвдан ванта певлаин, лапат мар вотасан арт. Щи кўш щиты, щата ищи ёх вэллат — юрнат, чукчет, долганат, эскимосат, эвенкат, саамат па па ёх. Лыв вэлты мўвел саман тайдэл, Увас — щит лыв вэлты мўвел. Щата вэлты ёх ищки эвэлт ант паллат: лыв вера репитлат, репитты пураин ищки пелы вўрен хан вэл. Семн ант хойты нёрум мўвн лыв вўды ташдал лаваллат, вой-хўл веллат. Нанат вўды сух эвэлт лемат-сук ёнтлат арсар ханшийн хурамман. Тывелт-тухелт касдыйлты ям ат вэс, вўды таш лавалты ёх лывел мэстаты юрнхот лэщатты нумас версат. Юрнхот кена лосатты ралх па па талхия тэты. Арал Увас ёхн юрнхота алщалы, тэп чукчет, эскимосат, корякат тўнты хот хурпи яранга верлат.

Увасн арсар ёх вэл. Кашин ёх лыв ясёлн путарлат, лыв щирэлн вэллат. Вэлты щирэл ай пура вўш эвэлт уша вердел. Яма нётлат монщат. Монщат йис непат вўш эвэлт мўнэва халсат. Щащилўв, щатщащилўв, аңкилўв няврёмата мощ мощлат. Лыв монщат аңкидал-ащилал эвэлт, щащилал эвэлт хэл-лэсат. Щащилал, щатщащилал — лыв щащилал, щатщащилал эвэлт. Щиты и ел.

Ёх лўнатты, халшты ант хошмелн мощдал ал монцийлсэл. Ин монщат

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Эти сказки пришли к тебе с дальнего Севера. На Севере очень короткое лето и почти весь год длится зима — сильные ветры сбивают с ног, мороз пробирает до костей, неделями воеет пурга. Но несмотря на это там тоже живут люди — ненцы, чукчи, долганы, эскимосы, эвенки, саамы и другие народы. Они очень любят свою суровую землю, ведь Север — это их родина. Северяне не боятся холодов: они много работают, а за работой стужи не замечаешь. На бескрайних пространствах тундры они пасут огромные стада оленей, охотятся на зверей и птиц, ловят рыбу. Женщины шьют одежду из тёплых оленьих шкур и украшают её своими национальными узорами. А чтобы удобнее было кочевать, оленеводы придумали особое жилище, которое можно легко разобрать. У большинства народов оно называется «чум», а у чукчей, коряков и эскимосов — «яранга».

На Севере живёт много разных народов. Каждый говорит на своём языке, имеет свои обычаи и традиции. Обычаи и традиции человек усваивает с детства. Очень помогают в этом сказки, потому что сказки пришли к нам из глубины веков. Сказки рассказывают детям матери и бабушки. Они слышали их от своих родителей, от бабушек и дедушек, а бабушки и дедушки — от своих предков и так бесконечно.

Раньше, когда люди не умели читать и писать, сказки передава-

ака́тлаит, нух ха́шлаит. Щи́рн ин на́н монща́т нух лу́нәтты ыра́тла́н па уша ыра́н, ху́тыса Ува́сн ху́в йисн ё́х вәса́т, муйса́р дә́нха эва́дса́т па ху́тыса нума́сла́л елды́ пунса́т.

Ху́в йисн монща́т а́л хән мон-щия́дсаит, дыв ар щира арийдсаит. Мо́щ олджа́лтыйс Ува́с хә — ува́с вот. Монща́т тәру́м ту́т хурпет, дыв — кена́мса́т ува́с ё́х вәду́псы. Муй щит тәру́м ту́т? Щи́ты Ува́с му́вн а́лща́лы Тәру́м ху́щи ыу́рда́ты арса́р е́лпуп ху́рама́н ту́т.

Питы́ хәса́н тәру́м ху́рда́л еша́к ту́тн — му́лты кәм ну́ви-ву́сты, тәха́л пу́ш э́тарха́ри — ну́ви-ву́рты. Ин ар-са́р е́луп ту́та́т щи ле́мпийла́т до́щ эхты́н. Йис ува́с ё́х эва́дса́т, щит ха́тл-на́й я́йла́л пи́ла — поха́ту́ра́т па́нт хә́тлупта́ла́т ува́с ё́ха, ма́та ё́х вә́лда́т па́тлам ата́т ку́тн Ува́с му́вн.

Вә́нда́т пи́ра́щ ё́х лу́пла́т, ху́ят ка́т пе́ла́кн вә́лты ута́т и́щи ды́л тай́ла́т: йи́нк, вә́нт, му́в, тәру́м. Дыв пи́ла́ла ё́х пу́трема́ла́т ды́ла́н ута́т и́ты. Монце́н — и́щи ды́ла́н, тухла́н вой и́ты пе́рды́л. Инта́м на́н ху́щена ю́хта́с па на́н пи́ла́на ха́шл муйке́м нумсе́н пи́тл.

Та́м кини́шкае́на́н на́н нивхи́ ё́х, уде́ге ё́х па то́фала́р ё́х монща́т вә́йтла́н. Нивхи́ ё́х, уде́ге ё́х, то́фала́р ё́х Ува́с му́вн а́н вә́лда́т, дыв му́вел Нум му́вн вә́л. Тә́п дыв вә́лты щире́л па Ува́с ё́х вә́лты щир иху́расуп-шака́т.

Вә́ды сыр я́сә́т ту́лмащту́псы на́н кини́шкае́н ю́вола́н словарик ху́щи вә́йтла́н. Монща́т ху́щи дыв хә́сые́на́н посту́ман вә́лда́т.

лись из поколения в поколение устно. Теперь их собирают и записывают учёные. Благодаря им ты прочтёшь эти сказки и узнаешь, как жили люди на Севере в прошлом, во что верили и о чём мечтали.

В старину сказки не просто рассказывали, а пели. Первым начинал Сиверко — северный ветер. Сказки, словно сполохи, скрашивали нелёгкую жизнь северян. Что такое сполохи? Так на Севере называют полярное сияние — удивительное явление, когда чёрное звёздное небо вспыхивает необыкновенным светом — чаще бело-зелёным, а иногда и сиренево-алым, который полощется, перетекает, колеблется, бросая яркие отблески на белые снега. В древности народы Севера верили, что это братья Солнца — богатыри Сполохи освещают путь людям, уставшим от непроглядной тьмы полярной ночи.

Старые люди говорят, что всё окружающее человека имеет душу: и вода, и лес, и земля, и небо, и обращаются с ними, как с живыми существами. Вот и сказка — она тоже живая, летает, как птица.

Сейчас она прилетела к тебе.

В этой книжке ты встретишь нивхские, удэгейскую и тофаларскую сказки. Земля этих людей намного южнее, но по образу жизни и своим представлениям о том, как устроен мир, они очень близки народам Севера.

Объяснение незнакомых слов ты найдёшь в конце книги в словари́ке. В тексте они отмечены звёздочками.

АЙ ВОЙ ХҮВ ПАНТ

Эскимос ёх мощ

Илътн ай вой панта ши есләщас. Щащел имийн тутан нянятн палсы па әңх овал ванта тәсы.

Алаң кинща алаң ай войлә панта есләщас, тәп етн юхи юхтас.

— Эй, щацие! — ай войлә үвтас. — Ши эвалт, ма мет әр, мет каркам, мет палтаплы нәрум хуца. Ма интам ванта там вер ан вәсем.

— Хутыса нан щит уша версэн? — щащел имийн инщасла.

— Па тамиты ши, — ай войлә пинщас путартты. — Әңхем эвалт ким етсум ши мансум, мансум, щорса етсум. Щорас вән-вән, хумдал ал едумлат! Ма ант пакансум, йиңка навәрмасум па щорас шәпи вәшсәм. Ши ванта ши амәтсум, ши эвалт ма ши мурта яма ши вәщидалум.

— Хута вәл нан щорсэн? — щащел имийн инщасла.

— Халәват пелакн муң әңхиев эвалт, — ай войлә лупас.

— А, ма ши щорсэн вәдем, — щащел ими лупас. — Там ванан вуды манас, күралн пәрмас — күрум хәщас, ши күрум йиңкан амәрласы.

— Па хуты! Яна-а? — ай войлә лупас. Антәм-ки хәданта, муй вер елды вәс. Хәтл мевалн соралтыйлсум па елды мансум. Вантдем — караш саңхум, караш кинци караш. Енумты юхдал тыит паләңата вортаслат. Нәмәсыйлдум, саңхум хән мухал-

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МАЛЕНЬКОГО МЫШОНКА

Эскимосская сказка

Однажды маленький мышонок отправился путешествовать. Бабушка-мышь напекла ему в дорогу лепёшек и проводила до выхода из норки.

Вышел мышонок рано утром, а вернулся к вечеру.

— Ой, бабушка! — закричал мышонок. — Оказывается, я самый сильный, самый ловкий, самый храбрый во всей тундре! И до сих пор этого не знал!

— Как же ты это узнал? — спросила бабушка.

— А вот как, — принялся рассказывать мышонок. — Вышел я из норки, шёл, шёл и пришёл к морю. Море большое-пребольшое, волны по нему так и ходят! Но я не испугался, бросился в воду и переплыл море. Даже сам удивился, до чего же я хорошо плаваю!

— Где же твоё море? — спросила бабушка.

— На восток от нашей норки, — ответил мышонок.

— А, знаю я это море, — сказала бабушка. — Недавно там проходил олень, топнул ногой — след остался, а в следе застоялась вода.

— Да-а? — сказал мышонок. — Ну тогда послушай, что было дальше. Обсушился я на солнышке и пошёл. Вижу — стоит гора, высокая-превысокая. Деревья на её вершине за облака цепляются. Не обходить

дум. Хәхәдмәсум ямәс па шәпи щи навәрмәсөм. Щи вәнта щи амәтсум, щи мурта кәрщә щи навәрмәсум.

— Навәрмум саңхумен ищи вәдәм,— щәщел ими лупәс.— Йиңки лотән тум пеләкн мисы пай омәсл, турәнән лап етум.

Ай войлән ел тышемәс, тәп путрәл еллы тәслә:

— Еллы мәнлум, вантләм — кәт пүпие кулащләңән. Итл — нуви, итл — питы. Пүпеңән үвләңән, тайты пурмәслән щи шукатләтн. Ма ант пакәнсум, дын күтәна дүңемәсум па кәт пелка ювәтсәдам ин утһән. Щи вәнта щи амәтсум, ма атәлт кәт пүпи әр нумпия питсум.

Щәщел ими нәмәсыйл, па щәлта лупәс:

— Вәдән, хой нәң пүпеңәдан — нуви хәхәт па сырәнта.

Ин ай войлә нумсәл щи шакәс:

— Щи эвәлт ма әр антә, каркам антә, пәлтапды антә... Вүды күрум шәпи вәщсум, мисы шәпи навәрмәсум, хәхәт па сырәнта кәт пелка вуцкәсум. Тәп щи!

Щәщел ими няхатәс па лупәс:

— Щимәщ утшам ай воиея вуды күрум — щорәс, мисы пай — саңхум, хәхәт сырәнта пида — пүпи. Щитәт эвәлт нәң ант ки пакәнсән, щирн яна щи нәң мөт әр, мөт пәлтапды па мөт каркам мүн нәрум мүвев хуща.

же, думаю, гору. Разбежался я и прыгнул. И перепрыгнул гору. Даже сам удивился, как я высоко прыгаю!

— И гору твою я знаю,— сказала бабушка.— За ямкой с водой есть кочка, а на ней растёт трава.

Мышонок вздохнул, но продолжал рассказывать:

— Иду я дальше, смотрю — дерутся два медведя, белый и бурый. Ревут медведи, друг другу кости ломают. Но я не испугался, бросился между ними и раскидал их в разные стороны! Даже сам удивился, что один с двумя медведями справился!

Бабушка призадумалась, а потом сказала:

— Вот кто твои медведи — белая моль да муха.

Тут мышонок горько заплакал:

— Выходит, я не сильный, не ловкий и не храбрый... Переплыл олений след, перепрыгнул кочку, раскидал в стороны моль да муху. Только и всего!

Но бабушка засмеялась и сказала:

— Для такого маленького, глупенького мышонка и след копыта — море, и кочка — гора, и моль с мухой — медведи. Если ты всего этого не испугался, значит, ты и вправду самый сильный, самый храбрый и самый ловкий во всей тундре.

МУЯ КЕЛЦИ СЕМҢАН ВҮРТЭҢАН

Эвенки ёх моц

Илатн Вухсар па Кукша тух-
лаң вой касты нумас версаңан:
мата утл еңкан потум мадаң кутупа
сырыя юхатл.

Касты ши питсаңан. Кукшайл
пантал шепл тәп мансалэ, юхи
керлас. Вухсарл хәхал, юхлы ант
вантл. Мадаң кутупа юхтас па сәңи
лота ши шәйләс. Ин Вухсар ил
тәлы па үвәл:

— Нётаты! Ши шәйләлум!

Кукшайл хув ныр адемас, нык
хәхләс па ин Вухсарл ил мөтшаты
питсалэ еңк илпия. Ши эвәлт, ин
Кукша дывасыйлман вәлмәл, Вух-
сарл нур вуты Кукша яйл хотаң
ёх велмал пата.

Вухсар йиңка ши шәйләс.

Мадаң лыпия ил еслашас па
вантл: юрнхот омәсл, турн эвәлт
верум. Алпа, матты хул щата вәл.

Вухсар юрнхота лунал, щата ай
келци хулыет холдалат. Ин Вухсар
шүваләсәт, пакансәт па мет сыйңа
холдаты питсәт.

Вухсарн инщәслаит:

— Мuya холдалты?

Келци нялкәт лупләт:

— Аңкев кашаңа йис. Немхуятн
нух тунмалты ант верәтла. Хул
рәтәв Таймень немпи вән хуят лу-
пәс, щартәң хуятн тәп нөтты ве-
рәтла.— Щәлта па ши холлупа пит-
сәт.

Вухсарән дывел лупәл:

ПОЧЕМУ У СОРОГИ ГЛАЗА КРАСНЫЕ

Эвенкийская сказка

Однажды Лиса и птица Кукша
решили соревноваться: кто быстрее
добежит до середины замёрзшего
озера.

Начали соревноваться. Кукша
пробежала полпути и вернулась.
А Лиса бежит, не оглядываясь.
Добежала до середины озера и
провалилась в полынью. Тонет Лиса
и кричит:

— Помогите! Тону!

Кукша схватила длинную жердь,
прибежала и начала сталкивать
Лису под лёд. Она, оказывается,
только и ждала случая, чтобы ото-
мстить Лисе за своего брата-кукшу,
всю семью которого Лиса когда-то
погубила.

Лиса утонула.

Вот опустилась она на дно озера
и видит: стоит чум*, сделанный
из травы. Должно быть, рыба какая-
то в нём живёт.

Заходит Лиса в чум, а там малые
рыбки-сорожки плачут. Увидели Ли-
су, испугались и ещё громче запла-
кали.

Лиса спрашивает:

— Почему плачете?

Дети Сороги говорят:

— Наша мама болеет. Никто из
рыб не может вылечить. Старейшина
рыбьего рода Таймень сказал, что
только небесный шаман* может
помочь.— И опять заплакали.

— Нын муй ӑн вантсӑлн, ма нӑмӑлта нын хушана ӗслӑшсум. Ма ши щӑртӑн хуят, муй мӑш иса ямӑлдум. Интӑм вантлӑм, муй мӑша нын ӑнкан питӑс.

— Ин Вухсар келши нух вантсӑлэ па нялӑклала лупӑл:

— Нын ӑнкан ислӑл хӑвн мӑнмел па сыры вӑдум утлӑл хуша вӑл. Ма тӑп щӑлта вохты исл верӑтлӑм. Ииӑкӑн ӗнумты утӑт эвӑлт атӑлт юрнхот вераты, нӑмхуятн ал вантсаюм, хуты ма нын ӑнкан ямӑлты питлӑм. Ма ямӑлтем мӑр нын кӑрӑш хоӑтеп сӑватн, шӑнқап тӑрума юхӑттал вӑнта. Нын ӑнкан ӑватл ки: «Вӑндялн! Лӑв мӑнӑт ши лӑллэ!» — шивӑлт верн ал вӑл. Щит ӑнкан ямӑлтыйлты питӑс: исл лӑв хушела юхӑтл па мӑшл юхи лӑлы.

Нялкӑт турн эвӑлт атӑлт юрнхот версӑт ӑнкел пӑта па хоӑтеп сӑвты питсӑт.

Вухсарӑн Келщел ямӑлты мӑнӑс.

Ин юрнхот эвӑлт сый ши сымлӑс:

— Вӑндялн! Щӑртӑн утн юхи лӑлыюм!

Нялкӑт шивӑлт иса вӑрӑл ӑнтӑм, хоӑтеп сӑвлӑт.

Ин хоӑтеп ши сӑвсӑл кӑрӑш тӑрум вӑнта па юрнхотӑла юхӑтсӑт.

Вухсарӑн лупл:

— Нын ӑнкан яма йис. Лӑв хушела мӑнаты.

Лупӑс па щиталн хоӑтеп хуват ӗнк ӑхтыя вӑратӑс, щӑлта мӑлӑн хонӑн хуват ши хӑхӑлмӑс.

Келши нялкӑт юрнхота лунсӑт, вантлӑт — щӑта тӑп лӑви шукӑт ара тӑхумӑт: ин Вухсарн келши-ӑнкел юхи лӑвум.

Нялкӑт ши холлӑлӑт. Ши хуват холлӑсӑт, сӑмлӑл иса вӑртыя йисӑт.

Щирн ши, лупла, келши сӑмӑт вӑртӑт.

Лиса говорит им:

— Разве вы не видели, что я сверху к вам спустилась? Я и есть небесный шаман и лечу от разных болезней. Сейчас я посмотрю, что за болезнь у вашей мамы.

Лиса осмотрела Сорогу и говорит её детям:

— Дух вашей матери давно покинул её и находится у предков. Только я смогу вызвать его оттуда. Для этого вы сделайте из водорослей отдельный чум, чтобы никто не видел, как я её лечить буду. Пока я буду лечить, вы сплетите высокую, до самого неба, лестницу. Если ваша мать закричит: «Спасите! Он ест меня!» — не обращайтесь внимания. Это значит, что она поправляется: дух к ней возвращается и ест её болезнь.

Дети сделали из растений отдельный чум для матери и начали плести лестницу.

Лиса пошла лечить Сорогу.

Вот из чума послышался крик:

— Спасите! Шаман ест меня!

Дети не обращают внимания, вяжут лестницу.

Вот они сплели лестницу до самого неба и вернулись к своему чуму.

Лиса говорит им:

— Ваша мать выздоровела. Идите к ней.

Сказала и выбралась по лестнице на лёд, а потом убежала по берегу.

Дети Сороги вошли в чум, смотрят — а там только косточки разбросаны: съела Лиса маму-сорогу.

Расплакались дети. И плакали так долго, что глаза у них от слёз покраснели.

Говорят, поэтому у сороги глаза красные.

НУВИ ЛЭНТ

Юрн ёх мощ

Имеңән-икеңән нәрум мұвн вәс-
ңән. Нұша кинци нұшая вәсңән.
Етн дедь ил удлаңән. Аләң нух
кидлаңән — дедь ел дөдүмдәңән.

Илатн икел картсесыдал вантты
манас. Кәт картсесыйн немудты ан-
тәм, хәлмит картсесыйн нуви ләнт
питмал. «Ват, ям,— икилә нәмә-
сыйл,— ям уй питмал. Имәм нух ши
амәтл». Ләнтәл сапл кұш мәрәмәты
вүтцийлсәлә, ләнтәл тыв нәхмәс
ханты тұрсыин:

— Икилә, манәт ал велә. Муй
наңен мосл, щитән наңен мойләдем.

Икилә пакнас, сәмл хул педь
ши манас. Кәмн ол нәрум мұвн
велпәсләс, тәп немудт пураин ан
хәлдяс: ләнтәт ханты тұрсыин пу-
тәртсәт.

Ин нуви ләнтәл сәлсәлә, нә-
мудты лүв эвәлтәда ан вохас. Тәп
лупас:

— Пәрлә, хулта сәменән аль-
дыйн.

Юрнхотәда икилә юхтас.

— Муй тәсән? — имелән инцәс-
да.

— Немудты ан тәсум,— икел лу-
пәл.— Кәт картсесем тал, хәлмит
картсесема нуви ләнт питмал. Тәп
әл ләнт щит антә. Ханты турсыин
ма пидема путәртты питас. «Ал
велә манәт,— лупас,— муй мосәл,
щитән мәдем».

Имилә щикәм амтас, сацн юхтум
кәмн лупәл:

— Муй наң лүв эвәлтәда вох-
сән?

БЕЛЫЙ ГУСЬ

Ненецкая сказка

Жили в тундре старик и старуха.
Беднее всех жили. Вечером спать
ложатся голодные. Утром встанут —
есть нечего.

Однажды старик пошёл осматри-
вать свои капканы. В двух ничего
нет, а в третий попался белый гусь.
«Вот,— думает старик,— хорошая
добыча. Жена обрадуется». Хотел
он свернуть гусю шею, а гусь вдруг
заговорил человеческим голосом:

— Не убивай меня, старик! Я дам
тебе всё, что нужно.

Испугался старик, сердце в пят-
ки ушло. Много лет охотился он в
тундре, но никогда не слышал, чтобы
гуси по-человечьи разговаривали.

Отпустил он белого гуся, ничего
у него не попросил. Сказал:

— Лети, куда хочешь. Ничего
мне от тебя не надо.

Вернулся старик в чум*.

— Что принёс? — спрашивает
его жена.

— Ничего не принёс,— отвечает
старик.— В двух капканах было
пусто, а в третий капкан попался
белый гусь. Только не простой это
был гусь. По-человечьи заговорил
он со мной. «Не убивай меня,—
сказал,— дам тебе всё, что захо-
чешь».

Удивилась старуха, а когда опом-
нилась, говорит:

— Что же ты у него попросил?

— Ничего не попросил. Жаль
мне его стало. Отпустил я гуся на
волю.

хирсухие наң ащен ант тайл, кұш кепи лұв тащан.

Ин эви ләс-янщас па лупл:

— Ләтут тәп хән хантыя мосл. Тум вантә, наң сәхен иса нюкия юв-мал. Ләмәлтыдыйн наң йилуп сәхн, пәлңәлан — пәл рәнтән эхәтдаит, саплән — сәкән эхәтла — наң па ши ая йилән па тәс нәңа йилән. Хирсу-хиен тайл хән ши арат мұтра.

Ин имие хәсда омсыйл. Тащан хә эви мәнум юпийн, икел пәда ши кәрләс:

— Па и хирсухие вохтән, таңха, ан рәхас — йилуп ләмәтсух пида. Ләмәтсухдам катрая ши йисәт! Мәна сораһак нуви ләнтән хуца, йилуп ләмәтсух воха.

Ин ики ши мәнәс нуви ләнт хуци. Мұң монщев лұв юпелн кұщл. Хұв муй ван мәнәс икилә, нуви ләнт юрнхот пуңда ши юхәтмал. Юхи луңас па имел олаңн путәртты ши питәс:

— Имәм сәмл вохум пурайн, тәп ләтут олаңн нәмәсәс. Интам сәмл ләщмум кәмн, хурамаң ләмәтсух нумәсн питса.

— Ям,— нуви ләнт лупәл,— там хирие вӯе. Ләмәтсухен тохәл па увта: «Хирие!» — щиты ши ләмәл-тадыйтан.

Икилә хирие вӯс па юхлы ши пәнтәл пунсәлә. Мұң монщев лұв елпелн юрнхота юхтәс.

Тәп икилә нуви ләнтәл хуца мәнәс, ин тащан хә эви тыв ши юхтумтәс.

— Щаль наңәт, имәм имие,— лупл,— наңәт нәтты верәм вәл. Тайлдум ма кәтсот шоит. Кәтсот шоит — щит ар вух. Муй нумсәна питл, щит ләтты верәтлән — ләтут, хурамаң ләмәтсух. Вухәм вӯе, мәнәм хирсухиен мие.

Имилә вух шуваләс, нумсәл ши таруптәс. Ин эвия хирсухл мешум-

— Вот какой у нас мешочек! Такого даже у твоего отца нет, хоть он и богатый.

Дочь богача наелась, потом говорит:

— Не одна только еда нужна человеку. Вон у тебя паница* старая, вытершаяся. Одень тебя в новую паницу, в уши серьги вдень, на шею — бусы, ты снова молодой и красивой станешь. Разве в твоём мешочке всё это есть?

Ничего старуха на это не ответила. А когда дочь богача ушла, набросилась на своего мужа:

— Разве не мог ты попросить ещё одного мешочка — с новой одеждой? Надоело мне старое тряпье! Иди скорее к белому гусю, попроси у него новую одежду.

Отправился старик к белому гусю. И наша сказка за ним идёт.

Долго ли, коротко ли шёл старик, снова в чуме белого гуся оказался. Вошёл и стал на свою старуху жаловаться:

— Когда голодна была, только об одной еде и думала. А теперь сыта стала, захотелось ей красивую одежду иметь.

— Хорошо,— говорит белый гусь.— Возьми вот этот мешочек. Как износится одежда, крикни: «Из мешка!» — одеты и обуты будете.

Взял старик мешок и пустился в обратный путь. А сказка наша раньше него в чум вернулась.

Только старик ушёл к белому гусю, а дочь богатого оленевода уже тут как тут.

— Жалко мне тебя, бабушка,— говорит,— хочу помочь тебе. Есть у меня двести рублей. Двести рублей — большие деньги. Что хочешь на них можно купить — и еду, и красивую одежду. Возьми деньги, а мне отдай мешочек.

сәлэ, вухлад лұңатты щи сонтумас.

Икел юхтас, имел шанша йилуп хирие пунас.

Имел ұвтас:

— Хирие!

Хирал эвалт арсар ләмәтсух ким питас. Имилэ ләмәтдяс, карийл тывелт-тухелт.

Икел лупал:

— Мета кариты, эви най хән! Ма сәмәм вохда. Хулта дөтутан хирсухен хәнятсэн?

— Ма дөтутан хирсухем тынысем,— имел лупал.— Ар вухн щит пата масыюм. Ин мин тащан.

Икел тәп ёш ёвалмас.

Ол тәп вәсһан, кәтсот шоитлан эвалт нәмулты ан хәщас. Па щи имеһан-икеһан ләды омәслаһан.

Илати икел картсәсылад вантты манас. Тащан хә эви щит вантман щи тайсалә. Имел ими хуши юхтас па лупал:

— Наһ хураман сахн муй верлан, дөтут ки ант тайлан. Ма ар дөтут тайдум, манәм хураман ләмәтсух мосл. Тыные кимит хириен манәм, ма наһен хәлумсот шоити мәдем.

Имилэ нәмәсыйл: «Хәлумсот шoit — щит вән вух. Хирием тынылум. Па щи мин икисаһан дөтут дөтлумн, ләмәтсух дөтлумн».

Па и ол имеһан-икеһан вәсһан. Вухлан худасһан, ләмәтсухн тохсат.

— Мана нуви дөнтән хуца,— имел икел пәда лупл.— Ат минәмн нөтумл.

Едем куш икеда хәдмит нуви дөнт хуца манты, па хуты верты. Манты мосл.

Ин нуви дөнтәл хуца юхтас. Ов хонаһн лодь, иса хәсла.

Нуви дөнтн инщасла:

— Муй наһен па мосл, икие? Дөтут тайлаты, ләмәтсух тайлаты.

Увидела старуха деньги и раздумывать не стала. Отдала дочери богача мешочек, сама принялась рубли считать.

Пришел старик, положил перед женой новый мешочек.

Старуха крикнула:

— Из мешка!

Из мешка так и посыпались разные одежды. Вырядилась старуха, не наглядится на себя.

Старик говорит:

— Хватит тебе собой любоваться, не молодая уже! Я есть хочу. Куда ты мешочек с едой спрятала?

— Я тот мешочек продала,— отвечает старуха.— Много денег за него получила. Мы теперь богатые.

Старик только рукой махнул.

Прожили они полгода, от двухсот рублей и одного не осталось. Опять старик со старухой голодные сидят.

Как-то ушел старик капканы проверять. А дочь богатого оленевода только этого и ждала. Пришла она к старухе и говорит:

— Зачем тебе красивая одежда, когда есть нечего? А у меня еды много, мне и наряды пригодятся. Продай мне второй мешочек, я тебе триста рублей дам.

Старуха подумала: «Триста рублей — большие деньги. Продам мешочек. Опять мы со стариком и сыты, и одеты будем».

Еще год прожили старик и старуха. Деньги у них кончились, одежда изнасилась.

— Иди к белому гусю,— говорит старуха мужу.— Пусть он нам поможет.

Стыдно было старику в третий раз беспокоить белого гуся, да делать нечего. Надо идти.

Вот приходит он к белому гусю. Встал у входа, молчит.

Ин ики нуви дэнта путартсәдэ, хуты тащәң хә эви вохсәдэ кәт хирие дүв имел эвәлт.

Нуви дэнт еша хәсдә омсийс па лупл:

— Юхи хәщум пүш нәнен нёт-дум.

Хәдмит хирсухие икия мās. Ики амтās, имел хуци хәхәдмāты вутщийс. Нуви дэнтāн нүх вулытсы:

— Еша руна, икие! Ма ясәңдам нумса пуналн! Хирән эвәлт утдāн кашды павәтдәдāн, увта: «Хир дыпия!» Интām мāна.

Икилэ юрнхотāдā юхды мāнās. Шәшās, шәшās па нумāsн юхātса: «Вантдәм-са ма, муй тām хирие тайл».

Щив вулуйс па лупās:

— Хирие!

Тәп щиты дупās, кәт хуят хир эвәлт ким етмāsчāн. Ешн дын хүв юхшәп тайлдāн. Ин ики сәңкты щи пинщāsчāн па лупийлдāн:

— Имен ал хәдāнта! Нāң нумсәнāн вәдā!

Пакнум рүвāдн икилэ юрēmāsдэ, муй лупты мосл. Яма шāшл хүват ин юх нармās. Имудтыйн нәмāл-мāsдэ, тāюм әрāдн ўвтās:

— Хир дыпия!

Ин кātн юхшәплāн пида хира щи хāнемāsчāн.

Шāшл еша вощхийлдсәдэ па нә-мāsл: «Ма ям мойдупсы щи холумсум нуви дэнт эвәлт!»

Ин хириел юрнхотāдā тәслэ па имел пуңла пунсәдэ. Имел имухты ўвтās:

— Хирсухие!

Кātн юхшәплāн пида ким на-вāрмāsчāн, ин ими сәңкты щи питсāдн па лупийлдāн:

— Нәмāсыла, муй вердāн! Ал эвдā тащәң ёха — дәпāлтыйлды ёха!

Белый гусь спрашивает его:

— Что тебе, старик, ещё нужно? И еда у вас есть, и одежда.

Рассказал старик белому гусю, как дочка богатого оленевода оба мешочка у старухи выманила.

Помолчал белый гусь и говорит:

— В последний раз помогу тебе.

Дал он старику третий мешочек. Старик обрадовался, хотел к своей старухе бежать. А белый гусь остановил его:

— Стой, старик! Запомни мои слова. Когда то, что выйдет из мешка, надоеет тебе, крикни: «В мешок!» Теперь иди.

Отправился старик назад к своему чуму. Шёл, шёл и подумал: «Посмотрю-ка я, что в этом мешочке».

Остановился он и сказал:

— Из мешка!

Только он так сказал, выскочили из мешка двое. В руках у них длинные палки. Стали эти двое старика бить и приговаривать:

— Не слушай старуху! Своим умом живи!

С перепугу старик не сразу вспомнил, какие слова сказать нужно. Крепко погуляли палки по его спине. Наконец опомнился и закричал что было сил:

— В мешок!

Двое с палками тут же спрятались в мешок.

Потёр старик ушибленные места и подумал: «А ведь хороший подарок получил я от белого гуся!»

Принёс он мешочек в чум и положил его перед старухой. Старуха сразу закричала:

— Из мешка!

Выскочили те двое с палками, принялись старуху бить и приговаривать:

Ин ими холдал, еңал. Икилэл нях мулаңа ювәнтл. Щәлта имел шалә йис па үвтәс:

— Хир лыпия!

Ин кәтн па щи хир лыпия хәне-мәсәң.

Алаң па щи тащәң хә эви юхтәс. Хирсухие шуваләс, нух амтәс, инщасты ән питсәлә, муй тайл.

— Тыныялн, — лупл, — хирсу-хән. Ма нынан нялсот шоитн мәл-дам.

— Я, вүе-са, — икилә лупл.

Тащәң хә эви хирсухие аләмәслә па ащел ики хуща хәхләс.

— Вантә, аща, ма па щи имеңән-икеңән ләпәлсум. Лын эвәлтана хирсухие ләтсум, тумеңән кинци ям.

Ащел лупл:

— Ешәк, нәң, нумсәң эвие. Ин-там мин па тащәңашәк йилмән. Сорашәк вантәмн, муй хир лыпийн вәл.

Ин хирсухие юрнхот кутупа пун-сәлн и мухты увәтсәңән:

— Хирсухие!

Ин кәтн па щи хир эвәлт ким навәрмәсәңән юхшәплән пида па тащәң хә па эвел сәңкты щи пин-щәсәңән.

Тащәң хә сәңкләлн па лупийлә-ңән:

— Ал вәнтә эвен шәкащты ёх ләпәлты па нәң ал ләпәлтыла.

Эвилә сәңкләлн па лупийлә-ңән:

— Хирсухиет юхлы миялн, име-ңәна-икеңәна!

Щикуш шал ин хирсухиет юхлы мәты, па хуты верты: кашел па тарум. Аләмәслә хулыева хәлүм хир-сухиет па имеңән-икеңән юрнхота щи хәхләс. Ин кәтнңән юхи ән хәщләңән, юхщәпән шәш вүр хуват щи якл.

— Думай, что делаешь! Не верь богачам-обманщикам!

Плачет старуха, охает. А старик исподтишка посмеивается. Потом жаль ему стало жену, он и крикнул:

— В мешок!

Двое с палками снова в мешок спрятались.

Утром опять пришла к старикам дочь богатого оленевода. Увидала мешочек, обрадовалась, даже спрашивать не стала, что в нём.

— Продайте, — говорит, — мешочек. Я вам за него четыреста рублей дам.

— Что ж, бери, — отвечает старик.

Схватила дочь богача мешочек, побежала к отцу.

— Смотри, отец, я опять старика со старухой обманула. Купила у них мешочек, лучше прежних.

Отец говорит:

— Умница ты у меня. Теперь мы ещё богаче станем. Давай скорее посмотрим, что в этом мешочке.

Положили они мешочек посреди чума и крикнули разом:

— Из мешка!

Выскочили из мешка двое с палками и принялись бить богача и его дочь.

Бьют богача, приговаривают:

— Не учи свою дочь бедняков обманывать и сам не обманывай!

Девчонку бьют, приговаривают:

— Отдай мешочки старику и старухе!

Жалко было дочери богача отдавать мешочки, да очень больно бьют двое с палками. Схватила она все три мешочка и побежала в чум старика и старухи. А те двое не отстают, палки их по ее спине так и пляшут.

Ин эви икилэ юрнхота луҕемас,
путар холумты щирд антэ, тэп хир-
сухат шашл.

Икилэ вўслэ хирсухат па лупас:
— Хир дыпия!

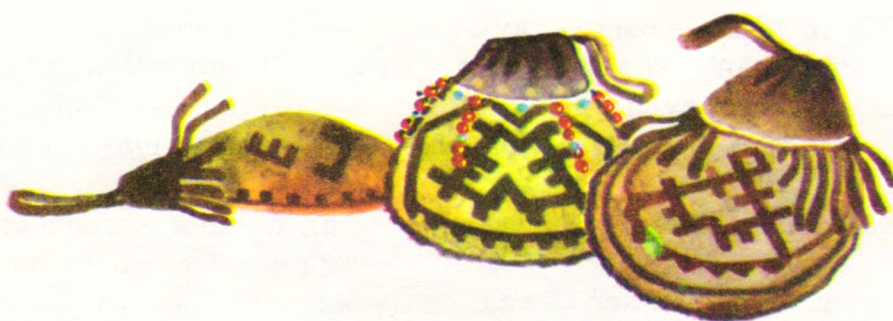
Щи вўш эвэлт имеҕан-икеҕан
яма вэлты щи питсаҕан. Хой дын
юрнхотана юхтыйс, иса пурайн сыта
ювантас. Тэп тащан хэ эвел пида
хўвалта щи юрнхот кертыйлсадн.

Иса палман вэсҕан — мосаҕ щаха
па щи ин катнҕан юхшэплан пида
дын хуцана напатлаҕан.

Прибежала дочь богатого олене-
вода в чум старика. Говорить уже
не может, только мешочки протяги-
вает.

Взял старик мешочки и сказал:
— В мешок!

С тех пор старик со старухой хо-
рошо зажили. И кто в их чум при-
ходил, всегда сыт бывал. Только бо-
гатый оленевод и его дочь чум ста-
рика далеко стороной обходили. Всё
боялись — вдруг опять те двое на-
бросятся на них с палками.

ТУНТЫ АВАТ

Манщи ёх моц

Имеңән-икеңән вәсңән-холсаңән.
И етна йис, икел лупл:

— Сукари соралта-сәр. Велпәса
яхлум. Хәдэвәт алаң вәнта мәнлүм.

Имел дјавтесты питәс:

— Муй кашты мәнләң. Пирщә-
мәсыйн. Меңк икет эвәлт ән пәлдәң?

Икел лупл:

— Меңк па меңк — ма ищи па
мәнлүм.

Щалта ил уләс.

Алаң нух киләс, инщәсл:

— Сукари сорәлсән?

— Әнт сорәлсум, — имел лу-
пәл. — Вәнта наңәт әнт есәлдем.

— Мәнлүм, — икел лупәл.

— Әнт мәнләң! — имел вүра
вортл.

Щиты хәтл шәп вүра вортсә-
ңән.

Хәтл күтуп елты мәнәс икел
хотл эвәлт ким етмәлн. Вәнт хотл
вәнта хув мәнты мосл. Щи хотләң
айлат вәлмәл дәпәт хәтл мәр щәта
вәнтыйс. Хәтл омсәс. Римхумтты пи-
тәс. Ешавәс иса пәтләс, дүв вәнтәты
хотл вәнта әнта юхәтл. Шәшл па
нәмәсыйл: «Яна, имем лупийс —
меңкәтн юхи нелемәлдыйн! Әнт мән-
сум ки ям вәс».

БЕРЕСТЯНОЙ НОС

Мансийская сказка

Как-то вечером сказал старик
своей старухе:

— Насуши сухарей. Давно я не
охотился. Завтра с утра в лес пойду.

Старуха заворчала:

— Незачем ходить. Стар ты стал.
Хочешь, чтобы менквы, лесные духи,
там тебя съели?!

Старик отвечает:

— Менквы не менквы — всё рав-
но пойду. — И лёг спать.

Утром встал, спрашивает:

— Насушила сухарей?

— Не насушила, — отвечает ста-
руха. — Не пойдёшь ты в лес.

— Пойду! — говорит старик.

— Не пойдёшь! — упрямится ста-
руха.

Так полдня и проспорили.

Солнце уже стало на другую по-
ловину неба клониться, когда старик
из дому вышел. До его лесной из-
бушки, где он смолоду, охотясь, бы-
вало, неделями жил, далеко идти.
Солнце село, смеркается. Вскоре со-
всем стемнело, а он до своей избуш-
ки ещё не добрался. Шагает, думает:
«А ведь верно старуха говорила —
съедят меня менквы! Лучше бы не
ходил».

Ши мурта палтапн юхатса, кўр-
нал ал ши торилаңан. Илдампи елды
шешл. Хотлан шеңк хән палтап,
нәмәсл. Ешавәл ши юхатлум.

Имудтыйн вантл — юхат кўтн тўт
сәмиет хәтләләт. Ванашак юхтас —
шит лўв хотлан ишни хәтләл. «Ал-
па,— нәмәсл,— велпәс хуят ма ел-
пәмн шив юхтас. Ват ям, кат хуятн
холдумн». Илдампи ищи мухты юхи
ант луңас, сыри ишни эвәлт дыпи
пәлә аңкартас.

Анана, муй палтап! Щухал хо-
наңн кат вән меңк икеңан омәслә-
ңан, кўрдан няңан, пўнан лап
етумңан. Итл вўрты вой хурл, кимит
утл питы вой хурл.

Ишнед эвәлт икилә ел шурумтас,
сўмат нўва пәрмәс. Хәр! — нўв шәпи
тохнәмәс.

— Эй! — и меңкал кўл тўрсыйн
ўвтас.

— Ай! — кимит утл ўвтас.

Ин икилә па ши ишния хату-
мәс. Вантл, хәлантл.

— Муй мин щиты ванта пал-
думн? — олаң хәйл инщәсл, ши мух-
ты лўв ал ши торийл.

Кимит хәйл, лупл:

— Ан вәдем, муй эвәлт палдумн.
Вәд пәлә мўв әхтыйн мўн кинщева
вән ут? Вәд пәлә мўн кинщева
әр ут? — ищи иса ал ши торийл.

— Па муй щит сащәс? — олаң
меңкал ищмәс.

— Алпа, сўмат нўв мәрәмәс,—
кимит хәйл лупәл.

— Эй, ал путарта, ма сәмем ким
щи еслумл, ши мурта палтап! Лупа-
сар па, муй щит вәс?

— Сўмат нўв мәрәмәс!

— Муй эвәлт па лўв мәрәмәс?!

Икилә ишни ким пәләкн нәмәсл:
«Ан па вәлән, мата ёхлўв палта-
пал вән. Интам хой шеңк пакәнд —
вантләв!»

Тунты эвәлт ай тахты мәнмәс,

Такой страх его берёт, что ноги
трясутся. Однако идёт. В избушке,
думает, не так страшно. Теперь уже
близко.

Вдруг видит — сквозь деревья
огонёк мерцает. Подошёл поближе —
это в его избушке окошко светит-
ся. «Значит,— думает старик,— ка-
кой-то охотник раньше меня за-
брёл. Вот хорошо, вдвоём переночу-
ем». Но всё-таки сразу входить не
стал, сначала в окошко заглянул.

Ох, страх какой! Сидят у очага
два огромных менква с голыми во-
лосатыми ногами. Один сдирает
шкуру с красного зверя, другой —
с чёрного. Шарахнулся старик от
окошка, наступил на берёзовый сук.
Крак! — сук сломался.

— Ой! — вскрикнул один менкв
грубым голосом.

— Ай! — подскочил второй.

А старик опять к окошку. Смот-
рит, слушает.

— Чего это мы так боимся? —
спрашивает первый менкв, а сам
весь дрожит.

Второй отвечает:

— Не знаю, чего боимся. Разве
есть на земле кто-нибудь больше
нас? Разве есть кто-нибудь сильнее
нас? — И тоже весь дрожит.

— А что это было? — спрашивает
первый менкв.

— Видно... — отвечает второй, —
это берёзовый сук треснул.

— Ох, не говори, у меня сердце
от страха лопнет! Ну-ка скажи ещё
раз, что это было?

— Сук берёзовый треснул!

— С чего бы ему треснуть?!

Старик за окошком думает: «Не-
известно, кто кого больше боится.
А кто сейчас больше испугается —
посмотрим!»

Отодрал он кусок берёсты, свер-
нул трубкой, к носу приставил.

щив ювәрмәслә, нюләда дощәл-
тәслә. Хув кинши хув нюла йис.
Щәлта ухл ишния лүкәмәслә па ел
үвтәс:

— Ват тунты нюл мойләты юх-
тәс! У-гу-гу-гу!

Меңкәһән нух навәрмәсһән, ов
пәда хәхәлмәсһән. Ов щәрәл эвәлт
нух менумсәһн, ел хәхәлмәсһән. Тәп
путыты сыйн атл вәнһән сащл.

Икилә овл нух ләщатәс. Хотәда
луһәс, ил уләс.

Велпәсләты әнт велпәсләс, тәп
вурты вой сух — вухсар сух, питы
вой сух — нюхәс сух юхи тәс.

Имәда мәслә па лупәс:

— Наң лупийләсән: ал мәна! Муй
лампә!

Длинный-предлинный у него нос
получился. Потом просунул старик
голову в окошко и закричал низким
голосом:

— А вот и Берестяной Нос в
гости пришёл! У-гу-гу-у!

Вскочили менквы, кинулись к
выходу. Дверь из избушки вышибли,
бросились бежать. Только топот по
ночному лесу раздаётся.

Старик двери назад приладил.
В избушку вошёл, спать лёг.

Охотиться не охотился, а шкуру
красного зверя — лисы и шкуру чёр-
ного зверя — куницы домой принёс.

Отдал старухе, сказал:

— А ты говорила: не ходи! Эх
ты!

ПЕШИЕ — СОРНЕҢ ОҢТЫЕ

Саами ёх мош

Ипуш и ики сухтапут вўшләх эвәлт дякәс. Ар сухтапут верәс, щәлта нумәс верәс вущләх эвәлт ханты хур верты. Ин утл версәдә па ишни илпия омсәлсәдә. Щәлта имел хуца манәс па лупл:

— Вантә, имие, муйсәр ханты хур дяксум!

Имел ишни пәда аңкартәс: ешәк тәрүм! Сухта хантәл нух дылаң-лүмәл.

Имел пакнәс, вушийл:

— Муя нәң версан?! Вантумәл-тән, хуты лүв нериты питл! Лүв верәтл минәт велты!

Имеңән-икеңән хотән ханәмәты нумәс версәңән. Овн лап тәхәрсәлн, сыйлы омәслаңән. «Сәңкәл, сәңкәл, па мәнл», — нәмәслаңән. Камн сащл: топ-топ — сухта ут шәшл. Ов мән-мийлса — лап тәхәрман, ел шәшмәс. Па щи, сащл: топ-топ, топ-топ, топ-топ.

Имеңән-икеңән аңкарманән ин ут ишни вўса щи вўрәтл. Күрдән-ёшдән ара лакнәмәсәт. Хуты икилә холуп хәшәс сўң хуца, щиты щи щәта омәсты хәшәс. Хуты имел сундук даращ әхтыйн омсәс, дәмәтсухл ёнтәсәс, щиты щи йинтпәл пила щив кәрләс.

ОЛЕШЕК — ЗОЛОТЫЕ РОЖКИ

Саамская сказка

Как-то летом лепил старик посуду из глины. Много горшков получилось. Надоело ему горшки лепить, решил он для забавы сделать из глины человека. Сделал и поставил у себя под окошком. Потом пошёл к старухе и говорит:

— Смотри, жена, какого я человека слепил!

Старуха глянула в окно — батюшки! Глиняный человек-то ожил! Перепугалась старая, шепчет:

— Что ты натворил?! Неизвестно ведь, что ему в голову взбредёт! Он и убить нас может!

Решили старики в избе спрятаться. Дверь заперли, притаились. «Постучит, постучит, да и уйдёт», — думают. — А на улице слышно: топ-топ, топ-топ — Глиняшка идёт. Подёргал он дверь — заперто, и отошёл. Снова по двору разносится: топ-топ, топ-топ.

Не успели старики дух перевести, глянули, а глиняное чудище в окно лезет. Отнялись у них от страха руки-ноги. Как сидел старик в углу, сети вязал, так и остался на месте. Как сидела старуха на сундуке, одежду чинила, так и застыла с иглой в руке.

Хота сухта ут луңас, ин имеңан-икеңан юхи левемасынған — ёшлән-күрлән муйн, холуплән-йинтуплән муйн. Нелтупсалә па кимды пәдащи мәнәс.

Камн вош хулы хуват умлөп эвәлт эвет шәшсәт. Сухта ут эвет эвәлт яшты йиңк вохәс. Эвет дән-кәрләл эвәлт коромыслайләл ил эсәлсәт, турн әхтыя ветрайләл омәс-сәт, палтапел эвәлт щи ториләт, ин сухта ут пәда пәлләт аңкәртты. Сухта ут нял ветра йиңк янцәс, щәлта ин эвет юхи ләс ветрадал па коромыслайләл пида.

Щи артн имет вәнт эвәлт вонцу-муты телы йисәт. Эвет левум ут шуваләсәт, хунтаты вутцийлсәт. Па хута долъ! Юлта нәхәлсаит сухта утн па кәрцинайләл пида юхи щи неләмәсыит.

Сухта ут елды шәшл. Кәрт ким-пия етәс, вантл — юхан хонәнн ёх хоп әңхәшләт.

Ин сухта ут хәнемәс кәрупсәт күта, ям сыс ләвләс.

Ёх рүтщаты питмел артн етмәс па ин утәт хопел пида юхи щи неләмәсыит. Еша уләс юхан хонәнн, щәлта па елды щи мәнәс. Вәнта юхтәс. Вантл — ёх түтьюх сәвәрләт. Ләюмн сәврантләт, ан па мутшәсәл сухта ут лыв хуцәла ванамаәс. Нә-мәлмәйлты ан аләмәсәт — ин ут хун дыпия питмел.

Ин мир шәкәтты ут нумсәл ям: нәмхуят лүв эвәлтәда ант хунтал, иса лүв хунәла питләт.

Шәшәс, шәшәс, вантл — кәрәш сәңхум, сәңхум ух пәтыйн пешие шәшийл. Шәк сухта ута сәңхум ух пәтыя хәңхты, ин ут пешие пәда лупәл:

— Ил вухла, ма нәңәт юхи ләлөм.

Пешие лүв пәләда лупәл:

— Нәң, сухта ут, сәңхум ил пе-

Влез Глиняшка в дом, огляделся, схватил старика и старуху и съел — с руками, с ногами, с сетями и иглами. Проглотил и потопал на улицу.

А по улице девушки с колодца шли. Глиняный человек попросил у них водички напиться. Сняли девки с плеч коромысла, поставили ведра на траву, а сами от страха трясутся, на глиняного болвана и взглянуть боятся. Выпил Глиняшка четыре ведра, а потом и девок обеих съел — прямо с ведрами и коромыслами.

А в это время по дороге бабы из лесу ягоды несли. Увидев, что с девками стало, бросились бежать. Да где там! Догнал их глиняный человек и слопал вместе с корзинами.

Топает глиняное чудище дальше. За околицу вышел, смотрит — на берегу рыбаки лодку смолят. Спрятался Глиняшка в кустах, выбрал подходящий момент, когда те перекур устроили, выскочил и быстро побросал их к себе в рот прямо с лодкой.

Полежал на бережке, отдохнул и опять в путь отправился. Вышел к лесу. Смотрит — а там мужики дрова заготавливают. Стучат топорами, деревья валят, перекликаются. Не замечают, что к ним глиняный болван приближается. Они и понять ничего не успели, как оказались в животе у чудища.

Доволен Глиняшка: никто от него не ускользнёт, все его добычей будут.

Топал, топал, смотрит — гора высокая, а на горе молодой олень пасётся. Ленё Глиняшке на гору лезть, он и говорит оленю:

— Спускайся, я тебя съем!

А олешек с горы ему отвечает:

лакн доля, уңдэн ямәс пелки талә,
ма хәхәлмәлүм па наң уңдәна на-
вәрмәлүм.

Ин сухта ут амтәс.

— Кы-кы-кы! — няхийл.

Ват саңхум ил тахийн доляс,
уңдәл пелки талсәлә па лавләсәл.

Пешие нәмәлта ши навәрмәл па
оңатладн хунл эвәлт ши хойда!
Хоп! — ин сухта ут ара ши рывәс.
Ин дүв юхи нелтум утләл күртыя
лөдүмсәт па хотләл пәда ши хәхәл-
мәсәт: имеңән-икеңән холпән пида,
эвет ветрайләл па коромыслайләл
пида, юх севарты ёх юх эвәтты кар-
тыләл па лаюмләл пида, велпәс
ёх хопләл пида. Щиты вәнта ши
хәхәлсәт, ин дывел нелтум хәел
олаңн юр мәсәт.

Кәрта юхәтсәт, сащн юхәтсаит.
Пешиел вәйтсәт, пәмәщипа луп-
ләт, кашин хуятн воцхиды. Эвет
сорни тәсәт, икет пешие оңтат сор-
нийн увмәлсәл. Ши вүш эвәлт ши
пешие — Сорнең оңта алщәды.

— Ты, Глиняшка, встань под
горой, рот пошире открой, а я раз-
бегусь и прямо в рот к тебе прыгну.

Радуется глиняное чудище.

— Гы-гы-гы! — смеётся.

Вот встал он под горой, рот ра-
зинул и ждёт.

А олешек как прыгнет сверху да
как даст ему рогами в живот! Бац! —
Глиняшка и рассыпался. А все, кого
он проглотил, вскочили на ноги и
побежали по домам: старик и ста-
руха с сетью, девки с вёдрами и
коромыслами, бабы с корзинами,
лесорубы с топорами, рыбаки с
лодкой.

Так неслись, что даже про спаси-
теля своего забыли.

Прибежали в деревню, опомни-
лись. Нашли олешка, благодарят
его, каждый погладить норовит.
Принесли девушки золота, а мужики
оленю рога позолотили.

С тех пор он Олешек — Золотые
рожки.

МУЙ ЩИРН ПЕДҢАИТ ПА НЯМАЛҢАТ ТЫВСАТ

Хәраң* ёх мощ

Одҥаҥн мўв әхтыйн педҥа па ня-
малт антәм вәс. Нарум вош әвалт
дыв юхатсат. Матты мўв пелак
әвалт вән меңк ики щив юхтас. Лўв
ханты калы тәп лавантас. Ар ханты
хулт пелә тәс. Ёх паканман вәсат.
Похатұр Итте ищи лўват ил паватты
ант вератсалә: меңк ики ләхәр алты
кешийн, нелн ант пелдә. Ёх ипуш
хән лалд верты яхсат. Тәхал щос ин
меңк ики велдясәл. Тәп лўв нух
лылаңлас па мет калы ящты нумпия
ювантас. «Ущмарн, нумасн вўты
мосл!» — вән хуятат лупсат. Тәп муй
щирн — уш антә.

Лапат хатл, лапат ат похатұр
Итте нәмәсәс. Нивалмит хатл ёхлада
партас вәнтан паң-тулах, тейн тулах
акатты па щит әвалт тулхаң йиңк
кавартты. Лўв щи артн пўпи вухал-
таты манас: дыв вўрл ханты калы
хурасуп, тәп ал хән, похатұр вўр
хурасуп.

Итте пўпи вухалтас, вән пўт вўр
нхатас. Щив тейн тулхаң йиңк
шошмас, тўта хошмалты омәссәлә
па имет меңк ики хуца китсәлә
лупты: каврум вўр вәл, ал антә —
похатұр вўр.

Меңк ики амтас па щи юхтас. Ин
пўт нәртәмәслә па хўдыева щи
янщемәслә. Имет ишаксәлә, Итте

КАК НА ЗЕМЛЕ ПОЯВИЛИСЬ КОМАРЫ ДА МОШКИ

Селькупская сказка

Поначалу на земле комаров да
мошек не было. А пошли они из
селения Нарым. Невесть откуда за-
брёл туда великан-людоед. Питался
он лишь тёплой человеческой кро-
вью. Много людей погубил. Все
вокруг жили в страхе. Даже бога-
тырь Итте не мог его одолеть: коль-
чугу людоеда не брали ни мечи, ни
стрелы. Не раз ходили мужчины на
него войной. Случалось даже уби-
вали великана. Да только он снова
оживал и ещё кровожадней стано-
вился. «Хитростью, умом надо
брать!» — говорили старые люди.
А как — и они руками разводили.

Семь дней, семь ночей думал
богатырь Итте, как людоеда одо-
леть. На восьмой день велел людям
собрать в лесах пьяный гриб — панг,
ядовитые грибы и сделать из них
отвар. А сам отправился охотиться
на медведей: кровь у них, известно,
как у людей, только не простая, а
богатырская.

Добыл Итте медведей, большой
котёл крови нацедил. Влил туда
ядовитый грибной отвар, поставил
разогреть и отправил женщин
к людоеду сказать: есть-де кровь
горячая, да не простая — богатыр-
ская...

лăңкăр эвăлт хăтцийлсăлэ. Кашн юхăтса, якты хăщ лодяс. Имултыйн ухăл ил щи есăлсăлэ, тывелт тăды, тухелт тăды. Илампи нѐмудты ăн мутшăс: кўчум тулăх каш вѐрты щирн лўвел ям.

— Алпа, ма яр ящсум. Мулты щирн хуты рўвăңа йис... — мултыдал путăртл.

— Нăң лăхрѐн нух эңхе, рўтца. Ма нăңат лавăлдѐм,— Итте лупăс.

Ин меңк ики иса кўчăсы — вў-райн лăвăрт лăхăр нух еңхăс. Ил керийс. Тăта щи ин ут ухл хулт сăвăрмăсы.

Пиращ ёх лупсăт:

— Атлăн нух ал лылăңдал! Нух вуцитты мосл!

Ехн меңк ики хот шукатсы, тўтьюх тăсăт, вѐн тўт пунсăт. Мет сырия меңк ики ух щив вуцкăсы. Тўт эвăлт тѐп сацийс:

— Вотн ара тăды ма хоймѐм вѐнт мўв, нѐрум мўв хўват, кашин равл нын кăлан ящты питл! И нăпăт эвăлт па нăпта!

Яна щи: кашин лўң меңк ики хойм эвăлт сема питлăт пайн пѐл-ңаит па нямалтăт па лыв эвăлтѐла хăнтѐт, воит хăнемăты тăхи ăнт вăйтлăт.

Соблазнился людоед и притопал. Одним махом весь котёл осушил. Похвалил женщин, Итте по плечу похлопал. Весело ему стало, чуть в пляс не пошёл, но вдруг сник, закачался. Однако ничего не заподозрил: от пьяного-то гриба ему по-прежнему весело было.

— Много я, наверное, выпил. Что-то жарко стало...

— А ты сними кольчугу, отдохни. Я постою на страже,— предложил Итте.

Совсем опьянел людоед — еле стянул тяжёлые доспехи. Свалился. И тут Итте отрубил ему голову.

Старики сказали:

— Как бы не ожил он ночью! Сжечь его надо!

Разломали люди жилище людоеда, дров натаскали, развели огромный костёр. Первым делом бросили туда голову людоеда. А из огня вдруг послышалось:

— Ветер разнесёт мой пепел, и каждая пылинка будет сосать вашу кровь! Из века в век!

И верно: каждое лето из пепла великана-людоеда возрождаются тучи комаров да мошек и нет от них спасения ни людям, ни животным.

МУЯ ИИПЕТ АЙ ВОЙ ВЕЛПАСЛАЛАТ

Ханты ёх мощ

Щицки войлэ па Ай вой тал кеша сопас верты нумас версаңан. Ям тахи вейтсаңан — сума́т әңх хуца па вейтты утлан щив пунты питсалн.

Щицки войлэ ку́л хумалха па ноха́р семат тэс. Ай войлэ — епла́н дэрие. Щицки войлэ анши вонщумут па вурты вонщумут муруп щив пунас. Ай войлэ — соралтум нялак ху́дые. Әңхан теды́ева пунсалн. Овл сума́т карн лап тәха́рсалн. Щиты вента́ яма тәха́рсалн, немхуятн уша́ а́н верла́ Щицкилэ па Ай войлэ ампар та́та.

Ицки та́ла йис, летут а́нтэм. Ила́тн Щицкилэ пе́рла́тляс, пе́рла́тляс, немудты шу́кие а́нт вейта́с. Иса певса́ па нюлхи́ юх илпия́ ра́кна́с. Ло́щ хуца́ вусы́е шу́валас, ай вой па́нт ка́щатас́ па ампар ола́нн не́ма́лмас. Не́масл: «Ай войлэ инща́сдем, әңхем пушты́ па сопаслумн орты́ пу́рая а́нт пела́ йис».

Щицкилэ ху́в ов се́ңкас, ай войл у́вас. Ку́риеңа́л иса певсай́ңан, нюда́л кәра́ се́ңкман ве́лты пита́с. Ву́райн ай войл у́вса́лэ.

Ай войлэ дыка́ңа е́тмас. Ил вую́м-тум семна́л вәна́ талас́ па у́ва́л:

— Та́мащ ицки́йн му́я а́нт ула́н па ма́на́т нух ку́ритла́н?!

— Му́й улты́ кем? — Щицкилэ лупл. — Щи́мурта са́мем вохлы́.

ПОЧЕМУ СОВЫ НА МЫШЕЙ ОХОТЯТСЯ

Хантыйская сказка

Уговорились Воробей и Мышка вместе на зиму запасы делать. Нашли надёжное место — дупло в берёзе и принялись складывать туда, кто что найдёт.

Воробей принёс толстого жука и кедровых орешков, Мышка — сладкий корешок. Воробей положил в дупло рассыпчатую ягоду шиповника да кисть мороженой брусники, Мышка — сушёную рыбку-малька. Доверху дупло заполнили. Отверстие берёзовой корой прикрыли, да так ловко — никто и не догадается, что у Воробья с Мышкой тут амбар.

Зима пришла холодная, голодная. Однажды Воробей летал-летал, нигде ни крошки не нашёл. Совсем замёрз и под дерево пихту упал. Увидел отверстие в снегу, Мышкины следы заметил и вспомнил про амбар. Думает: «Спрошу у Мышки, не пора ли дупло открыть да запас делить».

Долго стучал Воробей, Мышку кликал. Лапки заморозил, клюв об наст отшиб. Еле дозво́лся.

Выскочила Мышка сердитая. Сонные глаза лапками трёт и кричит:

— Почему в такую стужу сам не спишь и мне не даёшь?!

— Какой уж тут сон? — отвечает Воробей. — Изголодался я.

— Па нәң дэва, — Ай войлэ лупл.
— Вэнт нух кәрәтсәм, дэтут ант
па вәйтсум, — Щицки лупл. — Ам-
паремн пұшты пурая ант пәла йис,
дәдман еща, әрәнашәк йилмән?!

Ай войлэ лупл:

— Әңхән нәмулты антәм. Мә-
нәм хәтләдн хәхәтлјаты пәлтап.
Нәмәслум, нәң щәха атәлт хулыева
дәдән. Сопәслумн ма әңхәма адјас-
дам.

Щицкилә вохл:

— Ма юканәм тыв түве.

Ай войлэ лупл:

— Ма әңхәмн пәтлам, хулща
вәйтләм нәң юканән.

Ай войлэ вурщумтәс әңхәла нюл-
хи илпия — щив щи пентумтәс.

Нюлхи нұв хуцци щи эвәлт Йипи
омәсмал па иса хәдсәлэ дын путрән.
Щицкиләл шадәмәслә, дәпәтсәлэ.
Нәмәдса дощ әхтыя потум сувәтн и
сорәлтум хумәдхаитн есәдсәлэ.
Щицкилә хунл еша дәщмәс, дэтут-
дал илн нәхәл.

Ай войлэ дэтут епәл хәдмәс,
әңхәл эвәлт ким навәрмәс — шукәт
әкәтты питумтәс.

Йипел лупл:

— Едәм антә!

Ай войлэ нә вүр ант тәл, хә
вүр ант тәл. Щицкилә нюл елпийн
щии апәрдәл.

Йипи ай войлэ вәндтәты нумәс
верәс. Юх нұва ил есләсум мәрәлн,
Ай войлэ әңхәла дүңемәс па дүв
әшиедәл хұват хұва хунтас.

Щи вүш эвәлт щии йипет ай вой-
ләт юпийн нәхләсыйләт.

— А ты поешь, — советует Мыш-
ка.

— Весь лес облетел, не нашёл
еды, — жалуется Воробей. — Не пора
ли нам амбар открыть, подкрепиться,
силы восстановить?

Мышка говорит:

— В дупле ничего нет. Я днём
боюсь выбегать, подумала, что ты
один всё съешь. Перетаскала запас
в свои земляные кладовки.

Воробей просит:

— Тогда принеси мою долю.

Мышка отвечает:

— В моих кладовых темно, не
разобрать, где твоя доля.

Шмыгнула в норку под пихту —
и была такова.

А на пихте, оказывается, сиде-
ла Сова и весь разговор слышала.
Пожалела она Воробья, поделилась с
ним своими запасами. Сбросила ему
на снег мороженых червяков да су-
шёных жуков. Повеселел Воробей,
клюёт корм внизу под деревом.

Мышка почуяла еду, выскочила
из норки — и давай крошки под-
бирать.

А Сова говорит:

— Совсем совесть потеряла!

Мышка и внимания не обращает.
Прямо из-под носа у Воробья еду
выхватывает.

Решила Сова проучить её. Но по-
ка с вершины спускалась, Мышка
шмыгнула в норку и по своим под-
земным коридорам далеко убежала.

С тех пор совы на мышей охо-
тятся.

ХОН ПУХ ПА КРЕСТЬЯНИН ЭВИ

Долган ёх мош

Хув йисн, луплат, хон пух вэл-мал. Лув дѣпалн нўша крестьянин вѣс. Ин хѣ атл-хатл хон хуца рѣпитас па и нялы дант тѣп ѣша павтыйс. Щиталн щи вѣс имѣл па атѣлт ѣвел пила.

Ин хон пухн илатн крестьянин вохса, па хон пух лупл:

— Я, нўша икилѣ, нѣн нѣптѣн щи вѣсѣн. Ин ма уша верты нумас тайлум, муйсар нумас нѣн тайлан! Там амамѣтщи уша верѣ: ѣплѣн ит. Алѣн луплѣн! Уша ки ан верлѣн — ухѣн шѣпи сѣвармѣлѣм!

Ешѣк икилѣ нѣмѣсѣс-нѣмѣсѣс — уша верты ѣнт верѣтлѣлѣ. Ёплѣн лѣтут нѣмудты пурайн ѣнт лавѣнтас. Хонѣн муйн мийлѣсы, щит ѣплѣн щи вѣс. Юхи юхтас холлѣлѣ.

Ѣвелн инщѣсла:

— Муѣ нѣн, ащие, холлѣлѣн?

— Хѣлѣват, ѣвие, ма щи веллѣ-юм: щи вѣсум — тѣнха сурмѣм щи юхтас, щи вѣсум — юхи хѣщум атем щи, алпа! Хон пухн амамѣтшийн амамѣтщѣсыюм! Уша ки ѣнт верлѣм — ухѣм хулт сѣвармѣты лупѣс!

— Муйсар амамѣтщи амамѣтщѣс?

— Амамѣтщѣс: ѣплѣн ит?

— Ешѣк ащѣм, щит пѣта нѣн холлѣлѣн! Нѣн лѣлн, ил уда па ямѣс

ЮНОША-ЦАРЬ И ДОЧЬ КРЕСТЬЯНИНА

Долганская сказка

Жил, говорят, в давние времена юноша-царь. По соседству с ним обитал бедный крестьянин. Этот крестьянин с утра до ночи работал у царя и зарабатывал одну ложку муки. Этим и жил он со своей старухой и единственной дочерью.

Вот юноша-царь позвал его и говорит:

— Ну, бедный крестьянин, ты прожил свой век, и я хочу узнать, какого ты ума! Отгадай загадку: что слаще всего? Утром скажешь! Если не отгадаешь — отрублю голову!

Бедный крестьянин думал-думал — не может отгадать. Сладкую пищу он никогда не пробовал. Что давал ему царь, то и казалось сладким. Пришѣл домой и плачет.

Дочка спрашивает его:

— Почему, отец, плачешь?

— Ну, дочка, умру завтра: ходил — отходил своё, пожил — конец мне пришѣл! Юноша-царь загадал мне загадку! Если не отгадаю её — обѣщает отрубить голову!

— А что загадал?

— Спрашивает: что слаще всего?

— Ну, отец, из-за чего плачешь! Лучше усни да отдохни хорошенько! Завтра скажешь: «Знаю, что слаще всего! Когда наработаюсь у тебя

рүтца! Хәдәвәт лупдән: «Вәдем, муй мөт епләң! Нәң хуцена ямәс рәпитлүм, хәлыдан сыстамман, па юхи и нялы тәд лант тәлүм, имәм шухаләд әл. Лүв нянь палтал мәр, ма ямәс хошумләюм па ил ши вуюмләюм сәмәм вохман. Щирн ши мөт епләң — щит олүм!»

Ин ики амтәс па ши вуюмса.

Хәдәвта йис, аләң нух киләс па хон хуца мәнәс.

Хон пухн инщәсла:

— Хуты, уша версән?

Икилә лупәл:

— Я-я, уша версәм мәттә! Тәп, мосәң, нәңен ән мәстәл.

— Я, хуты, муй щит: епләң ит?

— Ямәс нәң хуцена рәпитлүм, хәлыдан нух сыстамман па юхи и нялы тәд лант тәлүм, имәм шухаләд әл. Лүв нянь палтал мәр, ма ямәс хошумләюм па ил ши вуюмләюм сәмәм вохман. Щирн ши мөт епләң — щит олүм!

— Щиты-щиты! — хон пух лупд. — Ши эвәлт, нәң нумсәң хуят. Муя па антәмки нүшәя вәлдән? И амамәтши па уша вера: пасты ит. Аләң вәнта ант ки уша верлән — ухән хулт сәвәрмәләм!

Икилә уша верты ант верәтсәлә, холлупа питәс па юхи ши мәнәс. Юдн эвела путәртсәлә.

— Муя щит паты холләдән? — эвел лупәл. — Ил ула па ула! Аләң лупдән: «Пәсәң юрхотем эвәлт ким етлүм па сәмләм моңхман тәрум пәда әңкәрлүм — хәсәт хулығыа кәлдәт, мүйем пәда әңкәрлүм — кашин турн дәр кәд. Щирн щит: пасты ит — щит хәнты хуят вантупсы. И артин лүв тәрум эвәлт мұва есләщәд, мүй эвәлт тәрма едмәл!»

Ин ики ил уләс, ши вуюмса. Аләң хон хуца юхтәс.

— Хуты, уша версән? — хон пухн инщәсла.

с утра до ночи, вычищая грязь, и приношу домой одну ложку муки, моя старуха топит печь в земляном чуме*. А пока она готовит из муки толокно, я, пригревшись, засыпаю без ужина. Так что слаще всего — сон!»

Старик успокоился и уснул.

На другой день встал утром рано и пошел к царю.

Юноша-царь спрашивает:

— Ну, отгадал?

— Э-э! Отгадал как будто! Не ведаю только, верно ли.

— Ну, что слаще всего?

— Когда наработаюсь у тебя с утра до ночи, вычищая грязь, и приношу домой одну ложку муки, моя старуха топит печь в земляном чуме. Пока она готовит из муки толокно, я, пригревшись, засыпаю без ужина. Так что слаще всего — сон!

— Та-а-к! — говорит юноша-царь. — Оказывается, ты умный человек! Почему же ты тогда живешь так бедно? Еще одну загадку отгадай: что быстрее всего на свете? Если к утру не отгадаешь — отрублю голову!

Старик ничего придумать не смог, заплакал и пошел домой. Дома все рассказал дочери.

— Зачем плакать из-за этого! — говорит дочь. — Ложись и спи! Утром скажешь: «Когда выйду из своего дымного земляного чума и, протерев глаза, взгляну на небо — все до единой звездочки вижу, погляжу на землю — все до единой травинки вижу. Так что быстрее всего — человеческий взор! В одно мгновение он с небес на землю опускается, с земли на небо поднимается!»

Старик лег и уснул. Утром пришел к царю с готовым ответом.

— Ну, отгадал? — спрашивает юноша-царь.

— Я-я, уша вермем ши хура-
суп. Ан вәдем тәп, һаңен мәстәл
пәда.

— Я, муй щит: пасты ит?

— Пәсһаң юрһхотәм эвәлт ким
етдум па сәмләм моңһман тәрум пәда
аңһкардум — хәсәт хулығыа кәлдәт,
мүвәм пәда аңһкардум — кашин турн
ләр кәд. Щирн щит: пасты ит —
щит ханты хуят вантупсы. И артн
лүв тәрум эвәлт мұва есләщәд, мұв
эвәлт тәрма едмәл!

Хон пух мет ши нәмәсл:

— Наң ши эвәлт нумсәң хуят!
Лупәс па икия хор тәс.

— Там һаңен хор, щиты верә,
ләдн лүв алаң вәнта ат омсәс! Пешел
пила тыв тәдән.

Кәняр икилә хорд юхи ванлтәслә
па холдал.

— Ват, хонан хорн мәсыюм!
Партсәдә, алаң вәнта там хорәм ат
омсәс. Хутыса хор омәсл?

Эвел лупәл:

— Я-я! Хутыса хор омәсл? Наң
тәсан ям дәтут! Хорән хурә, нюхел
дәдәв!

Икилә хорд хурәс, нюхел кавәрт-
сәд па юхи дәсәд. Эвелн лүв шукдал
па туңхдал хирсуха пунсыит па аще-
да мәслә.

— Няврәм юнтәт хуца: туңх —
щит хопты, лүв шукдал — пәшиет.
Хон пәсана пуналн, хуты няврәмәт
юнтләт, па лупа: «Хор тәп щиты
омәсты верәтл!» Хонан инщәслаин
ки: «Наң щиты нәмәслән муйпа
хуятн нәтсаит?! — ал ханятә, лупе:
«Эви ма тайлдум. Щит лүв нум-
сәл».

Алаң икилә хон пух хуца
юхтәс.

— Хута хорән пәшиедал пи-
да? — хонан инщәсла.

Икилә пәсан әхтыйн туңхәт па
лүвәт пунас, няврәм юнт иты, па
лупәл:

— Э-э! Отгадал как будто! Не
ведаю только, верно ли.

— Ну, что быстрее всего?

— Когда выйду из своего дым-
ного земляного чума и, протерев гла-
за, взгляну на небо — все до единой
звездочки вижу, погляжу на зем-
лю — все до единой травинки вижу.
Так что быстрее всего — человече-
ский взор! В одно мгновение он с не-
бес на землю опускается, с земли на
небо поднимается!

Юноша-царь ещё больше удивился:

— Да ты, старик, оказывается,
умный человек!

Сказал и вывел старику оленя-
самца.

— Вот тебе олень, сделай так,
чтобы он к утру отелился! Приве-
дешь с телёнком!

Бедный старик приводит оленя
домой и плачет.

— Вот, дал царь оленя! Велел,
чтоб он к утру отелился. А как олень
отелится?

— Э-э! Как отелится олень? Ты
привёл дармовую пищу! Заколи его,
мясо съедим!

Старик заколол оленя, мясо сва-
рили и съели. Дочь сложила в сум-
ку кости и копыта и подала отцу.

— В детских играх копыто — это
важенка*, а косточки — оленята.
Разложи их на царском столе, как
это делают дети, и скажи: «Олень
только так отелиться может!» Если
царь спросит: «Сам ли ты догадал-
ся сделать так или у тебя советчик
есть?!» — не скрывай, скажи: «Есть
у меня дочка. Она советует».

Утром старик приходит к юноше-
царю.

— Ну, где олень с телятами? —
спрашивает царь.

Старик разложил на столе копы-
то и кости, как детские игрушки,
и говорит:

— Хор тәп щиты омәсты вє-
рәтл.

— Наң нумсәнән щиты нәмәс-
дән. Щимурт нумсәң ки вәсән,
хәлы хән мўң оцевн сыстамсән.
Лупа, хойн нётсаин!

Икилэ лупәл:

— Эви ма тайлум. Лўв нётл ма-
нема.

— Эвен — нумсәң не! — хон пух
лупәл па икия пәтылы вєтра мәл.—
Адәң вєнта пәтыйн ат вєрләлэ.
Пәтыйн әнт ки вєрләлэ — китумтак
ухлән хулт сәвәрмәлдам.

Икилэ вєтрайл пида юхи мәнәс,
холлал:

— Сурмәмн щи юхтәс! Хонән
партсаюм адәң вєнта вєтра пәты
ләп вєрты. Әнт вєрлөмн — китумтак
ухлүмн хулт сәвәрләит!

Эвел лупәл:

— Вєтраен тўве хон пух хуца па
лупа: «Вєтра пәты вєрты — щит
ими вєр, тәп лўв, хә хуят, ин вєтра
пасаты ат кєрәтләлэ юрн вей
иты».

Икилэ вєтрайл юхлы тәслэ па
лупсәлэ, хуты эвелән партса. Хон
пух икилэ юхи мәнты партсәлэ па
лупәл:

— Ма эвен вантты юхәтлүм!

Ин хон юхтәс ики хота, ин эви
шувалдасы па имухты имия вўсы.
Па хәтлә йис, мой вєрсәт.

Хўв муй ван лыв вәсәт — хойн
вәлы. Щи вўш эвәлт хон пух акань
юкана щи омәсл, вєрләл иса имелн
вєрләит.

Щәлта, алпа, тўрл патыя юхтәс,
иса имел вєрәт тўнмәтл, лўв лупәл:

— И мўвән кәт хон вәлты вєр
әнтә! Кәтна ки мәнлүмн!

— Мәнлүмн кәтна! — имел ка-
шащәс.

— Пәнән вўя муй вєрәтлән!

— Ям!

— Олень только так отелиться
может!

— Своим умом, старик, ты бы до
этого не дошёл. Если бы ты был так
умён, не чистил бы грязь на моём
дворе. Говори, кто тебе подсказы-
вает!

— Есть у меня дочка. Она помо-
гает, — отвечает крестьянин.

— Дочь у тебя умница! — говорит
юноша-царь и подаёт старику вед-
ро с пробитым дном. — Пусть к утру
залатает! А если не залатает — обо-
им головы отрублю!

Пришёл старик домой с ведром,
плачет:

— Настал час погибать! Царь ве-
лел к утру залатать это ведро. Ес-
ли не сможешь — обоим головы обе-
щал отрубить!

Дочь говорит:

— Отнеси ведро царю и скажи:
«Залатать, конечно, женское дело,
но пусть он, как мужчина, вывернет
его наизнанку, словно меховые тор-
баса*».

Старик отнёс ведро и передал всё,
что дочь сказала. Юноша-царь отпу-
стил старика домой и говорит:

— Сам приду посмотреть на твою
дочь!

Пришёл царь к старику, увидел
его дочку и сразу влюбился. На дру-
гой день сыграли свадьбу.

Сколько они прожили — неиз-
вестно. Но с тех пор, как женился,
юноша-царь уподобился кукле: си-
дит себе, а всё делает жена.

Потом, видно, надоело ему, что
всё решает жена, он и говорит:

— В одной стране двум царям не
бывать! Давай лучше разойдёмся!

— Давай разойдёмся! — согласи-
лась жена.

— Бери с собой, что хочешь!

— Хорошо!

Юхи хящум атл хящас хон хотн вэлты. Икел ил вуюмтум кэмн, имелн ултэхел муйлан партса тэты дув нўша юрнхотала. Алан хон пух нух вэрлас, ниншасыйлты питас, кўрл па ухл хот питара хойлат. Хон пух нэмасл:

— Хута щит ма? Муй щирн ма тата улдум? — имел инщасл.

Щит ма нанат ащем хота тасем! — имел лупал.

Хон пух лупал:

— Муя нан щиты вєрсан?

— Нан лупсан хуты: вўя панан муй вєратлан.

Хон пух ант вєслэ, муй юхды лупты.

— Вєра нумсан хурасуп антэ нан! — имел дувел лупал. — Хон хотанан хона хяща, манем ал хот мойла, щата ма кэщая вєлдум!

Щимаш нумсан эви тайман пате имєнан-икежан нўша хотанан хэн, ям хотан хящум таллан вєсжан.

Настала последняя ночь стариковой дочери в царском дворце. Когда муж уснул, жена приказала взять его вместе с постелью и перенести в свой земляной чум. Утром юноша-царь проснулся, потянулся, а ноги и голова в стены упёрлись. Удивился юноша-царь:

— Где это я? Как я здесь очутился? — спрашивает жену.

— Это я тебя в отцовский чум принесла! — отвечает жена.

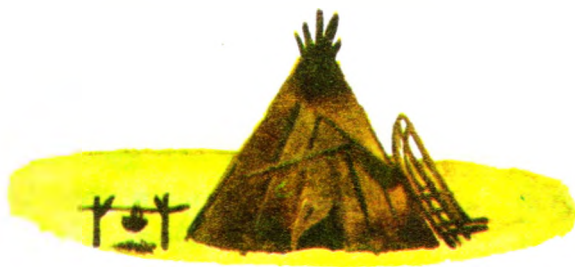
— А почему ты это сделала?

— Ты же сам сказал: могу взять с собой всё, что захочу!

Юноша-царь не знал, что и придумать.

— Не так уж ты и умён! — говорит ему жена. — Оставайся во дворце царём, а мне подари простой дом, и я буду в нём хозяйкой!

Так благодаря умной дочери старик со старухой доживали свой век не в чуме, а в хорошем доме.

АЙ ЩАРТАҢ ИМИ

Эскимос ёх моц

Пиращ имеҗан-икеҗан нәрум мұвн ицки щорас хонаҗн вәсҗан. Хилнеҗие тайсаҗан, нәмл Пари.

Илатн ин эвие дэйҗиедал пида деты дәрәт акаҗты маҗас. Эвиет дәрәт нух хирсәт па нәрум хуват ара шәшсәт. Етн ода шик шив ил питты питас. Дэйҗдал юхи маҗты аҗтаҗсәт — ин Пари эвие аҗтәм! Алпа, вева йис па атәлт юхи маҗас», — эвет нәмәсләт.

Юхи юхәтсәт, имеҗан-икеҗан ин-щасләт:

— Пари хилнеҗан юхи юхтас?

— Аҗтә, — пиращ икед лупад, — дүв аҗт юхтыйс.

Ин Пари эвие нәрум мұв хуват шәшас, шәшас па шив күтн щидомтас. Шәшл па холдәд. Имудтыйн вантл — саҗхум, саҗхум пәтыйн — вән әҗх. Пари ил омсас па щидуюмса.

Пари нух вердумалн — дүв пуҗдалн ими долд. Иса вәды.

— Наҗ хулща вәдлән? — ин неҗан инщасла.

— Ма дэйҗдам пида дәр акаҗты нәрум мұва маҗсум, — Пари лупад, — па хулт домәтсум.

— Ма юпемн юва! — ин не лупас па вән әҗха щидуҗас.

Пари дүв юпелн маҗас па вән мұв хота юхтас.

Ин не мұв хотн ар сорәлтум горбуша нәмуп хул, морж, щорас вой, дүвәт па вұды нюхи пайн омәсл.

Ин эвие епләҗ вонщумутн па вұды нюхийн лапәтсәдә.

— Ин ма хуцәма вәда, — ин не

МАЛЕНЬКАЯ ШАМАНКА*

Эскимосская сказка

Жили в тундре на берегу холодного моря бабушка и дедушка. И была у них внучка Пари.

Однажды пошла она с подружками собирать съедобные коренья. Откапывали девочки корешки из земли и разбрелись по тундре. К вечеру опустился густой туман. Собрались подружки идти домой — а маленькой Пари нет! Звали её, звали, да не нашли. «Наверное, она устала и ушла домой», — подумали девочки.

Вернулись они в стойбище*, спрашивают бабушку и дедушку:

— Пари уже пришла?

— Нет, — говорит дедушка, — она не возвращалась.

А Пари шла, шла по тундре и заблудилась в тумане. Идет Пари и плачет. Вдруг видит — холм, а под холмом — большая нора. Села Пари на землю и уснула.

Проснулась Пари — а рядом стоит женщина. Совсем незнакомая.

— Откуда ты? — спрашивает женщина.

— Я с подружками пошла в тундру собирать коренья, — говорит Пари, — и заблудилась.

— Иди за мной! — сказала женщина и вошла в большую нору.

Пошла за ней Пари и очутилась в просторной землянке.

В землянке у женщины лежало много вяленой горбуши, моржового мяса и оленины.

Накормила она девочку олениной и сладкими ягодами.

— Живи теперь у меня, — говорит женщина. — Каждое утро я буду

лупл.— Кашиң алаң ма ванта ман-
лум, наң манат лавлэ! Самен вохты
питла, лэва муй наңен мосл.

Ин Пари эвие мұв хотн ин неңал
хуца вэлты щи питас. Алаң нух
вердал— ин неңал антэм. Тәп етн
ола велпәсдал эвалт юхи юхтыйс.
Вұды велдята, нерпа вой тәтля-
тал. Щи ин утқан вәлдан.

Илатн неңал лупал:

— Щащен-щатщащен таклы ан
мәремәсийн пәда?

— Шеңк щи мәремәсыюм,— Па-
ри эвие лупал,— тәп юхи манты
әшем ант вәйтләм.

— Ешавәл сұса йил,— ин неңал
лупал.— Ма вуюмлаюм па тәл мәр
тови ванта улты питлум. Наң щәха
мет щи мәремәдыйн.

— Лын, алпа, манат кашла-
дан? — Пари эвие инщәсийләлэ.

— Кашлаин щи,— ин не лупал.

— Манат юхи түве,— Пари лу-
пас.— Ма щащем хуца манты даң-
халум.

— Ям щи,— ин не лупас.— Тәп
ма наңат и вәра вәндтәләм. Щитән
ки уша верлән, щирн емаңхәтл
вертыйн касты тәхетн наң иса нух
питлан.

Ин ими ай куйп вұс па ел арәмәс.
Лұв щи мурта айлта па суваңа арийс,
щирн эвие кашин ясәл нумәса
пунас.

Арл сухнум пурайн ими инщәсәл:

— Наң арәм вәндтәсэн?

— Вәндтәсәм щи! — Пари эвие
лупас.

Ин ими ай куйп лұвел мәслә:

— Я-та, манлумн. Ма наңат юхи
тәләм.

Лын тәлаң ат шәшсаңан, алаң
тәп хотат шуваләсәңан.

— Там нын хотән? — ин ими лу-
пас.— Интам наң атәлт манлан.
Па ям вәла, эвие!

Пари эвие юхлы аңкәртәс, щи

уходить, а ты меня жди! Когда
проголодаешься, ешь что хочешь.

Стала Пари жить у женщины в
землянке. Проснётся утром — а жен-
щины нет. Только к вечеру возвра-
щалась она с охоты. То оленя при-
несёт, то нерпу. Так они и жили.

Однажды женщина сказала:

— Не соскучилась ли ты по своим
бабушке и дедушке?

— Очень соскучилась,— отвечает
Пари,— да я не найду дорогу домой.

— Скоро осень,— сказала жен-
щина.— Я засну и буду спать всю
зиму до самой весны. Ты ещё боль-
ше будешь скучать.

— Они, наверное, меня ищут?—
спросила Пари.

— Конечно, ищут,— сказала жен-
щина.

— Отведи меня домой,— попро-
сила Пари.— Я хочу к бабушке и ба-
бушке.

— Хорошо,— сказала женщи-
на.— Но сначала я научу тебя од-
ному искусству. Если ты его освоишь,
то на праздниках в стойбище бу-
дешь всегда победительницей.

Женщина взяла маленький бубен
и запела. Она пела так медленно и
протяжно, что девочка запомнила
каждое слово её песни.

Когда песня кончилась, женщина
спросила:

— Ты запомнила мою песню?

— Да, да, всё запомнила!— ска-
зала Пари.

Женщина подала ей маленький
бубен:

— Ну, пойдём. Я провожу тебя.

Они шли всю ночь, а под утро
увидели стойбище.

— Вон ваша яранга*!— сказала
женщина.— Теперь ты одна дой-
дёшь. Прощай, девочка!

Посмотрела Пари ей вслед, а это
бурая медведица по тропе убегает!

эвэлт юхтум эшн хуват пүпи эвие хэхэл! Щирн дүв пүпи хотн пүпи эвел хуца вэс!

Пари эвие дүв хотла хэхэлмэс па ел үвтас:

— Щащие! Щатщащие! Овн пүншадн!

— Анана! Мин хилнэңиём турсый! — имеңан-икеңан аматсаңан.

Овн пүшсәдн, щухалн алсәдн па инщасты пйтсәдн, хута Пари щи хуват вэс.

Пари путартас, хуты хулт домтас, хуты вән мувхотн ям ими хуца вэс... Тәп нәмулты ан лупас пүпи эвиел олаңн.

Имеңан-икеңан җмаңхәтл вәрсаңан аматман пата. Кәртәң мирн худыева вохсәдн. Мойң җх нюхи ләсәт, шай ящсәт. Ләвмел юпийн моцт моцты пйтсәт. Моцт хәләнтмел юпийн кәмнсыр юнтәтн юнтты пйтсәт.

Ин эвие вән куйп вүс, сәкдәл шүкатас па куйпа воцкәслә — ин утәт щәта тәлаңа ювемәсәт!

И пух җха морж вой нуви дүв ванлтас. Щәлта ин дүв нух вуцкыйлсәлә па щи җха ванлтәслә. Җх щивелт әмща вантсәт: ин дүв яма хәншийн хурамтум вәдмәл!

Ай Пари эвие щәщәла лупас:

— Ма мойң җха арие арилум.

Щатщащәдн хәдсы дүв ясаңдәл па лупл:

— Пари ариты сәмл ки ләңхал, ат арийл.

Моин җх вушиләт:

— Еләм ант тайл эвилә! Щәртәң юнта вүратл!

Пари нык җтас, ай куйпәл, хәтщәслә па щи арәмәс.

Пари арийл, мойң җх хәлдәт, хуты щорәс хумпәт хотәл кимпийн ләмпиләт. Пари вера куйпәл хәтщәс — ин хумпәт ова щи юхтумсәт. Шаңкап ов эвәлт юхи щи рывләт!

Выходит, она у медведицы в берлоге жила!

Прибежала Пари к яранге и закричала:

— Бабушка! Дедушка! Открывайте скорее!

— Ой, да это же голос нашей внучки! — обрадовались старики.

Открыли они дверь, раздули костёр в яранге и стали расспрашивать, где была Пари так долго.

Пари рассказала, как заблудилась в тумане, как жила в большой землянке у доброй женщины... Только ничего не сказала про бурую медведицу.

Устроили бабушка и дедушка на радостях праздник. Созвали людей со всего стойбища. Гости ели мясо, потом пили чай. А когда насытились, стали рассказывать сказки. Наслушавшись сказок, начали играть в шаманские* игры.

Одна девушка взяла бубен, раздавила свои бусы, бросила их в бубен — и они снова стали целыми!

А юноша показал всем гостям гладкий белый бивень моржа. Потом подбросил бивень вверх и опять показал его всем. И все удивились: бивень был изукрашен красивой резьбой!

Маленькая Пари сказала бабушке:

— Я хочу спеть гостям песенку.

Услышал дедушка её слова и говорит:

— Если Пари хочет спеть, пусть споёт.

А гости шепчутся:

— Какая невежливая девчонка! Не стыдно ей в шаманские игры лезть!

Вышла Пари на середину яранги, ударила в маленький бубен и запела.

Поёт Пари — и гости слышат, как

Пари куйпал хот хәрия вуц-
кәслә — хумпәт юхлы пәда щи пит-
сәт! Хот хәрийн тәп ар епләң щорәс
капуста хәщәс.

Пари вән лыпия капуста әктәс,
мойң әх капустаин мойләты пит-
сәлә.

— Муй хурасуп әвие! Щи вәдмал
әвие! — мойң әх путәртсәт.

Ин әвие па щи куйпал вүслә па
щи арәмәс.

Пари арийл — мойң әх вантләт,
хуты хотхәрийн епләң вонщумутәт
тивләт.

Пари әвие вонщумутәт вән ана
әкәтсәлә па мойң әха мәслә, ат вант-
ләл муй епал тайләт.

— Муй хурасуп Пари әвие! —
мойң әх путәртсәт. — Муй уцмараң
нәңие!

Хәдмит Пари хотхәри кутпа
әтәс, куйпал хәтщәс па ел арәмәс.

Куйпал ванкүтды сәңкты пит-
сәлә, щалта юхиенән аләмәс па
мүв хотхәрия лонщумтәслә — юхи-
ел эвалт сыстам умләп йиңк щура-
тәс.

Пари әмпел щив омәссәлә йиңк
шуриты тәхия — юх нүвал эвалт
сыстам умләп йиңк щуриты питәс.

Әмпел Пари йиңк шуриты тәхия
омәссәлә па мойң әх хулығыа щи
йиңкән ящлтәслә.

— Муй пиц хуты! — мойң әх
лупләт. — Иса әх кинща нух питәс!
Хулығыа әх лапәтсәлә, ящлтәслә!

Мойң әх хотдала мәнсәт па хув
путрәмәсәт ай щәртәң нә пицәт
олаңн.

морские волны плещут за стенами
яранги. Пари чаще застучала в бу-
бен — и волны хлынули в дверь. Вот-
вот они затопят ярангу!

Бросила Пари бубен на землю —
и волны отхлынули! А на полу яран-
ги осталось много вкусной морской
капусты.

Собрала её Пари в большой таз,
стала обходить гостей, угощать их
свежей морской капустой.

— Ай да девочка! Ай да Пари! —
говорили гости.

Снова взяла Пари свой маленький
бубен и запела.

Поёт Пари — а гости видят, как
на полу яранги вырастают сладкие,
душистые ягоды.

Собрала их Пари в большой таз
и обошла всех гостей, всем дала по-
пробовать сладких ягод.

— Что за девочка! — говорили
гости. — Что за волшебница!

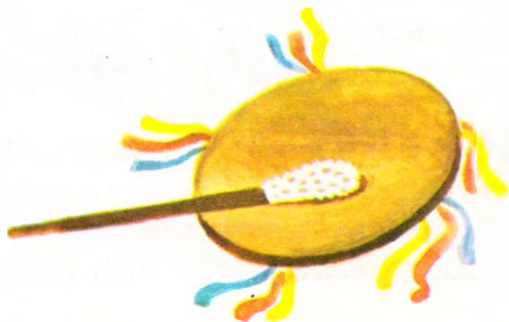
В третий раз вышла Пари на се-
редину яранги, ударила в свой ма-
ленький бубен и запела.

Часто-часто застучала она в бу-
бен, потом схватила соломинку и
воткнула её в земляной пол яранги —
полилась из соломинки чистая клю-
чевая вода.

Подставила Пари ковш под струй-
ку и дала всем гостям напиться.

— Что за чудеса! — говорили гос-
ти. — Всех на празднике она побе-
дила! Всех накормила и напоила!

Разошлись гости по своим яран-
гам и ещё долго потом воспомина-
ли чудеса маленькой шаманки.

ЛЕР ПУХИЕ

Ханты ёх моц

Малаң хонаңн атэлт Моцне вэс. Лув хул велас, вонцумут актас. Илатн малаң хонна еслащас йиңкан енумты турн лерат акатты. Щи актас, актас, юхи манты вутчийс па намасыйл: «Па и лерие ки менумдум». Луваш кут эвалт лерие ким талас, вантл — ай пухие хурасуп. Моцнеңан ин пухие нух дюхатса, хинта пунса па юхи тэсы.

Юлн онтупн ёнтсалэ, ернасн ёнтсалэ. Лериед лемайтаслэ, ил вэлтаслэ па акань иты нюхалты питсалэ.

Нюхалсалэ, нюхалсалэ па имултыйн няврем холлуп сымлас. Щив аңкармас — ин лерие нух дылаңлас! Моцне нух амтас. Щи полталлэ ин лерие, мет лув пухл.

Ин Лер пухие сора енумты питас. Кур тыя лодяс, ким етмас. Лув сахтэла нел па эхал верас, тутьюх сэварл па хота луналтал. Моцне амтал вэн.

Илатн Моцне манас малаңа хул велты. Лер пухие щи кемат ванта яңхемийл, вонцумут воцл. Вэнт имийн ин пухие лавалса, аңкия лупантас па ин пухие ванта щитэсы.

МАЛЬЧИК КОРЕШОК

Хантыйская сказка

Жила в лесу на берегу озера одинокая женщина Маньсь Нэ. Ловила она рыбу, собирала ягоды. Однажды спустилась к озеру искать корни водяных растений. Брала, брала их, хотела уж домой возвращаться, да подумала: «Дай вырву ещё корешок». Вытянула корешок из ила, видит — похож он на маленького мальчика. Вымыла его Маньсь Нэ, положила в корзину и принесла домой.

Дома сплела она из берёсты люльку, сшила из ленты рубашку. Оде- ла корешок, уложила в постельку и стала качать, как куклу.

Качала она, качала люльку и вдруг услышала плач ребёнка. Глянула — корешок ожил! Радости Маньсь Нэ не было конца. Ухаживает она за мальчиком Корешком, как за сыном.

Стал мальчик Корешок быстро расти. Вот он уже на ножки встал, во двор выскочил. Сам мастерит себе лук и стрелы, колет дрова и в дом несёт. Не налюбуется на него Маньсь Нэ.

Однажды ушла она из дому на озеро рыбу ловить, а Корешок решил тем временем в лес сбегать,

Вэнт эвэлт Мощнѣние юхтас — немхуют камн антэм. Юхи луңас. Щит па муй? Ишни пуңалн па эвилэ омәсл.

Мощнѣнән инщәсла:

— Хой эви наң? Ма Лѣр пухием па хута?

— Наң пухән ма аңкемн вўсы, лўв вэнт ими, — эвилэ лупас. — Лўв лапатты питләлэ ма яйдам пида. Наң маңем лѣтут мия! Ма самем вохда!

Мощнѣ холдупа питас. Тәп сөм йиңк эвэлт муй җтл. Ин эвилэ лапатсәлэ па инщәсләлэ, тайл пәда вэнт ими эви ёнтасты вәндтыйлты. Ин эвилэ сухмәт ел вуцкәс, сухәт ара маңшәслә.

Хот хәри ёвәлты каш ант тайл, тўтьюх луңалты ант ләңхал. Щи-мәщ шәк пәда вәлты эвилэ, Мощнѣ түрл пәтия щи юхтас. Мощнѣ хўл вел, вой велпәсләл, лѣтут кәт хуята кавәртл па ям түриенән эвиле вохләлэ. Мень немн. Иң кәнд пу-тәртал па шәк, няләл уңда тәты шәк.

Мощнѣ пирщәмәсы рәпатайл пи-да ешәцман, хўл велты, вой каш-ты ин ант вәратл. Ин юлн лѣтут антэм. Ин мень немн пунум нәңл ўвл аңкел пәда па велпәсләты парт-ләлэ.

Тәп вэнт имел щуня питас. Лўв пухлал ищи шәк пәда вәлты утәт. Тәп Лѣр пухие сәсәт вортл, карт-сәсы омәсл, юхи юхәталн кәмн вой тәл. Лѣр пухие тухәл тахумәл па юхи ар хўл тәл. Вэнт ими ям тахиләл лўв пухлала мәллэ, Лѣр пухие щиты щи шәкатла.

Иләтн Лѣр пухие нумәсн юхәтса: «Муя ма аңкем ма пәдәма щимәщ лык? Па пухлал лўвел щи мостәл...» Ин пухие ким җтас, шумадя йис па имултыйн хәлләлэ, аңкел юлн няхәл:

ягод пособирать. Тут подкараулила его лесная колдунья, прикинулась матерью и увела его к себе домой.

Вернулась Маньсь Нә с озера — никто её не встречает. Вошла в дом. Что такое? Сидит у окна чужая девочка.

— Чья ты, девочка? И где мой сын Корешок? — спрашивает Маньсь Нә.

— Твоего сына забрала моя мать, лесная колдунья, — ответила девочка. — Будет он кормить её да моих братьев. А ты мне есть давай! Я голодная.

Заплакала Маньсь Нә. Но слезами делу не поможешь. Накормила она девочку и спрашивает, не хочет ли дочь колдуньи учиться шить. Но девочка отшвырнула нитки, порвала тряпки.

В доме она прибирать не хочет, даже за дровами во двор сходить отказывается. Такая ленивая, что совсем Маньсь Нә измучилась с нею. Ловит Маньсь Нә рыбу, на охоту ходит, еду на двоих готовит и ласково зовёт девочку по имени Нәнъ. А той и разговаривать лень, даже ложкой хлебать не хочется — совсем изнежилась.

От непосильного труда состарилась Маньсь Нә, не может больше ни рыбу ловить, ни охотиться. В доме есть нечего. А Нәнъ кричит на мать и гонит её на работу.

Зато лесная колдунья живёт припеваючи. Сыновья у неё тоже бездельники. Один Корешок ставит силки и капканы на зверей и всегда возвращается с добычей. Один Корешок закидывает невод и приносит много рыбы. А лесная колдунья лучшие куски отдаёт родным сыновьям, сама ест, Корешку оставляет что похуже.

Однажды Корешок задумался:

— Ха-ха-ха! Мощне пухи мўн лапәтләюв, яшдәтәлюв, ин Мощне мўн эвев лапәтты әнт вәрәтл.

«Щирн вәр щиты вәдтал! Лўв ма аңкем әнтә! — Лер пухие мутшанщас.— Хуты вәдты?» Нумас вәрәс хәхәлты тәлтаты.

Тәл вәс. Хулта мәнты, хута аңкел кашты. Лер пухие әнт вәслә. Нымәл вўс, пўтсухәл әнтупа әхтумтәс па ши мәнәс кўш хулта ат юхәтл. Мәнәс, мәнәс, сәмл вохты питса. Ешавәс вўрәс* пәнт вәйтәс.

Ин вўрәс нәхәлсәлә, вәдсәлә. Тўт әләс, нюхи кавәртәс, ләс па ил маңанмәсы.

Вәлма питәс, мәттә кәт акань рат хонҗа юхәтсәңән. Ин аканьҗән васы нюл эвәлт вәрман. Шаңкап лўв ай пурайн юнтум аканьл.

— Вуца, Лерие, — ананьҗән лупләңән. — Яма нәң ләсән?

— Яма ләсум, — Лерие лупәс.

— Мўн тәп ләдлы вәдлўв, — аканьҗән лупсәңән. — Нәң аңкен ищи сәмл вохлә. Лўв пирщемәсы, па немхуятн лўв әнт нәтлә.

— Лўв хута вәл?

— Нәң вәдум нюхен мўнев мие — мўн пәнтән әдләв.

— Вўялн, вўялн, — Лерие амтәс.

Ин аканьҗән лупләңән:

— Пўтсухиен пәхәлме. Хулта лўв ләремл, щивелт мәна.

Нух вәрәмәс пухие — немхуят әнтәм. Тўтл хәрлудмәл. Вурәс нюхел әнтәм, пўт пәтәлн ай тәхты нюхи хәшмәл.

Путл пәхәлмәс — ин ут хәтумәс. Нымәлңәл ваттәс — па лўв юпелн. Хўв муй ван мәнәс — пўтсухәл ләремәс ай хотые пўңла. Ова Лерие юхтәс, хәләнтл, муй сащл.

ЩИ арт шәк тәты эвилә аңкеда лупәл:

«Почему моя мать со мной такая грубая? Ведь любит же она братьев...» Вышел он во двор, пригорюнился и вдруг слышит, что мать его смеется в избе:

— Ха-ха-ха! Сын Маньсь Нә нас кормит, поит, а сама она уже не может прокормить одну мою дочь Нәнь.

«Вот в чем дело! Она мне не мать! — догадался Корешок. — Что же делать?» И решил бежать.

Стояла зима. Куда идти, где искать мать, Корешок не знал. Взял он лыжи, прихватил котелок и отправился куда глаза глядят. Шёл, шёл, проголодался. Вскоре напал на след дикого оленя. Погнался за ним, убил. Потом развёл костёр, сварил мяса, поели задремал.

И снится ему, будто подходят к костру две куклы, сделанные из утиных клювов, точь-в-точь такие, какими он в детстве играл.

— Здравствуй, Корешок, — говорят ему куклы. — Вкусно ли ты поел?

— Вкусно, — ответил Корешок.

— А вот мы голодные, — сказали куклы. — И твоя мать Маньсь Нә тоже есть хочет. Она стала стара, и никто ей не помогает.

— Но где она?

— Отдай нам твою добычу — мы путь укажем.

— Берите, берите, — обрадовался Корешок.

Тут куклы и говорят:

— Толкни котелок, куда он покажется, туда и иди.

Проснулся мальчик — никого. Костёр погас. И туши оленьей нет, только в котелке мясо осталось.

Толкнул он котелок — и тот покатился. Надел Корешок лыжи — да за ним.

Долго ли, коротко ли шёл — привёл его котелок к маленькой избушке.

— Мана ведпәсләты! Ма сәмәм вохла!

— Анана! Щирәм антә. Ма кәшәтлүм,— Мощнә лупл.— Ләр пухиём вәтшасүм. Лүв дәлн мәнәм нәтәс.

Ләрие щи яснәт хәдәс па уша щи версәлә. Тата щи лүв аңкел вәл. Хот дәңда хәңхәс, щухал вүс хүват нюхен пүт сухл ил есләс.

Ин Мень щухаләл пәда аңкәртәс — щата нюхен пүт.

Амтәс:

— Тәрумн нюхийн щи китсайман. Мана, тугьюх туга, нюхен хошмәлтә сорашак!

— Щит тәрум хән, щит алпа ма пухиём,— пирәщ Мощнә лупәс па холлупа щи питәс.

Ләрие ант верәтәс ов кимпийн дөльты па ов щи пүшсәлә.

— Ма нәң пухен, аңка,— лүв лупәс.— Ма нәмулты пурайн па ант хәйләм. Нәң, шәкаң Мень, ма нымәднәдам ватта па әшәм хүват мана нәң аңкен хуца.

ке. Подошёл Корешок к двери, слушает, что в домике делается. А в это время ленивая Нәнъ говорит матери:

— Иди на охоту! Я есть хочу!

— Ох, не могу. Болею я,— отвечает Маньсь Нә.— Потеряла я милого сына Корешка. Он бы помог мне в старости.

Услышал Корешок эти слова и догадался, что тут его родная мать живёт. Влез он осторожно на крышу и спустил через трубу в дом котелок с мясом.

Глянула Нәнъ в чувал* — а там котелок. Обрадовалась:

— Вот Бог нам мяса послал. Иди за дровами, разогрей мясо скорей!

— Это не Бог, это, наверно, мой сын Корешок,— сказала старая Маньсь Нә и заплакала.

Корешок не мог больше стоять за дверью и открыл её.

— Я твой сын Корешок, мама,— сказал он.— Я никогда больше тебя не оставлю. А ты, ленивая Нәнъ, уходи к своей матери.

ЛУК ПА ХУТҢАТ

Нивхи ёх мощ

Суса йис. Хутҗат яха актӑшты питсӑт морт мӱва мӑнтыя. Олҗӑлн тӑрма кӑрша и пакӑт едмӑс, лӱв юпедн кимит, хӑлмит. Щӑлта тӑлаҗ вӑн пакӑт нуви тухлаҗ воит вӑн вӑнт пӑла пӑрлӑс кӑраш пӑлҗӑт вӑнта, щорӑс пӑла.

Юхи хӑшум пактал мӑлаҗ хуша хӑшӑс, лӱв ищи там пӑрлӑмл, тум пӑрлӑмл.

Хутҗат пила хӱв панта айлаҗ лӱк сонтумӑс. Тӑп хутҗатн пӑнан вӱты ӑнт вӱтцийдса.

— Наҗ эрӑн шимӑл щорӑс па рӑпӑт шӑпи пӑрлӑты,— вӑна ювум хутаҗ путартӑс.— Мӱҗ тухӑллӱв ӑх-тыйн катдӑсты ищи ӑнт верӑтлаҗ. Тами олаҗн нӑмӑсыла.

Ин лӱк нӑмӑлты ӑнт хӑлаҗтл. Лӱв ищи эра верӑсл хутҗат иты па морты мӱва яхты сӑмл шӑҗк лаҗхӑс. Сем йиҗклад ши хуҗилаҗ па ши во-хантл:

— Вуялн мӑнаҗ пӑнан, ши хура-суп хурамаҗ воит! Вуялн!

Щирн вӑна ювум хутаҗн шале-мӑсы па партӑс турн эвӑлт кел сӑвты. Ин хутҗат вуянтсӑт па ши сӑвсӑт хӱв па так кел. И олҗӑл айлаҗ ху-таҗн тӑхумса, кимит олҗа лӱк тӑх-мӑс.

Хутҗат нюра я тӑрма ши едумсӑт па хӱв сух шӑлюм иты ши картӑш-сӑт. Лӱв юпедн айлат хутаҗ едмӑс, хӱв келн талӑсман лӱк.

Талаҗ хӑтл хутҗат нӑл иты мӑн-сӑт, тӑп айлташӑк сыри кинца: лӱв лӱкел шалитсӑт.

Етн ола ещӑлт вот тарма йис, лӱк эрл ая йиты питӑс. Ин келӑл вот

ГЛУХАРЬ И ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Нивхская сказка

Наступила осень, и дикие лебеди стали собираться в стаи, чтобы на зиму лететь в тёплые страны. Сначала взвилась высоко над землёй одна стая, за ней вторая, третья, и скоро целая вереница белоснежных птиц полетела под облаками к большому тёмному лесу, что тянулся до самого моря.

Последняя лебединая стая осталась на озере, но и она была уже готова к полёту.

Запросился с лебедями в дальний путь и молодой глухарь. Но лебеди не хотели брать его с собой.

— У тебя не хватит сил лететь через моря и горы,— говорил ему старый лебедь.— И на наших крыльях ты не сможешь удержаться на такой высоте. Подумай об этом!

Но глухарь ничего не хотел слушать. Он мечтал быть таким же сильным, как лебеди, и побывать в дальних краях. Слёзы лились у него в три ручья, и он жалобно продолжал просить:

— Возьмите меня с собой, добрые красивые птицы! Возьмите!

Тогда старый лебедь сжалился над ним и велел сплести тонкий шнур из гибкого лозняка и камыша. Дружно взялись лебеди за работу, и скоро был сплетён прочный шнур. За один его конец ухватился молодой лебедь, а за другой — глухарь.

Вот лебеди плавно поднялись в небо и вытянулись далеко на горизонте узкой белой лентой. Вслед за ними взлетел и молодой лебедь, увлекая за собой на шнуре глухаря.

хойты саты хува таласал. Ин лүк лыдал юхи ермийл па тухалдалн леваса ши ёвал. Самл ал ши пүтыйл, семнал сем йиңкан лап вусый-нан. Нюдал эвалт кел тэхумман кадды етл.

«А муя ма вохантсум дыв пелэла манты ши хуват тахия,— лүк нэмас.— Мин юхи ши хашдумн пантат эвалт, ешайн иса эрлы ши питлум, ил ракандум па ара ши похлум. Хутыса валты?»

Вэна ювум хутаң саңн юхатса. Лүв вэслэ, ин пакат вэн вэнт нумпийн манл, ешавэл мувел суханл. Щалта хутнат мет карща елмадат. «Худна кем тайлүв, лүк лыл давалты мосл!» — хутаң нумас верас.

Лүв арталум посадн ин вэн пакат ил еслащты ши питсат. Илн валмал ям хар тахи. Лыв юпелн мув эхтыя ракансаңан айлат хутаң па лүк. Лүкл иса эрлы питмал кенярлэ. Лүв тухалдал ара юватман мув эхтыйн кератлас. Айлат хутнал ищи тэп далтал па лүв нумпелн ухл ил еслас.

— Я, лэхсые,— лүв лупас,— щикущ наңен нётты вутцийлсум. Ин наң уша версэн кашин вэн тухлан вой хэн тайл тамаш эр тухал пүн, хутнат иты. Та, наңен муң эвалтэва еңкэрпа кат-хелум нуви пүн, ат хашлат наңена.

Лүк ухл нух алмас, нумсал вана йис па ши холлупа питас.

Хутнат хуви мансат, тэп лүк худна ши холдал. Лүв уша версалэ: нэмудты пурайн лүв дыв пилэла ант пердал морты мува. Сем йиңкдал эвалт лүк семнан вуртыя йиснан па щиты ши хашсаңан. Лүк куит щимаш семн сема питлат. Щи вуш эвалт худыева лүкат семдал вуртэт, питы тухалдал хуца хураман нуви пунат долдлат.

Целый день лебеди летели быстро, но всё-таки медленнее, чем обычно: ведь они жалели глухаря.

К вечеру поднялся встречный ветер, и глухарь начал выбиваться из сил. Шнур от порывов ветра натягивался, как струна, и глухарь, задыхаясь от усталости, судорожно махал крыльями. Сердце его трепетало от страха, из глаз лились слёзы, из клюва сочилась кровь.

«Ах, зачем я напросился лететь в такую даль,— в отчаянии думал он.— Мы уже отстаём от лебединой стаи, скоро я не выдержу, упаду и разобьюсь. Что же мне делать?»

Старый мудрый лебедь почувствовал неладное. Он знал, что сейчас вся стая летит над большим лесом, но скоро суша кончится. «Пока не поздно, нужно спасти жизнь глухарю!» — решил лебедь.

И вот по его знаку вся лебединая стая стремительно начала спускаться и скоро очутилась на ровной лесной поляне. Вслед за ней упали на землю молодой лебедь и глухарь. У глухаря был жалкий и несчастный вид. Он лежал на земле, беспомощно распластав крылья, и молодой лебедь заботливо склонился над ним.

— Эх, дружище,— сказал он,— хотелось мне помочь тебе, но теперь ты сам понял, что не у всякой крупной птицы такие могучие крылья, как у нас, диких лебедей. Вот тебе на память от меня несколько белых перьев, пусть они навсегда останутся с тобой.

Глухарь поднял голову, благодарно посмотрел на молодого лебедя и залился слезами.

Лебеди давно улетели, а он всё плакал и плакал, потому что понял: не летать ему с ними никогда. От слёз покраснели глаза у глухаря, да так и остались красными.

ХАТЛ ЭВИ

Нганасан ёх мош

Там мош ма хэн версем. Мет вена ювум ёх опрашдал эвалт хэлдясэл. Лывел иши опрашдалн монцийл-сайт.

Там вер вэс хатл нганасаната анта хэтлум пурайн, дунн ёнкат ан дудум артн. Патлам артн вэлты шеңк атум ханнехёита, вудэта, ай деңкарата. Тыштадат мир — велпас-латы ширэл антэ. Рат хонанн тэп кутэдн вейтантыйлдят. Щиты шэк вантман илатн омаслат шэк тувман, имултыйн вена-вена ювум хуят лупал:

— Ма хэлдясем, Хатлые кашин хатл тэрум хуват яхтал, тэп муңат мултыя ант вантдалэ. Луплат, Хатлые эви тайл, тэп ин неңие шеңк ушмараң па кеңк. Ям хуят ки вейтсүв дэдн, моя Хатл эви хуца китсэв. Юрнхотада дэдн тэслэ, ширн Хатл най муң мувева ванкутлы юхтыйлты питас.

Щи яснат айлат хуят хэлмаслэ, сыйлы-хэслы эхлала дэлас па ши манас.

Хув муй ван манас, вудыдал Нуви най пела яма хэхалдат. Имултыйн вантл — нэрум мув кутупн ханнехэ долъ, ишки па вөтас кутн милал ил мухатмал.

— Наң хой? — айлат хэ инщасдалэ. — Муя тамаш ишкийн милэн нух ёнхсэн?

— Ма муй иса вантты па хэлты хуят. Велем, наң Хатл эви хуца моя манлан.

ДОЧЬ СОЛНЦА

Нганасанская сказка

Не я это выдумал. Самые старые люди от своих дедов это слышали. А им их деды рассказывали.

Было это, когда нганасанам солнце не светило, когда и летом льды не таяли. Всем плохо в постоянной темноте — что людям, что оленям, что малым мышкам-леммингам. Грустят люди, горько вздыхают — ни на охоту не пойти, ни на рыбалку. Только возле костра и видят друг друга. Сидели они так однажды, горевали и вдруг старый-престарый оленевод говорит:

— Слыхал я, что Солнышко каждый день по небу гуляет, лишь нас почему-то минует. Говорят, что у Солнца есть дочка — очень хитрая и капризная. Вот если бы нашёлся среди нас добрый человек да посватался бы к дочери Солнца. Привёл бы её в свой чум*, тогда и в наши края заглядывал бы её отец!

Услышал эти слова молодой нганасанин. Молча собрался, сел на нарту* и поехал.

Долго пришлось ехать, но резво бегут олени в светлые дали. Ехал, ехал, вдруг видит — стоит посреди тундры человек, в мороз и пургу без капюшона.

— Ты кто такой? — спрашивает молодой охотник. — Почему в такую стужу с непокрытой головой?

— Я тот, кто всё на свете видит и слышит. Знаю, что ты едешь к дочери Солнца свататься.

— Яна ши!

Мув вантты, мир хэлты хэ лупал:

— Манат панан вѹе, ма наѹен мосматлѹм.

— Нѹрум мувн пил пида ям. Юлта омса.

Елды кат хуят мансаѹан. Имуд-тыйн дын елпенан саѹхум эхтыйн нѣлаѹ-ѣхлаѹ хуят долѹ.

— Вѹща вѣда, наѹ хой? — айлат хэ инщаслаѹ.

— Ма нѣл яма есалты хуят. Муй есалты мосл, ма иса хойлѹм.

— Ма Хатл эви хуца моя ман-лѹм, там пилхѣм манѣм нѣтты вуянтас. Мин пилѣмана манты ант кашащлаѹ?

— Муя ант кашащлѹм! Яха муй вер ант верлѹв.

Хѣлѹм хуят ин ши манлат. Хѹр тахия етсат. Вантлат — ханнехѣ ху-расуп ут, мулты вѣды щира навѹрл. Ванашѹк юхатсат, вантлат — тащ ла-валты хѣ, тѣп и кѹрл ѣша йирум, ки-мит кѹралн навѹрл.

— Наѹ хой, ешѹк хуят? Муя па щиты навѹрлаѹ?

— Ма вѹдылам лаваллѹм. Тѣп ма щимурт пасты. Хѣхалмалѹм ки, щирн вѹдылам мухты навѹрлѹм. Щирн ши и кѹрѣм нух йирлѣм, вѹды-лам елты ал манлаѹам.

— Мѹн Хатл эви хуца манлѹв. Мѹнат нѣтты хуята вѣда!

— Я, вѣллѹм ки вѣллѹм, — Пасты кѹруп хѣ лупал. — Тѣп нын манаты, ма кѹрѣм хулт еѹхлѹм па нѣхалла-лам.

Лыв ши мансат. Хув мансат, муй ван мансат, кат саѹхум яха юхатты тахия юхатсат. Саѹхум кат ух па-тыйн похатѹр долѹ, нѹл тыялалн кѹрак омасл.

Ин ѣх ѣхал эвалт ил вухалсат, ин похатѹр хуца манлат, ин хѣ ухл ант нѹхтыйс.

— Твоя правда!

— Возьми меня с собой, я тебе пригожусь.

— В тундре с товарищем всегда надежнее. Садись сзади.

Поехали дальше вдвоѣм. Вдруг впереди на сопке* видят человека с луком и стрелами.

— Здравствуй, кто ты такой? — спрашивает молодой нганасанин.

— Я хороший стрелок. Могу в любую цель попасть, любую пре-граду сбить.

— А я к дочери Солнца еду сва-таться, вот товарищ помочь мне вызвался. Не хочешь к нам при-соединиться?

— Отчего не помочь? Вместе лю-бое дело легче одолеем.

Едут уже втрѣм. Выехали на равнину. Смотрят — человек вроде, да как-то странно прыгает. Ближе подъехали, видят — это оленевод, но одна нога у него к руке ремешками привязана, на другой ноге скачет.

— Кто ты, добрый человек? По-чему так странно передвигаешься?

— Я оленей пасу. Но я такой быстрый, что если побегу за стадом, то мимо него проскочу. Вот и при-ходится одну ногу привязывать, чтобы оленей не обгонять.

— Мы за дочерью Солнца отпра-вились. Будь нам помощником!

— Ладно, — говорит Быстроно-гий. — Только вы дальше езжайте, а я, как ногу отвязжу, вмиг догоню вас.

Продолжили путь. Едут, едут, вот к двум высоким горам подъехали. А между вершин богатырь располо-жился, на носу у него орѣл сидит.

Сошли путники с нарт, идут к нему, а он даже головы не повернул.

— Ты кто такой? Почему не двигаешься? Даже птицу с носа не прогоняешь!

— Наң хой? Муя ант нэхалан? Воен нюлэн эвалт ант вошитлэн!

— Ма эр хэ. Нюлемн нюхталум, саңхум хойлем — ин саңхум ши рохнемал.

— Наң эрэн ванлтэ!

Похатур нюлалн нюхтас — курак перлемас, саңхум ид рохнемас.

— Ешак эр ши тайтэн! Мун Хатл эви хуца моя манлүв. Наң муңев ант нетлан?

Эр хэ кашашас, нял хуята йис вэртатыя. Хув муй ван мансат, яма вудыдал хэхалдат. Имудтыйн дыв ешалтэл тыйң вал тый хурасуп реп тывас. Ши реп ух патыин ханнэхэ омасл, эпатдал дощи иса лап пуртумат.

— Эй, наң хой? Муя ухэн лощи лап пуртасы? — ин ёх увлат.

Ин хуят иса хэсла, ухл тэп нюхтас: лыват шуваласлэ. Тэп ухл нюхтас — щимурт вотаса йис, донца йис.

— Нух вудыя! — ин ёх пойкшаты питсат. — Мун пилэва манлүв там хэев имийн вэртаты!

Ин хэ вотасл нух вулемаслэ, дыв пилэда ши шэшмас.

Елды манлат, малан вэнта юхатсат. Вантлат — малан хонан шаншух эхтыйн хуят долъ, ид нюрмал, турупдал ел шашмал.

— Муй наң верлан тата? — ин хэт хуятн иншасла.

— Йиңк ящлум. Малан йиңк хулыева ящты вератлем па катлем хул ант лэхалман нетлумлум, — Йиңк ящты хэ лупл.

Додилалат ёх па немасыйллат.

— Наң делн муңев мосматсан! Хатл кеңк эви хущи манлүв моя!

Ин малан шэпи Йиңк ящсалэ, кат хул нетлумтас па ши сонтумас.

Хув муй ван мансат — дыв елпелн юрнхот тывас. Щит вэнта ши вур-

— Я силач. Стоит мне лишь носом пошевелить, горы зацеплю — они тут же обрушатся.

— Покажи-ка свою силу!

Богатырь носом повёл — орёл взлетел, горы в прах рассыпались.

— Ну и силен же ты! А мы едем сватами к дочери Солнца. Не поможешь ли нам?

Согласился Силач, стало у охотника четверо сватов. Едут, едут, резво бегут олени. Вдруг перед ними острая, как задний наконечник хорей*, скала оказалась, а на ней сидит человек с засыпанными снегом волосами.

— Эй, ты кто такой? Почему голова у тебя в снегу? — кричат путники.

Человек ничего не сказал, только головой кивнул: вижу, мол, вас. Только он головой качнул — поднялась страшная пурга, снег посыпался.

— Прекрати! — взмолились путешественники. — Поедем лучше с нами охотника сватать!

Снеготряс перестал пургу насы- лать, присоединился к ним.

Дальше едут, до озера добрались. Смотрят — на берегу, наклонившись к воде, стоит на коленях человек с выпяченными губами.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивают шестеро ездоков.

— Воду пью. Могу всё озеро разом выпить да пару рыбин, не жуя, заглотить! — отвечает Водохлёб.

Поразились путники.

— Ты бы нам пригодился! Поедем к дочери Солнца свататься!

Человек с выпяченными губами выпил пол-озера, пару рыбин проглотил, утёрся и пристал к компании.

Долго ли ехали, коротко ли — увидели впереди чум огромный. Блестит так, что глазам больно.

дәд, сәма кәши. Ванашак юхәтсәт, вантләд — пәтәрух хот, овл щелвух, овл карты туманан эхтум.

— Алпа, там Хәтл эви хот,— айлат хә лупл.— Мүв вантты, мир хәлты хә, уша вере-сар, хой тута па муй верл!

Мүв вантты, мир хәлты хә вән юрхота вана манас, пәтәрух нюкет мухты вантты щи питас.

— Хурамәң тәс эвие лыпийн ул!

— Нәң верәң, нәләң-әхләң хә! Вандтә-са, хуты нәң яма нәд есалдәң! — айлат хә лүват ишәкл.

Ин хә әхләд вортас, кәт нәд еслас и юпийн. Оләң нәләд карты туман шукатас, кимәт нәләд щелвух ов пуншас.

Юрнхот эвәлт щимурт нуви хәтләс, сәм нух ант едмәд. Вәртесты юхтум әх сәмләд әшн ләп нәратсәт. Сәмләд еша пернемасәт, юрнхота лүңсәт.

Эвие нух вердас па лупл:

— Хулца юхәтсәты па муй верн?

Ехн иншасла:

— Мүң пәтлам мүв эвәлт юхәтсүв, Хәтл эви кәшлүв. Ан луплән, хута лүват вәйтты?

Эвие лупал:

— Ан хән лупләм! Путәртәв едпийн мойң әх шайн ящлтәты мосл. Ин ма шай верлүм.

Ким етас, пәтәрух тütьюх алтуп тәс. Щәлта па яңхас карты хәш юха. Пүтл щелвухн шошәмәслә. Түтл әдас. Щи шүкшәл — ким етләд, юхи лүңтыйл.

Ратл вүщилас, пәсәң ал щи мәлуйл, нәмулты ант кәд. Мойң әх хәлдяты питсәт, лылдәл юхи щи әрумләт. Ин эви щи вәшумтас, мет лүв тәта антәм вәс. Камәлта тәп нәхты сый сацийс.

Пәтәрух нүв шукат ратн дәдәт,

Подъехали ближе, смотрят — чум медный, дверь серебряная, а на двери — железный замок висит.

— Видать, это дом Солнца,— говорит молодой охотний.— Давай-ка, Всевидающий-Всеслышащий, узнай, кто там и что делает!

Всевидающий-Всеслышащий к огромному чуму приблизился, сквозь медные нюки-покрышки смотрит:

— Прекрасная девушка внутри спит!

— Твоя очередь, Стрелок! Покажи свою меткость, силу своих стрел! — просит юноша.

Тот натянул лук, пустил две стрелы, одну за другой. Первая стрела железный замок сбила, вторая серебряную дверь открыла.

Полился из чума нестерпимый свет. Зажмурились сваты, глаза руками прикрыли, а когда немного к свету привыкли, в чум вошли.

Девушка проснулась, удивилась:

— Откуда вы и зачем приехали?

— Мы едем из тёмного края, ищем дочь Солнца. Не подскажешь, как её найти?

— Как не подсказать! Но прежде чем разговорами гостей забавлять, надо по обычаю накормить их с дороги. Сейчас я еду приготавливаю.

Вышла, принесла вязанку хвороста из червонной меди. Ещё раз сходила за железным тальником*. В котёл жидкого серебра плеснула. Развела огонь в очаге. Хлопочет — то в чум войдёт, то выйдет.

Разгорелся костёр, дым валом валит, ничего не видно. Закашляли гости, задыхаться стали. А девушка исчезла, словно и не было её. Только смех снаружи донёсся.

Медный хворост пылает, железный вспыхнул — дышать уже не

карты ут вущемасы — далты щир антэм. Ёх пұнаң сухдал яңиты пит-сайт.

Ин Ииңк ящты ики някшумтас па мадаң йиңк ким лунемас, тут ши хэрлас. Вэртаты ёх меньхәел пида ким етты вутшийдсат, ов ким пелак эвалт лав павалтум. Ин Ёр хәел тәп ланкарн нюхтыйс — ин пәтарух хот пуңдал ара ши рывсат полт иты.

— Мир вантты хә, хута Хәтл эви? — меньхә ищмас.

— Мун эвалтэва ши хунтал, и еллы питл!

— Лощ-вотас вэрти хә, вотас вэра лув пантадн! — меньхә поик-щал.

Лонщаң ики әпләдн ревемас — вотас эви пұналн якты ши питас. Лув ёш елпедн немудты ант кал. Лонщи паит тәрум карщата енум-сат.

Пасты кұруп хәйл лув юпедн хәхәлмас, ин тата ши нәс. Мир вантты хә лул:

— Ин эви юлта юхәтсәлэ ләдн, тәп и кұрл ёша йирман!

— Нәлаң-әхләң хә, ин талта шашкедала хойты вэратлан, ант мәшмәлты щирн.

Ин хә әхләл вортсәлэ, кат нәл еслас. Шаңкап шашкеда хойс па ин утһан ши катна еңхәссаңан.

— Хәщ юлта юхәтсәлэ ин хәх-лум эви, тәп лув мадаң тум пелка вуншумтас, а лув хоп ант тайл! — Мир вантты хә тыштад.

Ин меньхә нумас вэрас:

— Ешак вұдыем, Ииңк ящты хә-ен тухи түве.

Ищи мухты ши ин вұдыйн Ииңк ящты хә тухи түвемасы. Ин ут ма-лаң хонҗа юхтумтас, мадаң йиңк хул ши янщемасы. Пасты кұруп хә сорум мадаң хуват хәхәлмас па эвие ши каталса. Лощ рывалты хә әшл юхлы

чем. Меховая одежда гостей тлеть начала.

Тут Водохлѐб икнул и выплеснул из себя воду озера, загасил огонь. Хотели сваты с женихом на улицу выйти, а дверь закрыта и снаружи подперта. Тогда Силач повёл плечом — стены медного чума рассыпались, как труха.

— Всевидящий-Всеслышащий, где дочь Солнца? — спрашивает юноша-охотник.

— Убегает она всё дальше от нас!

— Снеготряс, подними на пути её пургу! — просит он.

Человек со снегом на волосах замотал головой — и вьюга перед девушкой заплесала сплошной стеной. На расстоянии протянутой руки ничего не видно. Сугробы выросли.

Бросился за ней Быстроногий. Не успели сваты и глазом моргнуть, как он исчез из виду. Всевидящий-Всеслышащий говорит:

— Догнал бы он дочь Солнца, да нога-то у него к руке ремешками привязана!

— Стрелок, можешь ли ты отсюда попасть в завязки?

Натянул Стрелок свой лук, пустил одну за другой две стрелы. Точно в цель попал — ремешки и развязались.

— Эх, совсем было догнал Быстроногий беглянку, да успела она на другой берег озера перебраться, а у него-то лодки нет! — горюет Всевидящий-Всеслышащий.

И тут юноша-охотник придумал, что делать.

— Верный мой олень, отвези-ка туда Водохлѐба.

Вмиг домчал нганасанский олень человека с выпяченными губами до места. А он приложился к озеру, одним духом осушил его. Быстроногий по сухому дну промчался и

пелда лап пуртаслэ. Ёр хэйлн кўнш олңал эвалт каталда, ал менмантас лэлн. Меньхэ хуца тэсы. Немассат, лыкащты пилт. Хятл эви нях мулаңан долъ:

— Ма ущмараң, нын лэхас щира вэлдаты! Ма пасты, нын каркамат. Ма ёр, тэп нын яха пилтащман нумпия пилдаты. Ма ущмараң, тэп нын нумпет. Ма лупум яснем ант таруптадем, тэп нын кутэнан ясңал тайты хуят вэл, мата утн лўв тыв юхтас па нынат панан вохас. Ма кашащдум нын мўванан вэлты.

Юхлы пелда щи сонтумасат. Йиңк ящты хеел вэлты тахи вэнта юхатсат, па ям верты пилсат па луплат:

— Ешак яй юкан хуят! Наң та-та йиңк кэщая вэда. Юхи недтум хўлдан ким есда. Асатн па лоратн хўлат ат вэлдат па хантэта ат нётлат вэлты.

Елды щи мансат. Лощ рывалты хеел мўва юхатсат, меньхэйл лупал:

— Наңен пемащипа! Яма нётсан! Тата хаша, хантэт олңн немасыда: депат лощн хотдал даңкалн, вотасн пукащат хотат эвалт ел вошита.

Па щи эхда лелсат, елды касалдат.

Каращ саңхмат етсат, хута Ёр хеел вейтсат. Ехдал лывел луплат:

— Саңхум кэщая вэда. Саңхум ух паты эвалт сыстам йиңк, ям, тухдаң воит кита!

Вўлэт хэхалдат. Юхлы манты эш иса пурайн ван. Пайлы тахет етсат, хута Пасты кўруп хеел лывела пилтащас. Ех нумас версат:

— Наң там тахетн кэщая вэда. Вурас вўлэт арапта велпас ёх уя.

поймал девушку. Снеготряс дорогу назад сугробами завалил. Силач её за локоть придерживает, чтобы не вырвалась. Подвели её сваты к жениху. Думали, сердиться будет, а дочь Солнца улыбается:

— Я хитра, а вы дружны. Я быстрая, а вы ловчее. Я сильная, но когда вы вместе, вас не одолеть. Я на выдумки горазда, но вас не перехитрить. Я решительна, но есть среди вас тот, кто от задуманного не отступает, кто сам к цели пришёл и других за собой привёл. Согласна жить в вашем краю!

Отправились в обратный путь. Доехали до тех мест, где жил человек с выпяченными губами. Расставаясь, наказали ему:

— Брат Водохлёб! Будь хозяином вод. Выпусти рыб, что ты проглотил. Пусть в реках и озёрах будет живность на пользу людям.

Поехали дальше. Когда достигли земли, где жил Снеготряс, молодой охотник сказал:

— Спасибо тебе, ты хоршо нам помог. Оставайся здесь, но и о людях не забывай: мягким снегом жилища укутывай, пургой злые силы от стойбищ* отгоняй.

Снова на нарты сели, дальше кочуют. Вот показались скалы, где Силача повстречали. Говорят ему путники:

— Будь владыкой гор! Посылай нам с вершин чистые ручьи, свежий ветер, птиц и зверей!

Бегут олени. Путь домой всегда короче кажется. Потянулись равнины, где к компании Быстроногий присоединился. Друзья порешили:

— Ты хозяин этих мест. Повелевай дикими оленями, стада их умножай на радость охотникам.

Едут вчетвером. Песни поют, шутками перебрасываются. Вот на

Нял хуят хяцсат. Арилат, нях
путар путартлат. Нёлаң-эхлаң хәел
мүва юхатсат. Ин хә хяцмал пу-
райн ёхалн инщасла:

— Мўн мўвев лавадман тае. Тў-
ңа җсалты нёлланан атум утат пак-
нумта. Тухлаң воит мўн мўвева
киталн.

Мир вантты хә мўва юхатмелн
меньхә лупас:

— Наң муй иса вёлан там тә-
румн! Мўн семева, мўн палэва вэда.
Шәк юхатты пурайн ёха, мира сырия
лупа.

Меньхә Хятл эвел тәслә мўвада.
Мирл вешдал әл ши хәтләлат. Мой
версат. Ши вўш эвалт Хятл кашин
лўн мойлаты юхтыйл Таймыр мўва
мойлупсәт пида — вусты туранан,
ләпат тўнкән, хурамаң щорхайн,
пушум вонщумутн, хошумн па нуви
пида.

горизонте сопка Стрелка показалась.
Расставаясь, просили его:

— Охраняй наш край. Своими
меткими стрелами хищников истреб-
ляй. А пернатых да пушистых, жир
нагулявших, к нам направляй.

Когда вернулись в места Всеви-
дящего-Всеслышащего, сказали ему:

— Ты всё на свете знаешь. Будь
нашими глазами и ушами. Прибли-
жающуюся беду высматривай и лю-
дей оповещай.

Привёз нганасанин дочь Солнца
к себе на родину. Посветлели лица
жителей тундры. Встретили моло-
дых с радостью. Свадьбу им сыграли.
А Солнце с той поры каждое лето
гостит на Таймырской земле, при-
ходит с подарками — зелёными тра-
вами и мягкими мхами, яркими цве-
тами и спелыми ягодами, с теплом
и светом.

ХЭЛУМ ПУХ

Юрн ёх моц

И нўша имие вэс. Хэлум пух тайс.

Пухдал вэна йисат. Ёра йисат, дўваң-кўншаңа йисат, аңкел пир-щема́сы.

Ида́тн аңкел пухдал пед́а луп́л:

— Нявре́миет, нын уй кашты луватты́а йисты. А́нт кашты хуят, немулт а́нт вейтл.

Мет сыры́а вэн пухл панта́а до-д́яс. А́нкел ай няньн палса́а па лупа́с:

— Там ай няньда́н д́ева. Щи́рн ёрн юхатла́ин.

Вэн пухл ши́а ма́на́с. Ху́в ма́на́с, ван ма́на́с, са́мл вохты́а питса́а. А́нкел палум ай няня́т вўс, та́п д́еты а́нт питса́лэ: ин утла́д нух сорме́л. А́нкел пед́а дыка́л юхта́с, няньда́л е́д ву́щка́слэ па ши́а ма́на́с. Вантл́а — е́дн ай юрнхоты́е. Вана́а юхта́с — а́мп хуртат́а́с. А́мпал́а сы́а пира́щ ими́а ким е́та́с. Ин пухи́е шу́валас́а па лупа́л:

— Ю́хи лу́ча. А́лпа, са́мен вохла́а.

И́мие пухи́е ла́патса́лэ па лупа́л:

— На́ң уе́н та́та вейтты́а ве́ра́т-ла́н. Та́п яма́с хэла́нта. Ма́а юрнхоте́м э́ва́лт ху́вн а́нта ма́л умле́п ве́д. Ар хэ́с на́ң ща́та шу́вала́ла́н. Ар хэ́с нух ама́ртты́а ки ве́ра́тла́н, щирн уй вейтла́н.

— Я́, щит ай ве́р, — ин пух лу́-

ТРИ СЫНА

Нене́цкая сказка

Жила бедная женщина. Было у неё три сына.

Выросли сыновья. Стали сильными, крепкими, а мать их состарилась. Однажды мать говорит им:

— Дети, пора вам самим идти счастье себе искать. Кто не ищет, тот ничего не находит.

Первым собрался в путь старший сын. Напекла ему мать в дорогу лепёшек и сказала:

— Ешь эти лепёшки. От них у тебя силы прибавится.

Пошёл старший сын. Шёл, шёл, проголодался. Достал он испечённые матерью лепёшки, но есть их не захотел: лепёшки совсем чёрствыми стали. Рассердился сын на мать, выбросил лепёшки и пошёл дальше. Видит — вдали маленький чум* показался. Ближе подошёл — собака залаяла. На лай собаки вышла сгорбленная старушка. Увидела она юношу и говорит:

— Заходи в мой чум. Ты, наверное, проголодался.

Накормила его и говорит:

— Ты можешь найти счастье здесь, но только слушай меня хорошенько... Недалеко от моего чума есть глубокий родник. Когда наступит ночь, ступай к этому роднику. Много звёзд увидишь ты в нём. Если сумеешь все звёзды вычерпать, найдёшь своё счастье.

пӑс. — Там вӗр кен вӗрты.

Ата йис, ин пух ветра вус кел пида, умлӗп хуца мӑнӑс па шӑкщӑты ши питӑс. Хӑв хӗсӑт нух амӑртӑс, вева йис. Ил аҫкартӑс, щӑта иши арӑт хӗс.

Ин пух дыкн юхӑтса па нӑмӑсты питӑс: «Пирӑщ ими нях путӑр путӑртӑс, умлӗп эвӑлт хӗсӑт нух амӑртты шир хӗн вӗл?»

Ин пух ветрайл вуцкӑслӗ па юхи шӗшмӑс.

Аҫкел нӑмӑлт хутащ ӑн лупӑс, тӗп ухл нюхӑлтыйс.

Кутуп пухл уй кӑшты мӑнӑс. Хӑв муй ван мӑнӑс, сӑмл вохты питса. Аҫкел палум ай нянят нух вӑс па лӑвел иши ӑнт мӗстӑсӑт аҫкел палум ай нянят. Ким вуцкӑслӗ. Ел ши шӗшмӑс.

Ешавӗс ай юрнхот шувалӑс па иши пирӑщ имел хуца юхтӑс.

Ин имийн хота луҫӑлса, лапӑтса па лупл:

— Тӑта нӑҫ уен вӗйтты вӗрӑтлӑн. Тӗп яйн иты ад вӗра, яма шӑкщӑса.

Атлан ин пух умлӗпа юхтӑс. Ар хӗс щӑта шувалӑс. Ветрайл ил ӗсӑлсӑлӗ па хӗсӑт амӑртты ши питӑс. Хӑв шӑкщӑсӑс, вева йис, шӑшл кӑшаҫа йис. Илӑ аҫкартӑс, умлӗпн иши арӑт хӗс.

Лыкӑл юхтӑс па нӑмӑсл: «Мая юм иты пирӑщ ими ма пидема няхӑс. Хуят амуй вӗрӑтл ши ӑрӑт хӗс ат мӑр нух хонты». Ветрайл вуцкӑслӗ па юхи мӑнӑс.

Лӑвел аҫкел нӑмӑлты ӑнт лупӑс. Ухл тӗп нюхӑлтыйс, па сӗм йиҫкӑл ким ӗтсӑт.

Ай пухл мӑнты пурая йис, уй кӑшты мӑнты.

— Пухие, ямӑс рӗпита, вӗра шӑкщӑса, пӑтӗла юхӑттал вӗнта — аҫкел лӑвел лупӑс. — Яйҫалан иты ад нӗрия.

— Ну, это совсем просто, — сказал юноша. — Легко справлюсь.

Когда настала ночь, взял старший сын ведро с верёвкой, пошёл к роднику и принялся за работу. Долго вычерпывал он звёзды из глубокого родника, утомился. Заглянул на дно, а там по-прежнему горят звёзды. Рассердился юноша, подумал: «Посмеялась надо мной старуха. Разве можно вычерпать из родника все звёзды?»

Бросил юноша ведро и вернулся домой...

Ничего не сказала ему мать, только головой покачала.

Пошёл на поиски счастья средний сын. Шёл он долго, проголодался. Достал испечённые матерью лепёшки. Не понравились лепёшки и ему. Выбросил он их и пошёл дальше.

Вскоре он пришёл к той же старухе. Накормила его старуха и сказала:

— Здесь ты можешь найти счастье. Только не делай так, как твой старший брат. Работай хорошенько.

Ночью пришёл юноша к роднику. Увидел там очень много звёзд. Опустил он ведро на дно родника и стал вычерпывать звёзды. Долго работал, утомился, спина у него заболела. Посмотрел юноша в родник, а там по-прежнему было много звёзд.

Рассердился он и подумал: «Как и над моим братом, посмеялась надо мной старуха. Разве может кто-нибудь за одну ночь вычерпать так много звёзд?» Бросил юноша ведро и вернулся домой...

И ему ничего не сказала мать. Только головой покачала, и слёзы показались у неё на глазах.

Настал черёд отправляться на поиски счастья младшему брату.

— Будь настойчивым и трудолюбивым, сынок, — сказала ему

Хув муй ван манас, самл вохты
питса. Аңкел палум нянят нух вус.
Няньдал нух сормел, тәп пухие ант
вущкаслә, ләты питсәлә, әра йис.
Щәлта еллы шәшмәс.

Хәтл омәсты щи вутщәс, лүв ай
юрнхота юхәтмәлн. Ам п хурәтты
питәс. Пиращ имие ким етәс. Лүв
пухие хотәла вохсәлә па ләпәтты
питсәлә.

Тәп ин пухие лүв таом няньдал
нух вус па лупәс:

— Ма ай нянят тайлум. Лыв
шәңк епләңәт, аңкәмн пәнт хәла
пәдсаюм.

Па лүв аңкел палум нянят ләты
питәс.

Етна йис па ай пух рәпатая щи
вуянтәс. Ар пүш ветрайл умлөпа
еслыйлсәлә. Иса шәңк йиңка йис,
тәп умлөпн ищи мурт щи хәсәт
хәтләләт.

Шәңк хув ай пух шүкщәс. Ешләл
кашаңа йисәт, шәшл тәймәс, тәп
лүв рәпатайл ант хәйләлә па мет
щи хәсәт амәртл.

Имүлтыйн ветрайл мулты так ута
хойс. Умлөпа аңкәртәс, вантл:
йиңкәл хуламәл, йиңкәл пида хәсәт
щи вәшсәт.

Аләңая йис. Хәтл етәс, иса мув
хәтәлн хәтләсы.

Вева ювум пух умлөп пуңәлн
доляс. Лүв уйн щи юхәтса: рәпа-
тайл етшәс.

— Вән вәр щи версән, пухие,—
пиращ ими лупәс.— Умлөп пәтыйн,
йиңк илпийн лыкәң ики Нылека
лыкәң самл хәтл эвәлт хәнятәс. Ин
хәтлән яңисы Нылека сәм, лүв
хәләс. Ин па хән шәк тәты әх вүдәт
хулт вүты питл. Вүдәт хулығыа
нүша әха питләт.

Нүша әх күтн лүв аңкел вәс. Ям
семән аңкел пәда вантәс. Щит лүв
аңкелн яма рәпитты, ямәс шүкщәты
вәндтәсы.

мать.— Не делай так, как братья.

Долго шёл младший сын, про-
голодался. Достал он испечённые
матерью лепёшки. Лепёшки оказа-
лись очень чёрствыми, но юноша не
бросил их, а стал есть, сильным стал.

Солнце уже опустилось низко,
когда он дошёл до маленького чума.
Залаяла собака, навстречу юноше из
чума вышла сгорбленная старуха.
Она повела юношу в свой чум и стала
угощать. Но юноша сказал:

— У меня есть лепёшки. Они
для меня вкуснее всего — испекла
их мне моя мать.— И он начал есть.

Как только наступил вечер, млад-
ший брат принялся за работу. Мно-
го раз опускал он ведро в родник.
Пот с него так и катился, но в род-
нике по-прежнему горели звёзды.

Очень долго работал юноша. Раз-
болелись у него руки, ныла спина,
но он не бросал работы.

Вдруг ведро его ударилось обо
что-то твёрдое. Посмотрел юноша в
родник. Видит: вся вода вычерпана,
а вместе с водой исчезли и звёзды.

Настало утро. На небе показа-
лось солнце. Усталый стоял юноша
около родника. Но он был счастлив:
работа была закончена.

— Большое дело ты сделал,
юноша,— сказала старуха.— На дне
этого родника, под водою, злой вол-
шебник Нылека прятал от солнца
своё сердце. Теперь солнце сожгло
сердце Нылеки, и он умер. Больше
не будет он отнимать оленьи стада
у бедных оленеводов и разорять
наши стойбища*.

Младший сын созвал всех бедных
людей и отдал им пастбища и оленьи
стада. Среди бедняков была и его
мать. С благодарностью посмотрел
на неё младший сын. Ведь это она
воспитала в нём любовь к труду и
упорство в достижении цели.

ЛОДМУМ АР

Эскимос ёх моц

Товия йис. Морт мўв эвэлт тух-
лаң воит юхатсат. Берингов дух
хуца пуночка воиет пэрлэтлядэт.
Кат пуночка тыхал версаңан кев
щорас хонаңн.

Пуночка-аңки караң пушах пу-
нас па тыхалн омасты щи питас.
Ищки вот эвэлт палман тыхдал
эвэлт нух пэрлэмийлты палсаңан.
Ерт йиңк эвэлт караң пушхиел
сайласлэ, олмал шимал вэс, сэмл
вохийлса.

Караң пушхал щи нэхсас. Щи-
маш ямие тэсые! Иса щорас хонаңн
вэйтлаң хэн щимаш куие. И верл
атум — шеңк ўвал.

Аңкел-ащел дўв пилэда дэты-
ящты, ил улумтыйлты ант алэмийл-
лаңан. Ащел дэтут каштал мар
аңкелн нюхалда. Аңкел манл, ащелн
шавила.

Илатн аңкел тыхал йирн омсас
па куиеда арие арийс:

А муй щимаш ай кўншие?
А муй щимаш ай тухдые?
А муй щимаш ай ухие?
А муй щимаш ай семие?
А муй, а муй?

Хэлаҳ дыв мухтэда манас, арие
хэлсалэ, нэмулт хўвн антэ, ил латас
па хэлантты питас. Хэлантас, хэлан-
тас — щив олмас. Щиты вэнта щи
арие мэстас, путар хэн етл. Пуночка
пэда лупл:

— Манем мойлэ ариен! Ариен
мие!

— Антэ,— пуночка лупл.— Ант
малем! И арие тэп тайлум. Па ар
ант тайлум.

— Щи дуват ям вэра,— хэлаҳ
вохл,— ма там ариен таклы вэлты
щирем антэ!

— Пухием ма арэм такла ил ант
вуюмла. Ал вохе — ант малем.

ПОХИЩЕННАЯ ПЕСЕНКА

Эскимосская сказка

Наступила весна. Из тёплых
стран вернулись на скалы у Берин-
гова пролива пуночки. Две пуночки
свили себе гнездо у самого моря.

Пуночка-мать снесла яйцо и при-
нялась высиживать птенца. Чтобы
его холодным ветром не продуло,
она даже с гнезда слетать боялась.
От дождя его собой прикрывала,
недосыпала, недоедала.

Наконец из яйца вылупился птен-
чик. Да такой славный, такой при-
гожий! На всём побережье вряд ли
найдётся птенец красивее. Одно
плохо — криклив очень.

Родителям с ним и вправду не-
когда было ни попить, ни поесть,
ни поспать. Когда отец на охоту от-
правляется, мать баюкает сыночка.
Если мать отлучится, отец над ним
хлопочет.

Вот однажды пела пуночка-мать
сыну песенку:

Чьи-чьи это маленькие лапки?
Чьи-чьи это маленькие крылышки?
Чья-чья это маленькая головка?
Чьи-чьи это миленькие глазки?
Чьи-чьи, чьи-чьи?

Летел мимо ворон, услышал пе-
сенку, сел неподалёку и стал слу-
шать. Слушал, слушал — заслушал-
ся. Так понравилась ему эта песен-
ка, что словами не выразить. Стал
он просить пуночку:

— Подари мне песенку! Отдай
песенку!

— Что ты! — говорит пуночка.—
Не могу отдать. Одна она у нас.

— Очень тебя прошу,— угова-
ривает ворон.— Я теперь без этой
песенки жить не могу!

— И мой сынок без песенки
не может. Не проси — не отдам!
Рассердился ворон:

Хәләх дыкашас:

— Ал ант мәлән — әрн вүлем!

Пуночка хуца һәптәс, арие ня-
рәмәс, ед пәрләмәс.

Пуночка-куие холдаты, увты пи-
тәс. Аңкел ищи холдал.

Ащел юхтәс велпәс эвәлт.
Вантл — куйл үвәл, имел холдал.

— Хуты йистән? — иншәсләлэ. —
Муй шәка питсаты?

— Шимәш вера питсумн, — пу-
ночка лупл. — Хәләх һәптәс, мин
аремн долмәс. Интам куиемн вуюмда
хән, холдупл нух хән вулатләлэ.
Хутыса вәлты питлүв?

Ащел дыкн юхәтса, сәмһәл түтн
етдйһән, күрн пәрмийл.

— Ма велпәс посһәлам миялн, ма
даль әхләм мия, ма нәдләм миялн.
Ныһәт шәкатум хуят кәшты мән-
лум. Лүв түрл эвәлт нын әран
менумләм!

Хүв мәнәс, ван мәнәс, арсәр тух-
ләң вой вантәс, тәп хәләх иса
антәм... Пойтәкәт кев паит күтн
хәхәтләләт, мултсәр воит шәхләт.
Имултыйн реп тыитн хәләх пәкәт
шүваләс. Лыв дөпәда латәс, әхләл
вортәс, лавәлләлэ. Хойн лүв арл
аремәлы — щита нәдал әсәл.

Хәлхәт дыв верәлн шүкшәләт.
Вән әхләл хәтл мевәлн хошмәл-
тыйлләт, имет дыв күтәлн путре-
мәләт, ай әх юнтләт. Вәнләт пухәт
ләйһәлада мулты вушиләт. Нәмулты
әх ар ант ариләт, дыв юкан ардал
муйпа пуночка арие. Кәт-хәлүм пүш
вахшумтыйлләт — па щит ар хән?!

Ин пуночка-ащи елды пәрләмәс.
Мәнәс хүв муй ван, вантл — юх
тыйн хәләх омәсл, атәлт омәсл.
Нюдал нухды пәрәтмәл, сәмһәл
ләп хәнмәл, тывелт-тухелт ухл
хәтәлтыйләлэ па арийл:

А муй щимәш ай күншие?

А муй щимәш ай тухдые?

А муй щимәш ай ухие?

А муй щимәш ай сәмие?

— Добром не отдашь — силой
заберу!

Налетел на пуночку, вырвал у
неё песенку и улетел.

Тут пуночка-сынок раскричался.
И пуночка-мать заплакала.

Вернулся пуночка-отец с охоты.
Смотрит — сынок кричит, жена слё-
зы льёт.

— Что с вами? — спрашивает. —
Беда какая случилась?

— Страшная беда, — отвечает
пуночка-мать. — Налетел ворон, унёс
нашу песенку. Теперь сынок ни за
что не заснёт, весь исплачется! Как
жить будем?

Разгневался пуночка-отец, гла-
зами засверкал, ногой топнул.

— Подай мои охотничьи рука-
вицы, мой боевой лук, мои меткие
стрелы! Полечу искать обидчика,
из горла у него песенку вырву!

Летел он, летел, много разных
птиц видел, да всё не вороны... То
куропатки меж камней бегают, то
ржанка насвистывает. Наконец уви-
дел на скалах целую стаю воронов.
Сел недалеко, наложил стрелу на
лук, натянул тетиву, ждёт. Кто его
песенку запоёт — тому и стрела.

Однако вороны своими делами
занимаются. Старики на солнышке
греются, старухи меж собой судачат,
молодёжь игры затеяла. Парни-
вороны своим милым что-то на ушко
нашёптывают. И никто песен не
поёт — ни своих, ни пуночкиных.
Каркнут разок-другой — разве это
песня?!

Полетел пуночка-отец дальше.
Летал, кружил, видит — сидит на
дереве ворон. Клюв вверх задрал,
глаза закрыл, раскачивается из сто-
роны в сторону и поёт:

Чьи это маленькие лапки?

Чьи это маленькие крылышки?

Чья это маленькая головка?

Чьи это миленькие глазки?

Арийл, арийл па йилпа олнал-
далэ:

А муй щимаш ай куншие?
А муй щимаш ай тухдые?..

— Ин долмах тата щи! Лув щи
долумсалэ муң ариев! — пуночка
ащи лупл.

Ищи юха латумтас, нелал вор-
тас, ин нел хелаха щи еслас. Ин
нел так пунат хуват хатумас па
мува щи питас. Хелах ан па мут-
шийлсалэ, семнал ан па пуншийл-
салэ. Омасл, арийл.

Пуночка-ащи нелдал хулыева
ким сехтаслэ па нял нелалн есалты
питас.

Хелах омасл па арийл:

Анана, муй щимаш ай куншие?
Анана, муй щимаш ай тухдые?
Анана, мултын пундам щи хойсаит?
Анана, муй щимаш ай ухие?
Анана, мултын щи пелсаим!
Анана, муй щимаш ай семие?
Анана, анана! Лыдем щи суханл!
Кар-кар-р!

Ин ариел щи еслумсалэ.

Пуночка-ащи ариел алемаслэ па
тыхлада щи перлемас.

Вана юхтас, хелдалэ — пухиел
увл, имел холдал.

— Ал уватн, ал холлатн, — пу-
ночка-ащи лупал. — Ма хелах эвалт
ариен вусем. Там ин арие!

Пуночка-аңкие амтас, ариел аре-
маслэ. Щи вулемас пухиел, ил щи
вуюмса.

Щи вуш эвалт хелах вана юхатл,
пуночка тухлаң воиет шитама щи
питлат. Ундал пелка пушты паллат.
Щиты щи ариел хашас. Интам ищи
пуночкаит уван куиелада аридалал.

Пропоёт и снова начинает:

Чьи это маленькие лапки?
Чьи это маленькие крылышки?..

— Вот он, злодей! Вот он, по-
хититель лучшей в мире песенки! —
сказал пуночка-отец.

Сел на ветку того же дерева, на-
тянул тетиву, пустил стрелу в во-
рона. Скользнула стрела по твёр-
дым маховым перьям и на землю
упала. Ворон даже не заметил, глаз
не открыл. Поёт-заливается.

Тогда пуночка-отец выхватил из
колчана все стрелы, сколько было,
и начал пускать в разбойника сразу
по четыре стрелы.

А ворон всё поёт:

Ой, чьи это маленькие лапки?
Ой, чьи это маленькие крылышки?
Ой-ой, что-то мне попало в бок!
Ой, чья это маленькая головка?
Ой, что-то меня колет!

Ой-ох! Ох-ой! Не могу больше!
Кар-кар-р!

И выпустил песенку из клюва.

А пуночка-отец схватил её и
полетел скорее к своему гнезду.

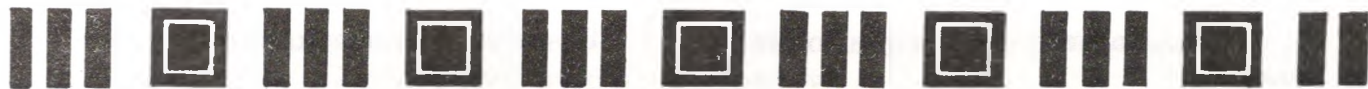
Подлетает, слышит — сынок кри-
чит, жена плачет.

— Не кричите, не плачьте, — го-
ворит им пуночка-отец. — Я отнял
нашу песенку у злого ворона. Вот
она!

Обрадовалась пуночка-мать, за-
пела песенку. Утих сынок, заснул.

С тех пор пуночки, едва завидят,
что ворон мимо летит, замолкают.
Боятся даже клюв раскрыть. Вот
песенка и сохранилась. И сейчас
пуночки поют её своим детям.

ВУХСАР ПА ПАННЕ

Эвенки ёх мощ

Илати Вухсар па Панне вўрая хойсаңаң. Ишкащты Вухсар Панне пела лупл:

— Муя наң иса и тахийн ховидан? Паста вөщийлты, алпа, ант хошдан! Каслумн: мата утемн реп вөнта юхатл. Щи реп хелумьян хелум хур тум пелак омасл. Ув ещалт лодьлумн. Ма юхан хонаң хўват хөхаллум, наң вөща.

Панне кашащас:

— Ма наң пилэна касты питлум. Төп и хатл мар давласа. Ма ащем инщаслум.

Панне хўл рет хон хуща юхтас па лупл:

— Вухсар ма пилема касты вўратл. Ма кашащсум төп щит пата, хўл ретэв атма ал дўнәтла. Па наң хущена щи юхатсум инщаста.

Хўл рет хон юханан вөлты паннеңат мир хота акәтсәлэ па лупл:

— Там Панне кашащас Вухсар пида касты ув ещалт. Вухсар паста хөхал, дўв нумсаң па ущмарәң. Мўн дўв ущмарл элты ат питлўв. Хөдәнтаты, хуты ма нәмәслум. Нын худыева юхан патыя лумәщ кўта улаты вән реп вөнта. Кўтн-кўтн хөлты вўша улаты. Төп Вухсарн Паннеңев уватла, Вухсар едпи панне ат уватл.

Щиты щи хўл рет хон путартас.

Ин паннеңат ед вөщсәт, хәлэвта йис, юхан патыя па хўваттыя улсат ув ещалт.

Касты Панне Вухсарл хуща юхтас па лупас, ащел кашащас.

ЛИСА И НАЛИМ

Эвенкийская сказка

Однажды Лиса и Налим поспорили. Хвастливая Лиса сказала Налиму:

— Почему ты всё время стоишь на одном месте? Быстро плавать, наверное, не умеешь! Давай соревноваться: кто быстрее доберётся до горы, которая находится за тридцатью тремя поворотами реки. Встанем против течения. Я по берегу побегу, а ты поплывёшь.

Налим согласился:

— Хорошо, я буду с тобой соревноваться. Но подожди один день. Я получу согласие у своего отца.

Налим приплыл к вождю всего рыбьего рода Тайменю и говорит:

— Лиса хочет со мной соревноваться в скорости. Я дал согласие, чтобы не опозорить наш рыбий род. Вот пришёл к тебе за советом.

Таймень созвал всех налимов этой реки на собрание. Когда все приплыли, Таймень сказал:

— Вот Налим согласился соревноваться с Лисой в скорости против течения. Лиса быстро бежит. Она очень умная и хитрая. Но мы её перекитрим. Слушайте, что скажу. Вы, все налимы этой реки, ложитесь на дно вдоль берега до той большой горы. Ложитесь так, чтобы вы могли слышать друг друга. Как только Лиса позовёт Налима, пусть окликается тот, который впереди.

Так посоветовал Таймень.

Все налимы-братья уплыли, а на следующий день легли на глубину вдоль берега против течения реки.

Касты щи питсаңан.

Панне мада дунас па дув удум лотайда удас.

Вухсар юхан хонаң хуват щи хэхалмас ув ещадт.

Вухсар хэхал-хэхал, Паннеңал увтыйлдалэ:

— Панне, наң хута?

— Ма тата! — дув елпелн вэлты панне уватл.

Вухсар мет щи пасты хэхал. Мудты кем хэхлас па щи уватл:

— Панне, наң хута?

— Ма тата! — Вухсар елпи панне уватл.

Вухсар мет щи хэхал. Паннеңл уватл, кашин пураин паннеңл дув елпелн.

«Щи хуваттыя Панне щи вэщас! Идампн пасты дув вэцийл. Юлта ант юхатлем», — Вухсар нэмасл. Вухсар хэхлас, хэхлас па щи керийс.

Паннеңев щи артн ищи тахелн удас.

Хуты дув нэрийс дэлн хул рэт хон пида ки ант путремас?

А наш Налим вернулся к Лисе и сказал, что его отец дал согласие.

Начали соревноваться.

Налим ушёл поглубже и лёг на том месте, где всегда лежал.

А Лиса побежала по берегу против течения реки.

Бежит и бежит Лиса. Вот зовёт Налима:

— Налим, ты где?!

— Я здесь! — отвечает ей налим впереди.

Лиса бежит ещё быстрее. Пробежала сколько-то и опять зовёт:

— Налим, ты где?!

Я здесь! — отвечает ещё один налим впереди.

Лиса бежит изо всех сил. Позовёт Налима, а он каждый раз впереди оказывается.

«Как далеко Налим уплыл! Быстро он плавает, однако! Не обогнать мне его», — думает Лиса. Бежала она, бежала да и свалилась от усталости. А наш Налим всё это время так и лежал на одном месте.

Что было бы, если бы он не посоветовался с Тайменем?!

ХОЙ ХОТ ЯМ

Чукчи ёх мощ

Илътн евражка* йиңк ящты ных юхтас. Вантл: тум пелакн питы сахан пүпи ищи йиңк ящл.

— Вўща, пўпие, — евражка лупл. — Хутыса вёллән?

— Вўща, евражка, — пўпие лупл. — Вёлты кемемн вёллум.

— Муя па щиты?

— Мўв хотем ерматшак. Улты хошум, керлэты питтемн тыв тахярлалум, тухи тахярлалум.

— Ма па шэка питсум, — евражка лупл. — Ма энхем иса ям вес, ерта йис па энхем вэна дюхатса, щирн хотем вэнашак йис.

— Э-э-э, — пўпие ястас, — щит шэк хэн! Ма хотем вэншак ки вес, ма аматлясум лэлн.

— Па пелтащлумн! — евражка лупл. — Ма нанен малем ма вэн энхем, наң манем — ермат мув хотэн.

— Пелтащлумн, — пўпие амтас. — Хута наң вёллән?

— Тута щи, саңхум хуца, — евражка лупл, па мисы пай пелд ёшл шашумтыйс. — Наң па хута вёллән?

— Ищи саңхум хуца, — пўпие лупл па ёшл ищи тухелт шашумтыйс.

Пўпие ёрам йиңк шэпи вуншас, евражка кев шукат хуват тум пелка навармас. Па щи шэшумсаңан кат пелак пелд, кашин утл дўв йилуп хотала.

Евражка пўпи хота юхтас, тывелт-тухелт вантыйс. Тывелт хэхалмас, тухелт хэхалмас, нухды аңкартыйс.

Щалта ил омсумтас, холлупа питас:

ЧЕЙ ДОМ ЛУЧШЕ

Чукотская сказка

Пришла однажды евражка* к ручью воды попить. Смотрит, а на другом берегу стоит бурый медведь и тоже воду пьёт.

— Здравствуй, медведь, — говорит евражка. — Как живёшь?

— Здравствуй, евражка, — отвечает медведь. — Не плохо живу, но и не хорошо.

— Чего ж так?

— Да берлога у меня тесновата. Спать в ней тепло, а как повернусь, об стены бока обдираю.

— А у меня другая беда, — говорит евражка. — Всем была хороша моя нора, да вот прошёл сильный дождь, размыл землю, великовато стало жилище.

— Эх, — сказал медведь, — нашла на что жаловаться! Будь у меня берлога попросторней, я бы только радовался.

— Так давай поменяемся! — говорит евражка. — Я тебе отдам свою большую нору, а ты мне — тесную берлогу.

— Давай — обрадовался медведь. — Ты где живёшь?

— Вон там, на холме, — ответила евражка и показала на кочку на своём берегу. — А ты где живёшь?

— Также на холме, — сказал медведь и кивнул на сопку* на своём берегу.

Медведь перешёл через ручей вброд, а евражка перебралась на тот берег по камушкам. И пошли они в разные стороны, каждый в своё новое жильё.

Пришла евражка в медвежью берлогу. Огляделась. Пробежала в один конец, пробежала в другой,

— Муй верты питлудм тәм луват вән хотн? Вухсарн юхәтдаюм — юхи щи дельюм, хәләх юхәтл — ямәс щи нәхдаюм! Хәнәмәты тахи антәм, вота йил хулта луңемәлудм!

Евражкалә холдәс, холдәс, имул-тыйн сачл — хуят пуыман йил. Щи эвәлт пүпие юхтәс.

Евражка сөм йиңкдәл нух моңх-сәс па лупәл:

— Нәң муя юхәтсән?

— Па хуты, — пүпие ястәл, — ма нәң әңхена ант дөплудм. Кәтңә-дамн* вутцийлсум, келәмн* вут-цийлсум, нөмулт щирн ант дөп-лудм!

— Әпсәты* утәнән луңты мосл, — евражка лупәл.

— Әпсәты утөм ищи мөтшийл-сөм — ант дөпәл.

— Я, хой щив эвәл! — евражка хөрмәс. — Ма луваттөм щив щи дөплудм. Щи тухәлпи ар тахи хәщл. Ма-сәр нәң әпсәты утөм па нюлөм яха рәхәлтыйләдам.

Евражка пүпие әпсәты ута удәс. Щәлта лупәс:

— Вантә-са, щи эвәлт ма щимур-та щи аие! Ма ант вөсөм. Ин хутыса нөрилудмн?

Пүпие лупәл:

— Ма щи эвәлт щимәщ вән щи! Ма ант па вөсөм. Хуты нөри-лудмн?

— Па пелтащлудмн, — евражка лупәс.

— Пелтащлудмн! — пүпие амтәс.

Ин пүпие дүв хотәлн хәщәс сәңхум хуца. Евражка дүв әңхәлә хәхәлдмәс мисы пай илпия.

Китумтак нумәслан ямәт. Па нө-мулты пурайн ант пелтащийлсә-ңән па хотдән олаңн атма ант путәр-тыйлсәңән.

задрала голову — вверх посмотрела. Села на задние лапки и заплакала:

— Что я буду делать в такой огромной пещере? Лисица прибежит — съест меня, ворон залетит — заклюёт меня! Некуда спрятаться и от ветра негде укрыться!

Плакала, плакала евражка, вдруг слышит — кто-то топает. Это медведь явился.

Евражка быстро вытерла слёзы и говорит:

— Ты зачем пришёл?

— Да вот, — отвечает медведь, — не могу я втиснуться в твою норку. И лапами вперёд пробовал, и хвостом вперёд, и боком — всё никак не влезть!

— Носом вперёд надо лезть, — говорит евражка.

— И нос совал — не лезет.

— Не может этого быть! — обиделась евражка. — Я-то вся помещаюсь в норе, и ещё много места остаётся. Дай-ка я с твоим носом померяюсь.

Улеглась евражка на носу медведя. Потом сказала:

— Подумать только, какая я, оказывается, маленькая! Никогда раньше этого не замечала.

— А медведь говорит:

— А я какой, оказывается, большой! Никогда раньше этого не замечал. Что же теперь делать?

— Давай опять меняться, — предложила евражка.

— Давай! — обрадовался медведь.

Он остался в своей берлоге на сопке. А евражка побежала в свою норку под кочкой.

И оба были очень довольны. Никогда больше на своё жильё не жаловались.

ШӨКАШТЫ СЕМ ИИҢКАТ

Ханты ёх мощ

И йис хә тәрүм артн, и йис нә тәрүм артн кәртән җмәңхәтл вәс. Алаң ямәс дәмәтдясәт па ким җтсәт.

Айлат нәңәт әм юх пәхәра вошты яхты нумәс вәрсәт. Хопа дәдсәт, щи мәнсәт.

Әм юх пәхәрн шик юхәтн вон-шумутәт дәдн доилдәт — няврәм па вошл.

Хотәң нәңәт па сонтумәсәт. Лыв ариты сыел пәхәр хуща щи сащл. Пиращ имет ищи вошты нумәсн питсаит:

— Мун па вошты мәнтәв муй атум? Әм юх вура саңхум пуңда мәнлүв.

— Мәнлүв, мәнлүв! — сәмдәл шимәл, пәлдәл шимәл пиращ имет путәртләт.

Вудәтты хуят әнт тайсәт. Па щи мәнсәт, пәлтап тәхия мәнсәт: щәта, әм юх пәхәрн, мулты пукащ сәмәтл-пәләтл. Кәращ мәңкәт ищи щи вүр ямә тайсәл: тәта дыв әм сопәс вә-рәнтсәт. Ертәң артн воштәдн мүв әхтыйн вән пәнәтәт хәщләт мет вой сух дәрмәдса. Па ерта йил, йиңкән шошумдаит па — мет мәлңәт омәс-ләт.

Ин хурамәна дәмәтлјом имиет вошты щи мәнсәт. Имиет пәнән вүсәт җлты дәмәтсухәт, хурамән

СИРОТСКИЕ СЛЕЗЫ

Хантыйская сказка

Однажды в деревне отмечали праздник. С утра все принарядились, гулять отправились.

А молодые женщины решили за ягодами на Черёмуховый остров съездить. Сели в лодки и уплыли.

На Черёмуховом острове заросли густые, ягоды низко свисают — и дитя наберёт.

Уехали хозяйки. Песни их еле слышны с острова. А старушки расхрабрились, молодость вспомнили:

— А что, не пойти ли и нам за черёмухой? Пойдём на Черёмуховую гриву к самой горе.

— Пойдём, пойдём! — засобирались полуслепые да глухие бабушки.

Некому было отговорить их. И отправились они в опасное место: там, на Черёмуховой гриве, у горы, злой дух Шиликун пошаливал. И великаны-менгки этот лес своим считали: здесь они черёмухой запасались. Если они брали ягоду после дождя, то на земле огромные, как разостланная шкура, следы оставались. Ещё дождь пройдёт, вода в них наберётся — будто озерки стоят.

Побрели, стало быть, разнаряженные старушки по ягоды. Взяли с собой обноски — в лесу поверх

ернаслад воншумут ал калдыит.

И айлат неңан шуваласыит па нәмәсыйл: «Мәндум дыв пидәда, дывәт еша давалдәдам».

Хинтәл, вошпәл адемәс па ухдал нувия ювум имиет юлта ши юхәт-сәлэ.

Айлат не лупәл:

— Ма нын пидана, имиет, мәндум!

— Юва, юва мун пидәва! — имиет лупләт. — Каш верлән, шәк ән тайлән. Әрән муенән. Юхды мәнтәвн, мосәң, матты ута нәтумлән.

Имиет шәшләт па путрәмәләт. Ар әремийләт. Рутцаты омсыйл-ләт, елды шәшләт.

Хув мәнсәт, ван мәнсәт, вошты тахелә юхәтсәт. Ши хурасуп тахи әм юх вур! Тәрум Аши, алпа, мет вән әмәт тата омсәс.

Пираш имет воншупләд текнуп-таты питсәт. Айлат не кәт пеләк пәда әңкартыйл. Әм юхлән — нохәр юх хурпет: ям юхәт, нувләд ара шолпуммел, кәрщәт. Әм мурпәт хәтл ешн вулидәт, яма пушмел. Ши арат, лыпәтләд әнт па кәлдәт. Әмләд вәнәт, хәни нумсәң хураспет. Мулды мул әнт тайләт пәда?

Кәт-хәлум пүш имиеләд кәт пеләк каремәслә. Шитам хурасуп ши.

«Әмиет мет няврем сәмиет», — айлат неңие нәмәсл. Кәлт йиңк әмәт эвәлт ил посатл, мет мулды иши сәм йиңк. Ши мурт пәлтап!

Хәләнтейл. Мет мулды вәтшәс, нәмәсыйл: «Имиләд путәр иса әнт сәшл!»

Муй шәка питсум! Тывелт-тухелт ши вантыйлдыт питәс. Имиләд иса әнтәмәт! Хәлдәлэ — тухләң воие ша-длән түрсыйн әремәс. Нухды әңкар-тәс па лупл:

— Ешәк воие! Аде-я, хулта имиел-ләм вәшумсәт?

новых узорчатых одежд накинуть, чтобы соком ягодным да зеленью трав платья не запачкать.

Увидала их в окно одна молодка, что дома оставалась. Всплеснула руками, думает: «Не остановить мне старух. Пойду с ними, пригляжу».

С кузовом за спиной, с набиркой у пояса, догнала их молодка.

— Дозвольте, бабушки, с вами!

— Пойдем, пойдем с нами! — отозвались бабушки. — Неленива, весела. Сила есть. Может, на обратном пути кому и подсобишь.

Идут старухи, беседуют. Песни поют. На солнечном пригорке передохнут, дальше двинутся.

Шли, шли — до места дошагали. Что за дивный сад на Черёмуховой гриве! Бог Торум, видно, самые крупные ягоды тут посеял.

Стали старухи набирки заполнять. А молодка оглядывает рощу. Черёмухи — что кедры. Могучи стволами, высокие, раскидистые. Гроздья сияют на солнце, спелые-переспелые. Так много — всю листву заслонили. Ягоды величиной с большой палец. Сказочные, волшебные! Не чёрная ли в них сила колдовская?

Не один раз обошла молодка вокруг места, где бабушки черёмуху брали. Но тихо кругом, спокойно.

«Ягодины, будто детские глаза, беззащитные», — думает молодка. На вершины черёмух взглянула. Росинки с ягод стекают, будто слёзы катятся. Так на душе тревожно!

Прислушалась. Не хватает чего-то. Подумала: «Голосов не слышно!»

Ох, беда! Заметалась туда-сюда. Как не бывало старух! Слышит — птичка жалобно запела. Посмотрела молодка вверх:

— Милая, красивая пташечка! Не покажешь ли, куда бабушки подевались?

Воие пәрлѐмәс вутды — ин нѐңие лұв юпелн. Юх нұвәтн ёшл хойда, ела донщантләт.

Имудтыйн хәра җтмәс. Юхәт кұтн әшиє пәрәнтум. Вантл — дыв мәнум пәнтлал, тәп щи пәнтәт елты вән пәнтәң ут пәруммал.

Ин нѐңие пакнәс:

— Ешәк тәрум! Мәңк ики имиет ай мисәт иты щи вошәтләлә. Вәндл-ты мосл!

Әшиє хұват хәхәлмәс. Вантл — Мәңк ики әнтә, лұв әвел сырия шәшл. Ләмәтсухл топал, юллал ал хәшумтумәт.

— Мәңк әвиє, ешәк нѐңие! — айлат нѐ ўвтәс. — Муя пирәщ имиет вұслан?

Мәңк әви юхды каремәс па лупәл:

— Мәнәм хурамәң ләмәтсух ат ёнтләт. Ма җрнәслам, вантлән, муй хурасәт? — җрнәс питәрлал рәвийл.

— Пирәщ имиет сәмләл әнт кәл-ләт, хутыса мәңк ләмәтсух ёнтләт? — айлат нѐ лупәл.

— Лылаң юнтута ат вәлләт! Лылаң аканят! — мәңк әви няххатәс. — Хұв пирәщ ими кәшлум, тәп хурамәң имет әнт вәйтлјасум.

Пирәщ имиет кұрлал сәщлјы питумсәт, ил омәссәт, щи пойкщәл-ләт:

— Муя атум тәхия йисүв!

— Мәңк әвиє, — айлат нѐңие лупәл. — Пирәщ имиет есләлн. Хұв хән дыв вәлләт, юнтты әнт аләмәл-лән.

— Шавиты питләләм, сурма йиты щира юнтлум! — лыкаң нѐ вұратл.

— Имет хурамәң ләмәтсух җңхты парлѐмн па нәңен мәләв. Ма нәңен аканьн ёнтлѐм, тәм сухәтн нәң ләмәлтә. Щит ям юнт! — ин нѐңәлн пойкда.

Полетела птичка в глубь рощи — молодка за ней бежит. Ветви по лицу хлещут, сучья в тело впи-ваются.

Вдруг просвет увидала: меж де-реьев тропинка протоптана. Гля-дит — следы на ней виднеются: вот старушки прошли, но их следы большой, великанский след покрыл.

Ужаснулась молодка:

— Великан, как телят, бабушек гонит! Спасать надо!

Побежала по тропинке. Смот-рит — не сам великан, а дочь его впереди вышагивает. Одежды на ней неприглядные, кое-как скроенные, через край сшитые.

— Менгк-эви, голубушка! — за-кричала молодка. — Зачем полонила старушек?

Девчонка-великанша оберну-лась:

— Пусть наряды мне шьют-вышивают. Видишь, что на мне? — Потрясла подолом замызганного платья.

— Старухи плохо видят. Не сшить, не вышить им великанских одежд, — говорит молодка.

— Тогда игрушками моими бу-дут! Живые куклы! — захохотала девчонка-великанша. — Давно охо-чусь за бабами, да только нарядные не попадались.

У старух ноги подкосились. Сели в траву, причитают:

— Ох, зачем в нечистое место пошли!

— Менгк-эви, — просит молод-ка, — отпусти ты бабушек! Недолго им жить осталось, не успеешь на-играться.

— Хоронить буду. В похороны играть буду! — скалится великанша.

— Вели им праздничную одежду снять да отдать тебе. Я тебе кукол нашью, нарядишь их в старушечьи

— Ернас манем ёнтдан, сакн пэхалдем? — меңк эви лупал. — Ант ёнтдан, тата ши велумдем!

Ин неңие меңк эви путартсалэ, ин пирәш имиет ши есалсайт.

Меңк эви ин айлат не нөрәмәслэ, хэләң сухлада ювармәслэ па лув хотала ши тәслэ.

Ин не ши вәл меңкат хуца. Вацл, ёнтл. Сем йиңкдал юхи ермадман тайдалэ. Самл хошийл, мет тут лавмие мевдалн вуцидал: нявремиелам аңкел таклы?

Кертн имет хәсда омәсдат. Пирәш хуят дявалтаты, вантә, еман. Па щалта ант ки ляватты вәшум неңел пата, па муй олаңн путартты.

Вентупл хидал пида холдал. Холдал па пойкщалал:

— Шәкащты ши хәссув. Хулща аңкан вүлэв. Ант юхатл, ариел ант арийл.

Икел әм юх вурн турн хот верас. «Лавалдем, — нәмәсл, — ищи па юхатл имем. Ищи тәхеда пукащн ищи па тәды. Нартамды хән шәкащты сем йиңкат хулиләт?»

Хув муй ван вәс. Меңк икет сопасат хуласат. Айлат неңән ямас ёнтассаит: сахн, ернасн, вейн, посн, кәшн. Аканьн ёнтәсаит!

— Еслэ юхи неңие! — ащел дявтәсыйл. — Тәрум сут тарум. Хулыева атма питлүв!

Меңк эви ястәл:

— И акань па ат ёнтл, щалта есалдем.

— Нявремәт аңкел таклы — шәкащты утат. Ши арат сем йиңк шошумсат — тәдаң пәдаң пай, — Меңк ики эвела лупал. — Неңен мұве щив, худща тәсэн.

Меңк эви шәңк кашл антә ин неңие есалты.

Неңие ёнтәсл, ухл нух ант алмийл.

платья. Вот игру-то весёлую затеешь! — уговаривает молодка.

— А мне платьев нашьёшь, бисером украсишь? — не унимается упрямая великанша. — Если не сумеешь, задушу!

Уговорила молодка Менгк-эви отпустить перепуганных старух.

Кинула девчонка-великанша женщину в грязный, пропахший сырой рыбой подол и унесла к себе домой.

Живёт молодка у великанов. Кроит, шьёт. Слезам воли не даёт. Но сердце болит, будто уголёк грудь прожигает: как там дети без матери?

В селении женщины молча сидят. Ругаться на старух — грешно, а если не ругать за пропавшую молодку, то о чём говорить?

Свекровь молодки вместе с внучатами плачет:

— Осиротели, осиротели мы. Не увидим больше матери. Не придёт, песни не споёт.

А муж молодки у Черёмуховой гривы шалаш себе соорудил. «Дождусь, — думает, — придёт жена обратно. Вернёт её злой дух на старое место. Неужели напрасно слёзы сиротские льются?»

Много ли, мало ли времени прошло — все запасы шкур и мехов, ситцев и шелков у великанов кончились. Нашила пленница им шуб и шапок, обуви и рукавиц, платьев и чулок. Кукол смастерила.

— Отпусти женщину домой! — ворчит старик, отец Менгк-эви. — Накажет небо за неё. Всем нам худо будет!

— Ещё одну куклу сошьёт, тогда отпущу, — обещает великанша.

— Дети без матери — сироты. Столько слёз выплакали — туча собралась, — говорит старик дочери. — Отнеси лучше мастерицу туда, где взяла.

Имудтыйн хатл вантман пәтлама ювемәс. Нәңие аңкәртәс — питы пәлаңн тәрүм ләп талум.

Пәдәң нәд ши вүщәмәс па меңк хота хойс. Шухал вүс әвәлт дунәс, ов нух вүщәмәсы. Меңкәт ишни пәда хәтумәсәт. Меңк эви ин нәңл пунумсәлэ ернас питәрәда па әм юх вүр пәда ши хәхәлмәс.

Пәдәң нәдн юлта юхәтса, ям пәләк ешл әвәлт доншумса. Ешл питыя йис, ил доёмәс.

Меңк эви увәлтәс, па елды хәхәлмәс. Пува пәләк ешлән ернас питәрд катл, ин нәңл тәд. Нәңл катлум тәхия юхтәс, щив турн хот пуңда вүщкәслэ — хәхәлман юхды. Вән ерта ювемәс. Ерт йиңкән ил павәтса па кәл лота* ши тәсы.

Щиты ертән пәнтләд ант ки шошумсаит велпәс ехн уша вәрсыит ләдн, хутыса елды вәр вәс. Ши вүш әвәлт меңкәт хулт вәшсәт. Атум пукащ хулт пәда касләс.

Ехн юремәсыит. Айлат нәңие ехн нәмда. Дүв нявремдал сәм йиңкәтн, лупләт, ши дыләл давалса.

Только не слушает его Менгк-эви. А молодка всё шьёт, головы не поднимает.

Вдруг средь бела дня темно стало. Глянула женщина — туча тяжёлая небо закрыла.

Молния, как копьё богатыря, ударила в великанский дом. Через дымовое отверстие вошла, двери запалила. Кинулись великаны в окно. А девчонка-великанша бросила пленницу в подол и побежала к Черёмуховой гриве.

Догнала её молния-копье, пронзила ей правую руку. Почернела, повисла рука.

Заревела Менгк-эви, но дальше побежала. Левой рукой полу держит, женщину несёт. Прибежала на то место, где взяла её, да и бросила рядом с шалашом. Бегом назад понеслась. Тут хлынул ливень. Поток сбил Менгк-эви с ног и повлёк прямо в зыбун, в гиблое место.

С тех пор великанов не стало в округе. И злой дух Шиликун куда-то откочевал. Забыл народ про них. А про молодку, терпеливую да бесстрашную, помнят. Слезы деток спасли её, говорят.

КЕҢЕРСЭЛЯ

Хэраң ёх мош

Кеңерсэля велпәсләты хә вәс. Тәдн вәнтән вой кәншәс, лүңи хүл веләс. Щиты щи ләтут вәйтләс. Щәлта вәнтән вой шимла йис, хүл иса хулт вәшәс. Нумәс верәс уша верты, па ёх па велпәс верәл хутыса. Юхи юхтәс, ил удәс. Алңа йис, пәнта щи питәс. Имел мәнты тәхела ким етәс. Нык мәнсаңан, Кеңерсэля лупәл:

— Хәлүм ол мәр ант ки юхәт-лүм, щит тәңха щи керисум.

Щәлта щи мәнәс. Юханл нык етты тәхи вәнта күрн мәнәс. Юхан хонаң хүват шәшл, вантл: и ики хүл няшл. Вән хүл веләс. Кеңерсэля хәния вана ләмәсәс лүв хушәла па лупәл:

— Пираш акәм ики, муй нәң верлән?

Ин ики пакнәс па ел үвәтл:

— Нәң па хушәла етмәсән, сорум түр? Мүң мұвевн хүл антәм, вой антәм. Муй юхәтсән?!

Ямәс вантыйлдты питсәлә: Я-щит вәнт меңк ики. Пакнәс Кеңерсэля, тәп така верәсл:

— Муй сыяшлән? Ма мойлаты нәң хушәна юхәтсум. Ләптә мәнәт, щәлта велщи ләвта.

Меңк ики хотәла вохсалә, сорт хошум йиңкән ләпәтсалә, лүтупн пуныйдсәлә па лупәл:

— Интәм мәнә! Юхан хонаң хүват мәнлән, тум юхан хурн юрнхот омәсл. Щәта ма аңкәм вәл. Лүв хушәла лүнта. Ма яйләм вохлүм. Щәта щи путрәмәлүв.

Кеңерсэля щи мәнәс. Вантл: юхан холупн ләп талүм. Түн-щи-

КЕНГЕРСЕЛЯ

Селькупская сказка

Жил на свете охотник по имени Кенгерселя. Зимой в тайге зверя бил, летом рыбу ловил. Тем и кормился. Только стало вдруг в лесах мало зверя, а рыба и вовсе ловиться перестала. Решил Кенгерселя пойти посмотреть, как у других рыбаков дела идут. Пришёл в чум*, спать лёг. А наутро в путь собрался. Жена его проводить вышла. Кенгерселя говорит:

— Если через три года не вернусь, значит, я погиб.

И ушёл. До нижнего речного переката пешком добрался. Идёт по берегу, смотрит: какой-то старик рыбу удит. Кенгерселя неслышно подкрался к нему и говорит:

— Дед, ты что это делаешь?

Вздрогнул старик да как закричит:

— Как ты попал сюда, хрипящее горло? На нашей земле нет ни рыбы, ни птицы. Зачем пришёл?!

Присмотрелся Кенгерселя: да ведь это лесной дух — лоз — перед ним. Страшно стало Кенгерселе, но виду не подаёт:

— Что зря шумишь? Я в гости к тебе пришёл. Накорми меня сначала, как по обычаю положено.

Старый лоз повёл его в землянку, накормил щучьей ухой, икрой и говорит:

— А теперь уходи! По берегу пойдёшь, на следующем речном перекате чум стоит. Там мать моя живёт. К ней зайди. А я братьев позову. Тогда и поговорим.

Отправился Кенгерселя. Идёт-идёт, видит: река снастью перепо-

раңа ин холуп ант омсум. Ай хулат вәшиләләт. Сомдал нухлы долълат, турахлад вой тухал хурасуп. «Ин там хулдан ши ермәлләт, хулат нух хәңхты ширәл антә!» — Кеңерсәля нәмәсл. Кәт пәләк пәда вантыйс: юхан эвәлт кәращ рுவая хәләң, тапраң әш етл. Кеңерсәля ши әш хуват мәнәс. Вантл: юрнхот омәсл. Куш ишмийс — нәмхуят антәм. Юрнхота дунәс, пиращ ими омәсл. Вера пиращ, сәмңәл вүртәңән, мәшәңңән. Кеңерсәля шуваләс па лупәл:

— Муя юхәтсән? Мүң мұевн хул антә, вой антә. Мәна! Ма пухлам юхәтләт, щәха юхи дельйин.

Кеңерсәля лупәл:

— И пухенән ши лапәтсаюм, нәң хущена китсәлә. Нәң иши ал дявта, иши лаптә.

Ин имийн лапәтса па лупәл:

— Муя нәң тыв юхәтсән, утшам хуят? Шалъ нәңәт. Пухламан иши па юхи дельйин. Хулта нәңәт хәняты?

Пүнаң усум хирл вүслә па шив Кеңерсәля лүкәмәслә. Щалта дүв усум хирл әхтыя уләс.

Камн хуятәт ши сымләсәт. Щит, алпа, ин ими пухәт ши юхәтсәт. Юхи дунсәт па иншәсләт:

— Мүң тыв Кеңерсәля китсүв. Хута дүв? Ән юхтыйс муй? Нәң дүвәт ән вантсән?

Аңкел ими лупл:

— Муй вәр олаңн путәртләты? Мүң мұевн тухлаң вой, күраң вой ант вәд. Муй тата велпәс хуят вәрл? Нәмулты Кеңерсәля ант вәйтлүм!

Меңкәт увләт:

— Ант дәпәлдән мұңәт! Уңәл олаңдаң хәдәңа ювмел, юврая путәртән пәта.

Аңкел шумәрмәслә, ким дощәл-темәслә. Юрн хот нух кәрәмәсы. Усум хирл вәйтса, Кеңерсәля ким

рожена. Только не по-людски как-то поставлен запор. В воде мелкая рыба плавает. Чешуя, как перья, взъерошена, плавники на крылья похожи. «Так вот кто рыбе путь преграждает!» — думает. Огляделся: от реки вверх на крутой берег грязная тропинка ведёт. Пошёл по ней Кенгерселя. Видит: чум стоит. Окликнул хозяев — никто не отвечает. Вошёл в чум, а в нём старуха сидит. Старая-старая, глаза красные, больные. Увидела Кенгерселя и говорит:

— Зачем пришёл? На нашей земле ни рыба, ни птица не живёт. Уходи! Придут мои сыновья, съедят тебя.

Кенгерселя отвечает:

— Один из твоих сыновей накормил меня, к тебе послал. И ты не брани меня, а тоже накорми.

Старуха накормила его и говорит:

— Зачем ты пришёл сюда, глупый? Жалко мне тебя. Сыновья мои всё равно тебя съедят. Куда бы мне тебя спрятать?

Взяла старуха пуховую подушку и сунула туда Кенгерселя. Сама на подушку головой легла.

Вот на улице шум послышался. Это её сыновья пришли. В чум заходят, спрашивают:

— Мы сюда Кенгерселя послали, где он? Разве не приходил? Ты его не видела?

Старуха отвечает:

— О чём это вы говорите? На нашей земле ни птица, ни рыба не живёт. Что охотнику здесь делать? Никакого Кенгерсели я не знаю!

— Не обмануть тебе нас! Вон даже углы рта твоего грязными стали, потому что неправду говоришь!

Схватили они старуху, на улицу выставили. Весь чум обыскали. Подушку нашли, выпотрошили. Кенгерселя поймали, на пол бросили,

лавемасы, хот хәрия ювәтса, дыв
лэты омәссәт. Ләсәт-ящәт, юнтты
сухан юхәтсаит. Ин Кеңерсәдя тыв
пәхәлмәды, тухи пәхәлмәды. Ин пу-
хие атма йиты щи питәс. Нәмәсл,
хутыса дывел дөпәлты. «Ким хәхәл-
мәты мосл, ов хонәңа питтем
артн», — нумәс вәрәс. Вән меңк ики
ов пуңәлн доляс, ин пух катлұмты
әнт аләмәс. Ким лутдәмәс, юхан
пәда хәхәлмәс, ай сорта ювемәс па
йиңка луңемәс. Меңкәт дүв юпелн
нәхләсләт. Юхан хонәңа юхәтсәт,
мәрәтсәт, паннеңәта ювемәсәт. Сы-
ящәт, Кеңерсәдя тәм катәлдә, тум
катәлдә. Юхан хур хуща вұты до-
лұмтәс, Хәннәхә хур дәмтумтәс, ел
шәшмәс.

Мәнд-мәнд, тыв хәнәмәл, тухи
хәнәмәл. Хұв муй ван мәнәс,
имултыйн хәлмәс: мулты йихриды.
Вантл, щи эвәлт вән ут, Нум тәрүм
пух. Ин похатұр пух лапәт пәхәр
юхан хұват тәл. Кеңерсәдя дүв
хущәда:

— Похатұр, мәнәм нәта! Меңкәт
ма юпемн нәхләсләт, мәнәт велты
вұтщиләт!

Нуви тәрүм пух лупәл:

— Хуятн ат нәтсаюм дәлн! Хұвн
ма ащәмн тыв партсаюм: упәм мой
пурайн вән хуятәт елпийн дәтута
напәтсум. Щит пәта щи тәм лапәт
пәхәр тәлдялұм. Нәң мәнәм ат нә-
тумсән?

Кеңерсәдя лупәл:

— Нәң мәнәм нәта, ма нәңен
нәтлұм!

Тәрүм Ащи пух әйләтә пәрмәс
Кеңерсәдя әхтыя па кұр пәтәл илпия
щи хәнәмәслә. Щәлдә лапәт пут кев
алмәс па ин утәт лавәлты щи пи-
тәс. Меңкәт щи етсәт. Нуви тәрүм
пух инщәсл:

— Хулдә мәнәлты, икет?

Меңкәт дылдәл юхи әрумел,
тәрмәләдәт:

а сами за еду принялись. Поели,
решили развлечься. Встали по сто-
ронам чума и Кенгерселю, как мя-
чик, друг другу перекидывать нача-
ли. Плохо парню. Думает, как бы
спастись. «Надо вырваться, когда у
выхода окажусь», — решил. Так и
сделал. Старик лоз, что у дверей
стоял, не удержал Кенгерселю. Вы-
скользнул он у него из рук, на ули-
цу выскочил. Подбежал к реке,
обернулся маленькой щучкой и под
воду ушел. Лозы за ним гонятся.
К реке подбежали, нырнули, в на-
лимов превратились. Шумят, вот-
вот Кенгерселю догонят. А он, когда
за поворотом реки лозам его не вид-
но было, к берегу подплыл, снова
человеком стал, пешком пошел.
Идет, за пригорками прячется, в тра-
ве скрывается. Шел-шел, вдруг слы-
шит какой-то скрежет. Присмотрел-
ся, а это великан, сын бога неба
Нума, по реке семь островов воло-
ком тащит. Кенгерселя к нему:

— Богатырь, выручи меня из бе-
ды! За мной лозы гонятся, убить
меня хотят!

Сын Нума отвечает:

— Хоть бы мне кто помог! Много
лет назад мой отец наказал меня
за нарушение обычая: на свадьбе
моей сестры я начал есть раньше
старших. Сколько уж лет в нака-
зание за это я таскаю эти острова.

Кенгерселя говорит:

— Ты мне помоги, а я тебе по-
могу!

Тогда сын Нума слегка наступил
на Кенгерселю правой ногой, спря-
тав его под подошвой своего огром-
ного ровдужного* сапога. А сам
поднял с земли семипудовый камень
и стал ждать. Вот бегут лесные духи.
Сын Нума спрашивает:

— Куда, старики, путь держите?

А лозы запыхались, торопятся:

— Наң Кеңерсэля ант вантсэн?
— Щит хой? Щимаш хуят ма ант
вэлум.

— Щи лепалтыйллан! Уңал
оланлан питыя щи йисат.

Нуми тэрум пух ин кевл ювтас.
Ин пукашат эвалт немудты ант
хашас, мет мулты щимаш ут иса
антэм вэс. Күрл нух алмас, Кеңер-
сэля нух дояс.

— Интам наң нёта!

Кеңерсэля ворш куя ювемас па
тэрма щи пэрлемас. Нуми тэрум ху-
ща вана юхтас па лупал:

— Муя наң, Нуми тэрум, пухен
щи мурта мүлсэн? Мосаң, наң юре-
масэн пухен? Лүв нүрл, алпа, тун-
матсалэ. Пухенан ма лыдем давал-
са. Наң дэли нүрл нух вулэн ...

Нуми тэрум еша немасыйс па ка-
шашас:

— Я, щиты ат вэл. Пэхардал ат
хэйлалэ талум тахела.

Кеңерсэля ид еслашас Нуми тэ-
рум пух хуща па лупал:

— Ащен кашашас. Пэхарлан
хаялан талум тахенан. Пэмащипа
нанен. Ин ма юхи мандум, юли
имемн даваллаюм.

Нуми тэрум пух талты келдал
вущкас. Щи тахийн лапат пэхар
щи хашсат.

Интам венты Енисей хуща щи
пэхрат омаслат.

— Ты Кенгерселю не видел?

— О ком это вы говорите, не
знаю.

— Врёшь! Вон даже углы рта
твоего грязными стали.

Тогда сын Нума бросил в них
семипудовый камень. Ничего не ос-
талось от лозов, будто и не было их
никогда. Приподнял великан ногу,
выпустил Кенгерселю.

— Ну, теперь ты мне помоги!

Кенгерселя обернулся соколом,
в небо полетел. Приблизился к ве-
ликому Нуму и говорит:

— Великий Нум, за что это ты
так сильно наказал своего сына? Не
забыл ли ты про него? Он уже ис-
купил свою вину. Твой сын меня от
смерти спас. Простил бы ты его...

Нум подумал-подумал да и согла-
сился:

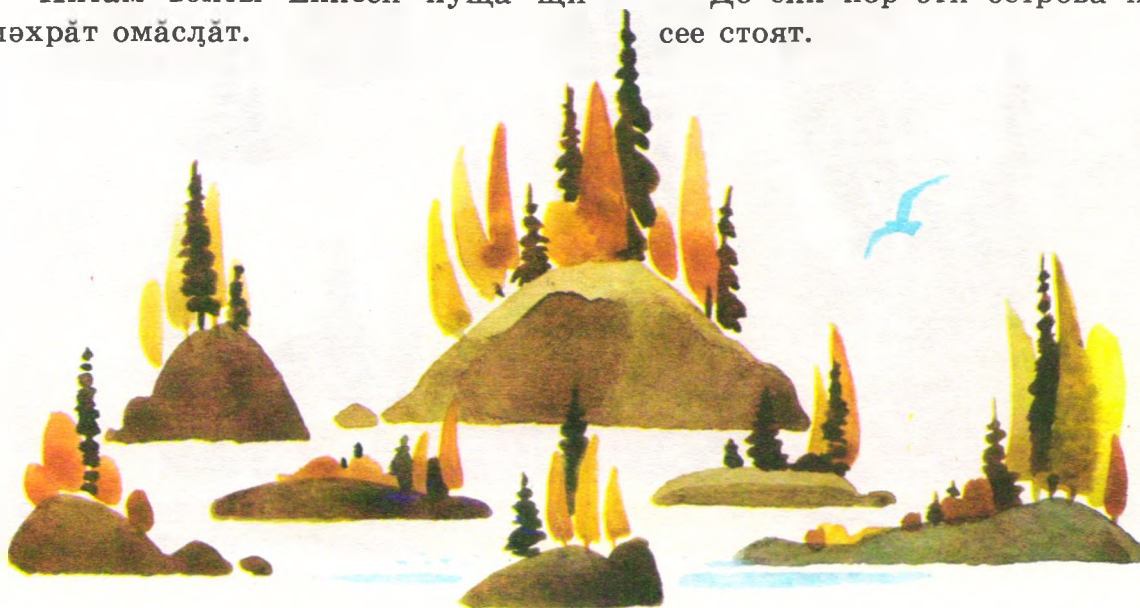
— Ладно. Куда притащил он
свои острова, пусть там и оставит.

Кенгерселя вернулся на землю к
сыну Нума и сказал:

— Кончено твоё наказание. Отец
разрешил тебе бросить здесь эти
острова. Спасибо тебе за помощь.
А мне идти надо, дома жена ждёт.

Бросил сын Нума ремень, на ко-
тором тащил свою ношу. И остались
на том месте семь островов.

До сих пор эти острова на Ени-
сее стоят.

ДЯБДЯ

Удэге ёх мош

Хул велты хэ Канда Мафа имел пида вэс. Вэлман хуват и нумасн вэснән, тэп няврэм ант тайсаңан. Канда Мафа холпийс па кашин алаң дэты хул пайн омасл. Имультыйн роман хул хулт вэшумтас. Алаң Канда Мафа нык юхатл, холпал тал. Тэп тал лумаш. Канда Мафа нэмасты питас: «Муя хул хулт вэшас?» Холуплал вантыйлман тайты питсалэ. Илатн алаң холуплал пуналн еман вой Дябдя шувалас. Ин ики дыки юхатса:

— Там утн хулдам ел ши вошитлаит!

Ин Дябдя алемаслэ, ел вуцкаты вутшийлсалэ кев эхтыя.

Роман ин Дябдя ханты турсыйн тыв нэхмас:

— Ащие, манат ал велэ! Пуха наңен вэлдум.

Канда Мафа нэмасыйл, щалта пухлала пунсалэ па имела ши тэслэ.

Юхи юхтас па лупал:

— Там, имие, пирцёмумемн тэрумн пухан наңен вэйтсем, — хуты вер вэс путарсалэ имела.

Имеңан-икеңан перащ суха ин утн пунсалн, Дябдя щата вэлты ши питас. Талаң хатл ши ул, яха щакрумман, па иса хэсла. Канда Мафа хул вел, имел дэгут юлн верл. Мет еплаң пұлые пухала маллэ. Щиты ши вэсат.

ДЯБДЯ

Удэгейская сказка

Жил на свете рыбак по имени Канда Мафа со своей женой. Прожили они в мире и согласии до самой старости, но детей так и не нажили. Канда Мафа ставил сети и каждое утро приносил старухе улов. Но вдруг рыба перестала ловиться. Придёт Канда Мафа утром на берег, а сеть пуста. Только запутавшиеся в ней водоросли развеваются. Задумался Канда Мафа: «Почему рыба исчезает?» Стал наблюдать за своими сетями. И однажды чуть свет застал возле них ужа — Дябдю. Рассердился старик: «Так вот кто разгоняет мою рыбу!»

Схватил он Дябдю и замахнулся, чтобы разбить его о камень.

Но уж вдруг заговорил человеческим голосом:

— Отец, не убивай меня! Сыном тебе буду!

Удивился Канда Мафа, положил ужа в подол халата и понёс к старухе. Пришёл домой и говорит:

— Вот, мать, под старость нашёл тебе сына. — И рассказал, как дело было.

Положили старик со старухой ужа на кабанью шкуру, и стал Дябдя там жить. Целыми днями лежал, свернувшись в клубочек, и молчал. Канда Мафа ловил рыбу, старуха готовила еду. Так и жили.

Как-то раз уж вновь заговорил:

Илатн Дябдя па ши путар вус:
— Ашие, имийн манат вэйтэ.
Ими тэты нумас версум.

Халэвта йис, ин ики меньне кашты ши манас. Пүтсухл панан вус каша пида па нухлы юхан хонаң хуват ши манас.

Хув муй ван манас, и кэрта юхтас, щата лапат эви вэлтал. Пүтсухл Канда Мафа лыв елпеда омассалэ па лупал:

— Нэңиет, мата утн ма пухем хуца имия кашашл, щит там каша ат деллэ.

И неңие няхман лупал:

— Путар вэйтсан, икилэ! Хой еман вой икия верлалэ?!

Хэт апалне пүт пүңла вана ант па хатыйлсат. Тэп ай эвел нялын амармас каша, тэп уңла тэты ант алемаслэ, упидал напатсат, ел пэхалмасы:

— Щимаш утшам ши! Дябдя икия верты вүтщалэн?

Канда Мафа ики пүтсухл вус па шумалэ юхи ши юхтас.

Имел Дябдя пухл ёша вүйман икел ещалт ким етас па лупал:

— Пухие, вантлем: ащен йил — няхийл, пүтл тал. Алпа, меньне вэйтас.

— Ма вантлем, ащем шумалэ, — Дябдя лупал.

Имел сэмл нүша вэс.

Па хатл Канда Мафа манас нык-лы пела. Па ши пүтсухл кашайл пида панан вус.

Хув муй ван манас, и кэрта юхтас, щата иши лапат эви вэл. Пүтсухл омассалэ па ишиты ши лупас.

— Хой еман вой икия верлалэ?

Ай эвел нялы алемас, кимит ёщалн пүт йира күншемас па каша леты ши питас. Вэн упидал хулна нумасн анта юхатдаит, сащн юхтуматн, вана хатумасат па ай эвел

— Отец, найди мне невесту. Хочу жениться.

На другой день старик отправился искать сыну невесту. По обычаю взял с собой котелок каши и пошёл берегом вверх по течению реки.

Шёл, шёл и пришёл к юрте*, где жили семеро девушек-сестёр. Поставил котелок перед ними и говорит:

— Сёстры, которая из вас хочет выйти замуж за моего сына, пусть съест кашу.

Одна из сестёр усмехнулась:

— Скажешь тоже, старик! Кто ж пойдёт замуж за ужа?!

Шестеро из сестёр даже не подошли к котелку. Только младшая из любопытства зачерпнула ложкой каши, но сёстры оттолкнули её:

— Что ты, глупая, делаешь?! Хочешь за Дябдю замуж выйти?

Старик пошёл домой печальный.

Старуха с Дябдём на руках бежала встречать мужа и говорит:

— Сынок, вижу: отец идёт — улыбается и котелок как будто пустой. Наверное, невесту тебе нашёл.

— А я вижу, что отец грустный идёт, — возражает Дябдя.

Старуха-то подслеповата была.

На другой день Канда Мафа отправился искать невесту сыну вниз по течению реки. Опять захватил с собой котелок с кашей.

Шёл, шёл и пришёл к юрте, где жили другие семь девушек. Поставил котелок перед ними и сказал те же слова. Снова девушки отвернулись с усмешкой:

— Кто же пойдёт за ужа?

А младшая сестра ухватила за край котелка и давай быстро-быстро кашу есть. Старшие сёстры подскочили к ней и ну оттащить её от котелка. Да не тут-то было. Младшая так крепко держа-

пўт эвэлт ел ши талты пйтсэл. Ай эвел така пўта катлās — ел талты шир антə. Ши хонāl нялуйн. Кашайл ши еплāн хуты — тāmāш каша вэлмал хўват ант лавāнтās. Лўв иса хāщты лєтутн лāптыйлса.

Канда Мафа āмтās, тал пўтл вўс па юхи мāнās. Мāнл па арийл:

Меньнє ма Дябдя пухєма пирисум.
Мєт тєс єнта веншуп тылāш иты.
Питы эптуп, питы ат иты.
Кāрщаттэл ай хопьюх хурас.

Имел ким єтмās, икел ещалт.
— Ащен йитал сашл, холлāл.
Алпа па ши меньнє ант вāйтас.

— Ма хэлтємн: ащєм арийл.
Амāтман шэшл, — Дябдя лупāl.

Имие пāлāл шимāl. Ямās хэлāнтты пйтās — яна ши: Канда Мафа арийл, ям ар арийл.

Хāлэвта йис, Канда Мафа емāн войл пухāl лыпия пунсāлэ па эвет хуща ши мāнās. Лўв кэртэлā юхтās, Дябдя ил єсāлсāлэ пўпи сāх əхтыя.

Щит шувалумел кємн вєнлāt упилāл āлалāл āктумсāt, хотэл эвэлт ким.

Лўв нєхумсāt:

— Емāн вой пилā и хотн вэлты āн лāнхалўв!

Ай эвел атэлт Дябдя пилā хāщās хотн. Ин утл лāпātлāллэ, ил вэлтāллэ — щиты кāt хуятн ши вэллāнāн.

Илātн нух вєрлās, вантл: хотлāн нуви. Елумсы, ши хўват ши улмал. Лəмāтлямās, ким єтās. Камн иса пātлам, хєсāt тєп сурлāt.

Эвие нємāсыйл. Нємāсл, алпа, вэлмийл.

Хотлā лунас — нуви! Вантыйл: Дябдя уллотн тєс кинща тєс пух ул, āл хэтлās, лўв пулāлн емāн вой сух кєрātлјл. Эви вана хātās, айлты-

лась за котелок — не оторвать. Черпает ложку за ложкой. Всю кашу съела. Каша была такой вкусной — никогда она такой не едала. Ей всегда лишь обьедки доставались.

Старик забрал пустой котелок и пошел домой. От радости запел:

Выбрал я невесту сыну Дябде
Самую красивую, круглолицую, как луна.
Волосы темные у нее, как черная ночь.
Стройна она, как молодая осина.

Старуха выбежала встречать.

— Слышу: отец идет и плачет.
Видно, опять не нашел тебе невесту.

— А я слышу: отец напевает.
Радостный идет, — возразил Дябдя.

Старуха-то еще и глуховата была. Напрягла она слух — и правда: поет Канда Мафа веселую песню.

На другой день положил старик Дябдю в подол своего халата и пошел к девушкам-сестрам. Пришел в их юрту, опустил Дябдю на медвежью шкуру.

Увидев это, старшие сестры собрали свои вещи и ушли из дома.

— Не желаем, — сказали, — жить под одной крышей с ужом!

Осталась девушка одна с Дябдєй в опустевшей юрте. Ухаживала за ним, кормила его — так и жили вдвоем.

Однажды девушка проснулась и видит: в юрте уже совсем светло. Удивилась она, что проспала так долго. Быстро оделась и вышла на улицу. А там темным-темно, только звезды сверкают. Призадумалась девушка. Решила, что сон ей приснился. Вернулась в юрту — светло! Огляделась кругом, смотрит: на постели Дябди спит красивый юноша и весь светится, а рядом валяется змеиная шкура. Девушка тихонько взяла шкуру и спрятала ее в дровах.

ева ин сух вўслэ па тўтьюх кўта ханятсәлэ.

Алаң нух кидумтас, упидал хуца хәхәлмәс ши верл олаңн путартты. Упидал тәп атум нумәсн юхәтсаит, емаң вой сух, алпа, мулты пиц тайл. Ин пух шувалумел юпийн мәт ши: ши хурасуп вой кәшты хуят — ар хўл юхи тәл, ар нюхи.

Яма вәлты ин утҗан ши питсә-җан. Па уй хўв хән хотн вәл.

Кашин хәтл упидал юхтыйллат Дябдя вәнта мәнты юпийн. Иса ши инщәсләт, хута емаң вой сухл. Юнты питыйллат, ай эвел дякәтты питыйлләл, ши артн иса ши инщәсләт, хулта емаң вой сух ханятсәлэ. Илатн щиты вәнта дякәтсәл, ай эвел холлупа ши питас. Хув холдас, сәмҗал иса нух турхумсә-җан.

Дябдя велпас эвәлт юхтас, вантл, имел сәмҗан нух турхумман.

— Тўтьюхлам нярат, ант вўщилләт, пәсәнн етләт, щирн ши сәм йиңклам хулилат.

Дябдя эвлас, уша ант павәтсәлэ, муя имел шўмалъ.

Упидал щиты ши юхтыйллат па ай эвел ши шәкатләл.

Илатн тўр пәтәла юхтас па ши лупсәлэ:

— Ёсладн, әрем худас. Емаң вой сухл тўтьюх кўтн ши ул.

Лупсәлэ па мәт холдәты ши питас.

Упидал ким хәхәлмәсәт, тўтьюхәт ара тәхәмәләл — ин сух ши вәйтсәл. Вән тўт әлсәт па ин сух тўта ши ювәтсәл. Ай эвел тўта кўш хәхәлмәс, упиләдн ант есәлса.

Имўлтыйн Дябдя етмәс. Лўв нымәл ваттуман хәхләс ... тәп иса тўтн лап супәлтум. Лўв луваттәл, ләмәтсухл, нымәлҗал иса тўтн. Упидал пакәнсәт, хунтасәт, мәт ищи дыв

Утром она побежала к сёстрам поделиться своей радостью. Но старшие сёстры лишь позавидовали, какой у младшей красивый муж, и догадались, что в шкуре скрыта какая-то сила. Они просто сна лишились от зависти, когда сами его увидели и убедились, что он и охотник хороший.

Хорошо зажили молодые супруги. Да недолгим было их счастье.

Каждый день, когда Дябдя уходил на охоту, старшие сёстры приходили к ним в юрту и выпытывали у младшей, где она спрятала змеиную шкуру. Они затевали игру и как бы в шутку начинали щекотать младшую сестру, а сами в это время выпрашивали. Сёстры так её щекотали, что доводили до слёз. Она плакала, и глаза у неё опухали.

Дябдя, приходя с охоты, спрашивал жену, почему глаза опухли.

— Дрова сырые, плохо горят, дыму много, вот слёзы и текут, — отвечала жена.

Дябдя верил, не замечал, что жена его стала печальной.

А старшие сёстры всё приходили и мучили младшую щекоткой и расспросами. И однажды, не выдержав пытки, она простонала:

— Отпустите, нет сил больше терпеть. Шкура спрятана в дровах.

Сказала и горько заплакала.

А сёстры выбежали из юрты, расшвыряли дрова — нашли змеиную шкуру. Развели большой костёр и со злорадством кинули её туда. Младшая бросилась спасать шкуру, но сёстры не подпустили её к костру.

Вдруг вдали показался Дябдя. Он бежал на лыжах... но был весь объят пламенем. Вся одежда его, лыжи и сам он пылали огнём. Старшие сёстры, испугавшись того, что натвори-

тата ант па вэсат. Ай эвие икел хуца наптас, ал ши торийл. Дябдя шив доляс, пухал дыпи эвалт лэщтан нух вус па кат шэпи мэрэмаслэ.

— Та, вўе, — имела маслэ, — там лэщтанэн хуват манат вэйтлэн, нумас ки тайлан. Ма щиты парсаюм — ма щиты мўлсаюм. Щит Тэрум Ацийн еман воя пелатсаюм. Там вэн нёлэн* вўе, — Дябдя имела маслэ хув юх, тыял дўв олналн тайл. — Там вэн нёлэнан ма хуцэма тэдыйн.

Щиты тэп лупас, питы пэсна ювемас па тэрумн хулт ши вэшумтас.

Эвие холдуман ши хашас, упилал дявалтуман, щимаш ёх па ши вэлмел дўв упилал.

Хув муй ван ай эви атэлт вэс щэкашман. Щалта нумас ши верас Дябдя кашты.

Ентасты йиңлал панан вус, щата йинтуплал, сухумлал па лэщтан шэп. Хураман ханшаң щашкан сах лэмтас, нюки вей — ши манас. Вэн нёлал вус, ши манас.

Хув муй ван манас нёлал алыты эш хуват. Репат шэпи вуратас, шик вэнтат хашсат. Камн пуш нюки вейл тохийс. Нумсал ел пунман ши манас. И тахийн репн вэлты юхана юхтас. Юх пул адемас, йиңка юватсалэ, ин юхие увн ши ел хуремасы. Юхан хонча омсас, нэмасл, хутыса там увал юхан вўшты. Ил нюрас, йиңк яншас, вевл ши манас. Вантл, юхан па пелакн пасты кўруп ши мўв вўды — изюбрь — ищи йиңк ящл.

Ай эвие нётупсы изюбрь эвалт вохты нумас верас:

— Ешак изюбрь, манем нёта. Ма юхан тум пелка юхатты щирем антэ.

Изюбрь шанша омсалсалэ па ши вўшалтаслэ. Ай эвие амтас, па

ли, убежали, как будто их тут и не было. А младшая кинулась навстречу мужу, вся дрожа от страха и горя. Дябдя, остановившись перед ней, достал из-за пазухи оселок, которым точил ножи, и разломил пополам.

— Вот, возьми. — Протянул жене половину оселка. — По нему найдёшь меня, если захочешь. Такая судьба у меня — заколдован я. Это Эндуру, бог неба, превратил меня в ужа. Возьми ещё копье. Оно приведёт тебя ко мне.

Только успел Дябдя сказать это, как тут же превратился в чёрный клуб дыма и исчез в небе.

Горько плакала девушка, проклинала злых, завистливых сестёр.

Неизвестно, сколько прожила она одна, горюя. Но вот решила девушка идти искать Дябдю. Взяла с собой берестяную шкатулку, где лежали нитки, иголки и половина оселка. Надела она расшитый узором халат, взяла несколько пар замшевых сапожек — собралась в дальнюю дорогу. Прихватила копье, которое дал ей муж, и отправилась.

Шла, шла, долго шла туда, куда вело её копье. Через высокие горы, через непроходимые чащи. Несколько пар замшевых сапожек износила. Но вот перегородила ей путь быстрая горная речка. Подняла девушка с земли щепочку, бросила в речку — ту мгновенно унесло течением. Вода в реке бурлила и шумела. Присела девушка на берегу — не знает, что делать. Наклонилась, попила воды — утолила жажду и усталость прошла. Видит: прибежал на берег быстроногий изюбрь. Тоже напился.

Девушка попросила его:

— Стройный изюбрь, помоги мне на другой берег перебраться.

Посадил изюбрь девушку к себе на спину, перевёз её. Обрадовалась

изюбрь ай ван лывиенан (шойтые-нан) мойдаслэ па юлта пелкада лонцумсалэ. Изюбрь ухл юхлы каремийдлалэ па юраңа шэшийл. Шойтые пида изюбрь мет тэса, хурамаңа вантасл. Ай эвие ищи амтат-дяд.

Па ям вэдум версаңан, елды щи шэшмас. Хув муй ван манас, вэн аса етас, па пелкал тэп кал. Вэе нёладн малаттэл нух арталыйдсалэ: шенк мал.

Ил омсас, шумаля йис: муйн па пелка тэдыум?

Вантл: шош вэцийл.

— Манат нётумта, ешак воие, ас па пелка вушты, — ай эви лупал.

Шошн шанша омсалса па щи вушлтемасы. Пэмащипа юкана ай эвие ханшийн ёнтсалэ тухалңал па саплал хуца, ухл хуца кушпиенан лонцумсалэ. Хурасаңа ин шош щи йис. Йиңк хуца хурасл шувалас — йиңк темты щи питас аматман. Щи вэцийл, ил мартыйл па вэщл ух карщацик алумман, йиңк тэп ар тахи пела рывл па ал щи вурдал.

Ай эвие амтас, тухлаң войда мэстум пата, па ям вэдум верас па щи нюхлас.

Хув муй ван манас вэн нёдал альты эш хуват. Па щи лув елпелн вэн ас тывас. Щи мурта вутаң, па пелкал ант па кал. Ас питар хуват щи шэшмас. Хув манас, ван манас. Имудтыйн хуятат путартты сый сымлас. Вантл: эвет хопн манлат. Эвета пойкчал, ат ладн вушалталы ас па пелка.

— Термалалув муң, — луплат. — Наң омаслан, хопев лаварта йил, щирн паста манты ант вератлув.

Па щи мансат.

Ас хонаң хуват па щи шэшл. Па щи халдалэ йиңк лемпиты сый. Щи эвалт: и эви хопн манл.

девушка и в знак благодарности пришила изюбрю коротенький хвостик, которого у него раньше не было. Откинул изюбрь голову назад и стал важно расхаживать по берегу. С хвостиком он стал ещё красивее. И девушка была довольна.

Попрощалась она с ним и отправилась дальше. Шла, шла и опять вышла к реке. Широкая была река — другой берег еле виден. Померяла глубину копьём — дна не достала. Опустилась на землю, пригорюнилась: как же ей переправиться?

Видит: плывёт селезень.

— Помоги мне, дружок, перебраться на тот берег, — просит девушка.

Селезень посадил её к себе на спину и перевёз через реку. В знак благодарности девушка вышила селезню на крыльях и на шее узоры, а на голове пришила хохолок. Похорошел селезень. Увидел своё отражение в воде — заплескался от радости: то нырнёт, то вынырнет, то поплывёт, рассекая воду, гордо подняв голову. Брызги от него так и разлетаются в разные стороны и переливаются всеми цветами радуги.

Попрощалась девушка с ним и дальше пошла.

Шла, шла, куда вело её копьё, и снова перед ней оказалась река. Да такая широкая, что другого берега и вовсе не видно. Пошла девушка по самой кромке. Долго шла. Вдруг услышала голоса. Смотрит: девушки на лодке плывут. Просит, чтобы взяли её с собой.

— Торопимся мы, — отвечают. — Сядешь, отяжелеет лодка, не сможет быстро плыть. — И проплыли мимо. Осталась девушка одна на берегу. Делать нечего — двинулась дальше.

Идёт кромкой берега. Вдруг снова слышит плеск. Присмотрелась: на

Ин нә вана юхтас, ай эвие щи вохантл:

— Манат панан вѳе, вән әрәмн ловадты питлѳум.

Ин эвийн хопа щи дѳелтаса. Кат хуятн щи мандаһан.

— Хулта нан термалдан? — ин-щасладэ ин нѳнал.

— Луплат, там Ас хонаһн хот омасл, щи хотн и пух ул. Нѳмхуятн нух кѳуритты ант вератла. Мата эвийн нух куритты вератла, щи нѳ имия вѳлдэ. Эвет хулыева щив щи термалдат, ма ищи.

Ямас ловадты щи питсаһан. Хопн паства манты щи питас. Хѳв муй ван мансаһан. Имудтыйн вантлаһан: хот омасл, ас хонаһн щи арат хоп, вѳты каталты тахи антѳм.

Вѳрайн калтан вѳйтсаһан, хопн ил йирсаһан, кѳрн хот вѳнта щи мансаһан. Пѳращ сухаһ овл пѳлка пѳшсалн, вантлаһан: хурасаһ пух ул, эветн кѳш кѳратла, нух ант вердал.

Ай эвие эвет юпийн улты пух хуща вана юхтас. Вантл — щит Дябдя ул па лѳв пѳндалн лѳщтан шѳпл. Ин лѳщтан вѳслэ, лѳв таюм лѳщтанл йинл эвалт нух вѳслэ, яха рахалсалэ. Ин лѳщтан ита щи ювѳмас, салтум тахел ант па кал, мет шѳкатман антѳм вѳс.

Ин пухие нюхлас, нишлтыйл па сѳмнал щи пѳшсалэ.

— Хойн нух кѳритсаюм? Пѳращ хуятн ки — ащи юкана лѳнжатлѳм. Пѳращ имийн ки — аһки юкана лѳнжатлѳм. Пухн ки — яй юкана тайлѳм. Эвийн ки — упия лѳнжатлѳм.

Нух омсас, вантыйл: лѳв пѳндалн лѳв имѳл омасл, ѳшн лѳщтан катл. Яха апалмасһан, щи вѳш эвалт тамхатл вѳнта ин яха щи вѳлдаһан.

лодке плывѳт одна девушка. Дождалась ѳѳ, попросила:

— Возьми меня с собой, буду грести изо всех сил.

На этот раз повезло — взяла ѳѳ девушка в свою лодку.

— Куда это ты торопишься? — спросила девушка хозяйку лодки.

— Слух прошѳл, что где-то на берегу юрта стоит, а в той юрте спит молодой парѳнь. Никто ѳго разбудить не может. А кому из девушек удасться, на той он и женится. Все девушки торопятся туда, и я тоже.

Налегли они на вѳсла, ѳщѳ быстѳрее поплыла лодка. Долго плыли.

Вдѳруг видят: стоит юрта, а у берега столько лодок, что и причалить негде.

С трудом нашли место на берегу, привязали лодку, пешком добрались до юрты. Приподняли дверцу из кабаньей шкуры, смотрят: спит красивый юноша, и кто из девушек ни пробует, не может разбудить ѳго.

Последней подошла к спящему девушка, искавшая своего любимого. Смотрит — а это Дябдя лежит и рядом с ним половина оселка валяется. Она взяла ѳѳ в руки, достала свою половинку, приложила их друг к другу. Срослись половинки и трещины не видно.

Тут юноша зашевелился, потянулся и открыл глаза.

— Кто разбудил меня? Если старик — как отца почитать буду. Если старуха — как мать берѳчь буду. Если парѳнь — братом считать буду. Если девушка — сестрой.

Сел он на постели, осмотрѳлся и видит: рядом с ним ѳго жена, в руках заветный оселок держит. Бросились они друг другу в объятия и никогда больше не расставались.

КОМПОЛЭН — НӨРУМН ВЭЛТЫ УТ

Манщи ёх моц

Тамен йис, тумен йис тэрумн там вер вэс. Ёх тухдаң воит уватты сый, вэн воит умыты сый, юхат па турнат шэлиты сый путра верты ант хошсат, дэхсаңа вэлты щир яма дүңатсэл. Воит сахдал хантэта мойдасдал, дыв яй-апщи иты вэсат.

Вэна ювум ёх щатцащилал па опрацдал эвалт хэдясэл, Пүпие яй юкана ёха вэдмал. Күраң вой күтлуп яй, Тор па Хутаң — апщеңан. Сурэт па Тохтаңат — упет, няврэмта — аңкия, щация. Дыв эвалтэда ханты рэт рэтмас. Нохар юх ищи яй, сумат — упи.

Атум утат рэт щира вэлты утат пела дык тэсат. Мет дыкаң вэс Комполэн дүв муй дык вер иса дүв тайдалэ: хуятат пакнуптал, ёх нэрум кал лотата хуцдалэ.

Илатн щимащ вер тывас.

Пүпие хулат юханан велас, дүв дэс па Касюма лапат хул тэс. Касюм — вой велты хэ, пүпийн апщия дүңатла.

— Дэва, Касюм, йилуп хул, еплаң.

Ин хэ хулдал вуслэ, пэмащипа лупас па вэщвэлаң кукар Пүпела мас.

— Вонща па талаң кэт, талаң ханши.

Пэмащипа верас, вэщвэдал вүс па пүпи хотла щи манас.

Вэщвэл вонщас, еплаң дэрят вонщас па улты щи вүтщийс, тэп ин Комполэн дүв хуцела щи юхтас.

КОМПОЛЭН — БОЛОТНЫЙ ДУХ

Мансийская сказка

Давно это было. Тогда люди ещё понимали язык птиц и зверей, трав и деревьев, дорожили их дружбой, а самые мудрые из племени хранили тайны Понимания. Звери дарили людям шубы, а в тяжёлую годину делились последней шкурой.

Старые люди слышали от своих дедов и прадедов, что в давние времена Медведь был старшим братом людям, Лось — средним, а Журавль и Лебедь — младшими. Чайки и гагары были людям сёстрами, а значит, кому-то матерью, кому-то бабушкой. Они и положили начало человеческому роду.

Разве могли смириться с этим духи Зла? А из всех духов самым злым и коварным был Комполэн — Дух Болотный. Он пугал всех из непроходимой чащи, заводил в гиблые места.

Вот как однажды было.

Наловил Медведь в реке таймелей, сам поел и охотнику Касюму семь рыбин принёс.

— Ешь, Касюм, свежая рыба, вкусная.

Охотник Касюм взял рыбу, поблагодарил и вынес Медведю берестяной кузов малины.

— Ешь на здоровье, копи жир — скоро тебе в берлогу ложиться!

Поклонился косолапый, взял малину и отправился восвояси.

Поел малины, потом рябины, сладкими корешками закусил и собрался уже залечь на зиму, как под-

Тәп кұраң вой хура ығарасмал.

— Ил улсан, яум ики?

— Па улты пурая йис! — ысы-
луман Пүпие лупал.

— Ант палдан, яум ики?

— Ма муй эвалт палдум? — Пү-
пие путартыйл. — Ицки эвалт хән
палты мосл? Сахем кұл, вуй ар тай-
дум, хотемн кәр такды хошум. Ма,
ешак Кұраң вой, талн вусты вәдум
вәдмилум...

— Вой велты хә Касюм эвалт
ищи ант палдан? — мет сыйна ин-
щасла. — Наң вәдмитән эвалт, хотән
шүкатла...

— Лұв — ма апщем! — Пүпие
нәхмас.

— ...муй па түтн пунда хотән, —
Кұраң вой хураң ут лупал. — Вү-
щемады, наң лұн вәдумдан вантән
мәр.

— Апщем манат вухалтаты хән
питләлэ! — Пүпие дыкаңа лупас. —
Мин и рәт эвалт вәдумн!

— Вантлән щаха, — Комполән-
Кұраң вой нәхмас. — Нәмулты сухн
вой велты хә Касюм воитн ан мой-
дасы лұнн. Потла талн турн ләмат-
сухн. Нәмәлмәлдә, наң хошум сах
тайдан, нух еңхасләлдә! Щаха вант-
лән!

— Щимәщ мулты? Па хурас муй
ләмәтсан? — Пүпие дыкащас. —
Иира павтаса!

Пүпие мұв хотдан ил улас, кәтл
вошл* илпия пунас, и пәлкәл эвалт
па пәлка кәрләс. Улты лот мултыя
сусум, хәл нуват нух етмел — ил
ант па вуюмла. Вот пухие хойс,
вәншет евалты питсаит, ел арәмәсәт.
Вәнтые ариты питас. Ин Пүпие одум
пәда щи питас.

Тәп ил вуюмты питса, имултыйн
муй тывас — рохсумтас. Пүпие нух
навәрмас, ким аңкартас: щи эвалт
хоңхра сорум наңк юх сәңкал. Па
щи ил улас. Мет ләнщи йиңка —

крался к нему Комполән. Обернулся
Болотный Дух лосем.

— Спать собрался, брат?

— Да, пора! — потянулся, зевая,
Медведь.

— И не боишься, брат?

— А чего мне бояться? — уди-
вился Медведь. — Холода, что ли,
бояться? Шерсть густая, под кожей
жира накопил, в жилище моем и
без печки тепло. Мне, брат Лось,
зимой зелёные сны снятся...

— И охотника Касюма не бо-
ишься? — ещё громче протрубил
Лось. — Пока ты сны смотришь, он
берлогу твою разорит...

— Он — брат мой младший! —
перебил Медведь.

— ...или спалит твоё жильё, —
твердит своё Лось. — Спалит, пока
к тебе сны из лета приходят.

— Не пойдёт брат на брата! —
сурово ответил Медведь. — Мы одно-
го рода-племени!

— Вот посмотришь, — раздул
ноздри Лось — Комполән. — Ни од-
ной шкуры не подарили звери летом
охотнику Касюму. Замёрзнет он
зимой в травяной одежде. Вспомнит,
что у тебя шуба тёплая, и разденет
тебя догола! Вот увидишь!

— Что-то не узнаю я тебя, Ро-
гатый! Уходи с глаз долой!

Лёг Медведь в берлоге, голову
на лапу положил — неудобно. С од-
ного бока на другой перевернулся —
неловко. Постель жёсткая, еловые
ветки торчат — не уснуть. Но вот
запел колыбельную ветер, раскачал
он сосны, и сосны запели. Весь лес
подпевал. И Медведь стал засыпать.

Только он погрузился в сон, как
вдруг словно гром раздался над
головой. Вскочил Медведь, выглянул
из берлоги и понял — это дятел уда-
рил по сухой лиственнице. Успо-
коился, снова лёг. Будто в тёплую

вэлма питас. Ващ щихраң сый сымлас, мет лоц нымл илпийн щихарл.

— А муй щит? — Пүпие нух навармас. — Вой велты хэ Касюм амуй домесл?

Ким аңкартас, щи эвалт хэдыеңан вотн ёвалдайңан, тыйлан яха хойлялңан па щихарлаңан.

— Муём хуты йис? Муя ант вуюмдаюм? — Пүпие шэка питас.

Комполэн вой велты хэ хота юхтас. Вантл: Касюм турн дэматсухн кэр пуңалн омасл па ал щи торийл. Комполэн куцар хура ювемас па инщасла:

— Касюм, ицкийн потлаин?

— Антэ, ратем алдем, хошума йил... — ин хэ лупал:

— Молщанен хута па? — куцарлэ ястад. — Хулт ветшасэн?

— Щиты ат вэл, — икилэ няхийл. — Яйдам мултас тахты ан тайсат... Хошум йиңк ящлум, щалта каврум шайн элты — хошумдаюм!

— Пүпен, наң яй икен, мултас сах тайл. Ма вантсем, хуты лүв кимит сахл дэмтас, — куцарлэ шэхал.

— Кат сах ки тайс, итл дэлн манем маслэ, — Касюм лупал. — Лүв ям вой. Лүв манем хулн тэслэ. Нохарн нэмалта ёвалсалэ. Ма хуцэма мойлаты юхтыйс.

— Щит наң хотэн вантты юхтыйс, — куцар-Комполэн тыв хэхал, тухи хэхал. — Наң хотэнан кэрэн лүвел мөстас. Манем лупийс: «Юхта ма хуцэма, ма Касюм вошитдем. Нохар семат сорадты кэрэхтыйн питлумн».

— Ат юхатл — икилэ лупал. — Ма хотемн ар хуят велты вератл.

— Пүпем манем лупийс, — куцар путрал елды тэллэ: «Муй иса давантсум вэнтан, ват тэл ханнехэ

воду, вошёл в сон Медведь, но тут раздался тонкий-тонкий скрип.

— Что такое? — вскочил Медведь. — Неужто Касюм крадётся?

Выглянул Медведь из берлоги — а это две сухие ёлочки от ветра качаются и тоненько скрипят.

— Что же это? Почему это я спать не могу? — думает Медведь.

А Комполэн тем временем примчался к шалашу охотника Касюма. Смотрит — сидит охотник в травяной одежде у костра, дрожит от холода. Комполэн обернулся бурундуком и тоненьким голоском спрашивает:

— Холодно тебе, брат Касюм?

— Ничего, — стуча зубами, отвечает охотник. — Ничего, костёр пожарче разведу — теплее станет...

— А где твоя зимняя шуба? — пискнул бурундучок. — Потерял?

— Так получилось, — улыбается охотник. — Не было у братьев лишней шкуры... Ничего... Ухи поем, чаю попою — согреюсь!

— А у Медведя, брата твоего старшего, есть лишняя шуба. Я сам видел, как он на себя вторую шубу натягивал, — посвистывает зверёк.

— Если бы она была у него, то поделился бы со мной, — ответил охотник. — Он добрый. Он ведь для меня тайменей ловил. Шишки с кедра сбивал. В гости ко мне приходил.

— Да это он дом твой смотреть приходил, — крутится под ногами Бурундучок — Комполэн. — Ему в твоём чуме* печурка понравилась. Говорил мне: «Приходи ко мне, когда я выгоню охотника из чума, на огне кедровые шишки калить».

— Пусть приходит, — ответил охотник. — У меня всем места хватит.

— Ещё Медведь говорил мне, — продолжает бурундучок: — «Всякое едал в тайге, всё пробовал, а вот

муй епал тайл, ант велем. Илатн атлан юхатлум, Касюм юхи воцлем».

— Тадаң телн муй? — ики лупал.

— Па муй, — дыкн куцарлэ велци юхатты питса. — Олңадн ям пелак эвалт кур эвалт ухал вента, щалта пува пелак эвалт ухал эвалт курл вента!

— Муя па дык яюм ики ма пелема? — Касюм тышемас. — Мосаң, хермас? Манлум-сар, пойкилум.

— Мана, мана! — куцарлэ амтас. — Амплан панан вуя, пасты кеши, неллан — эхаллан...

— Кешең телан хой мойлаты яңхал?! — Касюм ики лупийл нымалңал ваттуман.

— Камн ут ешалт етл! — Комполэн лупал. — Яйн ики хуца ант есалдаин? — Пасты кешен па йинлңаң эхлэн вуя.

— Вулем, — ин хэ кашащас. — Талн сер вент — мур вент дыпийн камн ут вел.

Щи Касюм манас. Комполэнал дув елпелн щи тувасл.

Пупи хот шумая юхтас, вэн вэншия куншемас. Ин вэнши тэп ал варщумтыйс па пупи хот елтыя питас. Пуписе пакнас, олум сата немудты ушл антэ. И вэнши па ракнас хотл елты па хотл ара щи тэсы. Потум вот пупи мевла пултас.

— Анана! — Пуписе увтас. — Касюм апщемн амуй хотем шукатла? Алпа, сахем еңхты нумас верас...

Ким аңкартас Пуписе па вантл — иса патлам, лощ паит мевл вента, вот тарум, ищкел вэн. Тада ювум юпийн велци ким етас, олумдал эвалт нух куритса.

— Алпа, Кураң вой шоп лупийс, — Пуписе немалмаслэ. — Вой велты хэйн хотем шукатла. Алпа, сахем ента питла. Ма дувел ант мианлум!

каков на вкус охотник, не знаю. Приду как-нибудь тёмной ночью и съем!»

— Всего, что ли? — удивился охотник.

— Да, — начинает злиться зверёк. — Сначала справа с ног до головы, потом слева с головы до ног!

— Почему сердит на меня старший брат? — воскликнул охотник. — Может, обидел я его чем-то нечаянно? Пойду попрошу у него прощения.

— Иди, иди! — засуетился бурдучок. — Только собак с собой возьми, нож острый, лук да стрелы...

— Кто же в гости с ножом ходит?! — удивился охотник.

— А вдруг на тропе злые духи встретятся? — говорит Комполэн. — Вдруг не пустят тебя к брату Медведю? Возьми острый нож да тугой лук.

— Ладно, — согласился охотник. — Зимой в глухой тайге немало злых духов.

И отправился. А Комполэн ураганным ветром впереди него мчится.

Прилетел, остановился перед берлогой. Взял и надавил плечом на громадную сосну. Сосна заскрипела да и повалилась прямо на медвежий дом. В ужасе вскочил Медведь, со сна понять ничего не может. Ещё одна сосна упала на берлогу и разворотила её. Ледяной ветер ударил Медведя в грудь.

— Ай-ё! — воскликнул Медведь. — Неужто брат Касюм мой дом ломает?!

Выглянул Медведь из берлоги и не узнал мир — темно, сугробы по грудь, ветер воет, мороз визжит. Первый раз Медведь зимой на улице очутился, оторвался от зелёных снов.

— Видно, правду Лось говорил, — вспомнил Медведь. — Охотник

Хотд эвэлт Пүпие ким вүратас па вэн хэл пүнла ханэмас.

— Э-э-э! Яюм ики наң хушена щи йилум! — Вой велты хэ үвтас.

Вотасн ясаңдал адемасыйт па вот хулыты сыйн Пүпи пухиева сашл:

— Мултыя палтап? Щи йилум, щи йилум!

— Юва,— Пүпи пухие лупал.— Юва, ма наңат давалдем!

Тәп икилэ етмас, Пүпие күншәмәслэ лүват, ил паватса и каврум дыл щи юхтумтас.

«Кушарлэ яна лупийс. Юхи вошты Пүпи яюмн щи вутщадлюм»,— Касюм икилэ нәмәсл па Пүпиел кешийн щи лонщумсалэ.

— Аю-аю! Кәши, кәши,— Пүпие еңал,— муя наң, вой велты хэ Касюм, ма юхи хашум сахем вүты нумас версан?

Пүпи пухие үвтас па сәр вәнт-мур вәнт кута щи навәрмас.

Тал хуват Пүпи пухие вәнт хуват щи шәшийлас. Шоварлэ иты юх кар пурас, вонщумут каншас, кушар сопаса верантум нохар сәмәт вәйтийс, дедлы хаш халас.

Вой велты хэ тал мар кәр пүнәлн омсас, Пүпи пухалн кұрңал шүкатсайңан.

Щиты щи Комполән верум верн вой велты хэ па Пүпи пухие лык тәлңан там йисн. Пүпие талн ант ул, хәннәхә кашл нүрл юхлы вүты пата, хотд шүкатум пата. Вой велты хэ Пүпи вухалтал па щи пойкал.

Мет нумсаң әх луплат:

— Щимаш арт юхатл, сыри вәл-дум щирәвн велты питлүв. Пүпие па яй ики йил, нохар юх яа йил, сүмәт—упия. Лыкен ки самен эвэлт вошитлән, питы лотые наң лыпенән ки ант хашл.

дом мой разорил, сейчас, наверное, раздевать меня начнёт. Но я ему не дамся!

Он вылез из берлоги и притаился за могучей елью.

— О-о-о! Брат мой старший, к тебе иду!— крикнул охотник.

А Медведю сквозь завыванье ветра слышалось:

— Что-о, страшно? Иду, иду!

— Иди, иди, я тебя встречу!

И только охотник показался, Медведь бросился на него, сбил с ног и разинул горячую пасть.

«Правду мне бурундук говорил. Съесть меня захотел старший брат»,— лихорадочно подумал охотник и ударил его ножом в грудь.

— Аю-аю! Больно... больно мне,— простонал Медведь,— почему ты, Касюм, с меня последнюю шкуру содрать решил?

Зарычал, зарыдал Медведь и, зализывая рану, помчался прочь.

Всю зиму бродил-шатался Медведь по лесу. Как заяц, кору с деревьев обглаживал, занесённые снегом ягоды доставал, у бурундуков орешки отнимал, но всё равно чуть не умер с голоду.

И охотник всю зиму у печки просидел: переломал ему Медведь ноги.

Так Болотный Дух Комполән навеки поссорил охотника и Медведя. Не спит зимою Медведь-шатун, ищет человека, чтобы отомстить ему за разрушенный дом. А охотник, убив Медведя, просит у него прощения, за то, что убил нечаянно.

Но самые мудрые из народа манси говорят:

— Настанет снова такое время: Медведь опять будет братом, и Кедр будет братом, а Берёза — сестрой. Оно настанет тогда, когда каждый навсегда изгонит из своего сердца злобу.

УРГУНЧЭ ПА КУКЭКИ

Эвенки ёх мош

Кат пух вэснән — холсаңан. Яйл нэм Ургунчэ, вой вэлты хэ. Алан кинца алан манл, ата йиты кемн юхи юхтыйл. Велпас такды юхи ант юхтыйл. Эр па каркам Ургунчэ, похатур хурасуп. Апшел нэм Кукэки, юдн тутьюх сэварл, йиңк алдьял, пут каварл.

Илатн яйл велпаслаты манас, апшел юдн хашас. Юдн шай пүтл нык эхтас. Имудтыйн камн имет турсый сащты питсат. Ким аңкартас: хэлум хурасан эви. Ин эвет иншас-лэл:

— Хэн яйн велпаса манас?

— Алан манас, хувн велпас-дал, — Кукэки лупас.

— Я, нан эпатлан нух күшлэв, — эвет луплат.

— Куншадн, — пухие амтас па хота вохсалэ.

Эвет юхи дүңсат, рат пуңда омас-сат па инт-итн пухие эптат күшты питсат хураман куншупн.

Ши мурта ям, рат хонан хошум па Кукэки ил хаш вуюмла.

Эвет репатаел етшум кем, долюм-сат па ким ши етмасат.

Кукэки нух навармас, дыв юпелн ким етмас па вантл: эвет щел-вух тухадн етумат па ел ши пер-далат.

УРГУНЧЭ И КУКЭКИ

Эвенкийская сказка

Жили два брата — Ургунчэ и Кукэки. Старший, Ургунчэ, охотником был. Уходил рано утром, а возвращался поздно вечером. Без добычи домой никогда не приходил. Сильным и ловким был Ургунчэ, настоящий богатырь. Младший, Кукэки, дома хохляничал.

Однажды Ургунчэ как всегда ушел на охоту, а Кукэки дома остался. Сидя в чуме*, Кукэки кипятил чай. Вдруг слышит на улице женские голоса. Выглянул, видит: три прекрасные девушки. Спрашивают красавицы Кукэки:

— Когда брат на охоту ушел?

— Рано утром. Давно, однако, охотится, — отвечает Кукэки.

— Давай мы расчешем тебе волосы, — говорят девушки.

— Расчешите, — обрадовался парень и пригласил их в чум.

Девушки расположились у очага и по очереди стали расчесывать ему волосы красивыми гребешками.

Понравилось это Кукэки, пригрелся он у огня, совсем разомлел.

А девушки, закончив работу, быстро встали и вышли.

Кукэки опомнился, выбежал вслед за ними и увидел: девушки улетают на серебряных крыльях.

Етн яйл велпӓс эвӓлт юхтӓс, вӱ-
рӓс вӱды велмал. Омӓсл, шай ящд.
Вантл: апщел ӓптӓт щи хураспия
кӱшман.

— Муй нӓн ма таклӓма вӓрсӓн?
Муя па нӓн ӓптӓдӓн щи мурт хура-
мӓнӓ йисӓт?

— Юх карн кӱшсӓм,— Кукӓки
лупӓл.— Щирн щи щимщӓт.

— Э-э-э! — яйл тӓп лупийс.

Алӓн яйл па щи вӓнта мӓнӓс.
Хӓлум вӱрӓс велӓс, етн юхи юхтӓс.
Вантл: апщел ӓптӓт яма кӱншумӓт,
ӓпт лӓриет иса тӱнӓ и пӱндӓ пуну-
мӓт.

Алӓн яйл нух килӓс, юх кар вӱс
па ӓплӓл кӱшты питӓс — нӓмудты
ӓнт тывӓл.

Апщела лупӓл:

— Кукӓки, ма вӓлман ӓптӓдӓн
кӱншалн!

Апщел ӓптӓдӓл кушты питсӓлӓ
ищи нӓмудты ӓнт тывӓл.

— Муя лӓпӓлтыйлӓн? — яйлӓн
инщӓсла.— Путӓртӓ манӓм!

Кукӓки лупӓс, хуты хӓтлӓлн лӱв
хуцела хӓлум эви юхтыйлӓт па
ӓптӓдӓл кӱшлӓит.

— Хӓлӓвӓт па щи юхӓтлӓт,—
апщел лупӓл.

Алӓн яйл лупӓл:

— Ма ин мӓнлум вӓнта па щӓта
вӱлем йирлӓм. Щӓлта юхи юхӓтлум
па хот пӱндӓ хӓнӓмӓлум. Мӓнӓтӓлты
тӱнӓн лӓп пунӓ. Ӕвет юхӓтлӓт,
лупа: «Хӱвн мӓнӓс, алӓн хӓнлӓн».

Щиты вӓрсӓнӓн. Ургунчӓ юхи
юхтӓс, хӓнӓмӓс хот пӱнӓлн па лӓ-
вӓл.

Хӓлум эви па щи латумсӓт, Кукӓ-
ки инщӓссӓл, хӱвн муй мӓнӓс яйл,
щӓлта тухӓлӓл хулт вӱсӓт па хота
щи лунсӓт.

Ургунчӓ нух долӓс, кутуп эвел
тухӓлӓн хулт хӓнӓтсӓлӓ па щи хӓ-
нӓмӓс.

Ӕвет Кукӓки ӓптӓт кушсӓл па хот

Вечером вернулся с охоты Ур-
гунчӓ, принӓс дикого оленя. Сидит
чай пӓт. Смотрит: у Кукӓки очень
хорошо расчӓсаны волосы.

— Что тут без меня делал? По-
чему у тебя волосы такие гладкие
и красивые?

— Древесной корой чесал, од-
нако,— говорит Кукӓки.

— Э-э-э! — только и сказал Ур-
гунчӓ.

Рано утром старший брат опять
на охоту пошӓл. Добыв трӓх диких
олений, вечером домой возвратился.
Смотрит: у младшего снова волосы
хорошо расчӓсаны.

Утром встали, попробовал Ургун-
чӓ свои волосы расчесать древеси-
ной корой — ничего не получается.

Говорит он брату:

— Ну, Кукӓки, при мне свои
волосы корой расчеши!

Стал Кукӓки расчӓсывать, тоже
не получается.

— Почему правды не гово-
ришь? — спрашивает старший брат.—
Расскажи мне всӓ, или я накажу тебя
за обман!

Кукӓки рассказал.

Утром Ургунчӓ говорит:

— Я сейчас пойду в тайгу и
привяжу там своего верхового оленя.
Потом сразу вернусь и спрячусь
возле чума. Ты меня сверху мхом
забросай. Когда девушки прилетят
и спросят обо мне, скажи: «Давно
ушӓл, на рассвете».

Так и сделали. Ургунчӓ вернулся,
спрятался возле чума, ждӓт.

Вот прилетели три девушки,
спросили Кукӓки, давно ли Ургунчӓ
на охоту ушӓл, потом сняли крылья
и в чум вошли.

Ургунчӓ вылез и своего укрытия,
спрятал серебряные крылья средней
сестры и снова мхом укрылся.

Вот девушки расчесали Кукӓки

эвэлт ким етсат. Термадалат, Ургунчэ ал юхатл. Кат неңнал тухалдан адемәсән, ел пәрлемәсән. Хәлмит неңл тухалнал кашман ши хәсәс.

Ургунчэ нух дояс, тункдал пәркатас па эвия лупас:

— Ма наң тухалналдан ханятсадам. Интам наң тата вәлты питлан.

Щиты ши Ургунчэ имеңа йис. Ин эви хотан неңа йис. Щел вух тулахнал икелн партса апщела шавиты.

— Там тухалнан ки маллан, и нюхи пұлн ант малем дедлы омәсман сурма йилан,— апщела Ургунчэ лупас.

Илати Ургунчэ велпаса манас. Хув тахийн хутты янхас. Кукәки аньхел пида юлн хәсәән.

Ин не Кукәки иншәсл:

— Муйн наңен кавартты? Муй наңен мет мосл?

— Вұлы сам каварта! — Кукәки лупал.

Ин не тадаң пұт самат эвэлт кавартас. Кукәки дәс ямас, олма йис. Ин не тухалнал вұс па ши пәрлемас.

Яйл юхтас, вантл, имел антәм, апщел иншәсл:

— Хута имәм?

— Ан вәдем. Вұлы сам кавартас, ма дәсум па ил ши вуюмсаюм. Ма улмәм мәр, алпа, хулт пәда манас.

Ургунчэ мутшәслә: имел тухлат антәмат, алпа, ши пәрләс.

Апщел хайсалә па имел кашты ши манас.

Хув манас, ван манас. Вән юрн хот омәсл. Юхи луңас. Рат хонаңн пираш ими омәсл. Похатұр шувалумал кем, нух торатыйс па лупас:

— Ши пакнуптәсен манат хуты! Ма хуят ант давәлсум.

Мой хәйл дәпатсәлә, шайн ящәл-

волосы и вышли из чума. Спешат, чтобы Ургунчэ не увидел их. Две сестры взяли свои крылья и улетели, а третья возле чума осталась крылья искать.

Ургунчэ встал, стряхнул с себя мох и сказал девушке:

— Это я спрятал твои крылья. Теперь ты здесь жить будешь.

Так Ургунчэ женился. Стала девушка в чуме хозяйкой. А крылья её серебряные Ургунчэ приказал хранить Кукәки.

— Если отдашь крылья, ни кусочка мяса не получишь. Голодной смертью умрешь,— сказал он.

Однажды Ургунчэ как всегда отправился на охоту. Далеко от дома охотился. Кукәки с женой старшего брата дома остались.

— Что тебе сварить? Что больше всего любишь? — спрашивает она.

— Свари сердце оленя,— говорит Кукәки.

Женщина сварила полный котёл оленьих сердец. Кукәки наелся и не заметил, как его сморил сон. Женщина убедилась, что Кукәки спит, взяла свои крылья и улетела.

Вернулся Ургунчэ с охоты и спрашивает брата:

— Где моя жена?

— Не знаю. Она сварила много оленьих сердец, я наелся и уснул. Пока я спал, она куда-то ушла.

Ургунчэ посмотрел: крыльев жены нигде нет, и понял, что она улетела. Оставил он брата и пошёл искать свою жену.

Идёт он, идёт и видит большой чум. Вошёл в него. У очага сидела старуха. Увидев богатыря, она вздрогнула и сказала:

— Как ты меня напугал! Я никого не ждала.

Однако встретила гостя как полагается. Сначала накормила,

таслэ, щалта велши инщасты питсэлэ:

— Хулща па хулта манлан?

— Имем кашлум,— Ургунчэ лупал.

Ургунчэ путартсалэ, хуты хелум эви апщел эптат кушты юхтыйлсат, хуты лув кутуп эвел имия таслэ па муй щирн лув эвалтэла манас.

— Лупа, муй щирн луватты вейты? — Ургунчэ лупал.

Пирац имийн шайн пунса, па ин ими лупал:

— Ма эшен альдем, эшл вера даварт. Ар хуят щивелт янхас, ин хута велдят. Наң па манлан?

— Эшен але! — Ургунчэ лупал.

— Ма хотем тум пелакн курак вэл. Ин вой ши луват, хатл лап сайдал. Немхуят — ханнехэ ат вэс муй па тухлан вой — куран вой — лув мухтеда ант эсалдалэ. Щалта елды юхан хонаң хуват мана, караш кев вүра юхаттэн вента. Ши караш кев вүр кат пүпиенан давалда. Иши немхуят ант эсалданан. Вератлан ки кев вүра нух хәнха. Төп нэмман тае: шеңк караш па вулак. Нух ки хәнхлан, кат вүды пурты вой шүвалалан. Ин утһан эш пүңалн омасланан, иши немхуят ант эсалданан. Манты вератлан ки, ши эшен хуват мана. Щата шувалалэн, муй кашлан.

— Хутыса ма щимащ пант мандем? — Ургунчэ инщасл.

— Хуты верты, ма наңен нётдем. Наң иши эрэн-нумсэн пуна, — ин ими лупал.

— Щиты манлан. Куркэн мухты мантэнан соса ювема. Лощ илпийн манема. Щалта ханнехэ хурэна вераса. Караш кев вүр шүвалатэнан, ям пелак пела аңкарта. Щата вүрас-вулэт шэшилалат. Кат вүлэл велалн, пүпи пухена вуцкалн. Лүтлалн ки,

чаем напоила и только после этого стала расспрашивать:

— Откуда и куда идёшь?

— Жену свою ищу,— говорит Ургунчэ.

Он рассказал, как три девушки прилетали расчёсывать волосы его брату, как он женился на средней из сестёр и как она улетела.

— Скажи, как мне найти её,— просит Ургунчэ.

— Я укажу тебе дорогу, но не так-то просто пройти по ней. Многие до тебя пытались, но все погибли. Пойдёшь ли?

— Показывай дорогу!

— Вон там за моим чумом живёт орёл. Он такой огромный, что закрывает собой солнце. Никого — ни человека, ни зверя, ни птицу — он через свои владенья не пропускает. Если сможешь пройти, найди реку. Дальше иди вдоль реки, пока не увидишь огромную скалу. Скалу эту охраняют два медведя. Никого не подпускают. Если сумеешь пройти, влезь на скалу. Но знай: она очень высокая и гладкая. Если сможешь влезть на скалу, увидишь двух волков. Они сидят на дороге и никого не пропускают. Если сумеешь миновать волков, иди по этой дороге и увидишь то, что ищешь.

— Как же я пройду таким путём? — спрашивает Ургунчэ.

— Так и быть, помогу я тебе. Но и сам не плошай: покажи свою силу, ловкость и смекалку,— говорит старуха.— А пройдёшь так. Орла, закрывающего собой солнце, минуешь, обернувшись горностаем. Проскочишь мимо него под снегом. Снова человеком станешь. Когда скалу увидишь, посмотри направо. Там пасутся дикие олени. Двух убей и брось медведям. Если проскочишь, влезь на скалу. Вот тебе гребень.

кев вўра хәңха. Там кўншуп нухды вущкә па лупа: «Хәнтәпа юва!» Кўшпән хәнтәпа щи йил. Кев вўра хәңхлан, кәт вўды пурты вой. Пува пеләка аңкарта. Щәта вәнт ошәт яхләт. Кәт ош веда, вўды пурты войңаләна вущкә. Лутләлән ки, тўна мана.

Похатўр имел имия пемащипа лупас, па ям вәлүм вәрәс па щи манас.

Хўв муй ван манас, вантл: вән тухлән вой омәсл. Щи луват щи: хәтл ләп сайдал. Имел имет ясәт нәмәлмәслә па нәмәсийл: «Соса ки ювематы!» Тәп щиты нәмәлмәс, мухты щи нуви сосыева ювемас, лоц илпия лунемас па курак омсум тахи эвәлт хўвн нух етас. Курак ант мутшаслә.

Ургунчә еллы манл. Вантл: юхан увл. Юхан хонән хўват ув шәшн манл. Кәращ кев вўра юхәтмал кәмн вантыйл: щи арат лўви кәр. Ар хуят тыв щи юхтыйлмал. Щи мурта пўпиеданән щи лавәллә кев вўр. Ям пеләк пелә аңкартас хуты имел имийн вәнлтәса,—яна щи: вўрас вўдәт шәшиләләт. Вана ломәсәс, кәт вўды велас па кәт пўпия щи ювәтсәлә. Пўпеңән вўды нюхи епәлә тулумсаңән, лўв щи мәр дын мухтана щи пўтләмәс. Кәращ кев вўра юхтас. Нух хәңхты вўтцийс, па хута лодь: щимәщ вулак па кәращ. Кушпәл әләмәс, нухды ювәтсәлә па лупас:

— Хәнтәпа юва!

Ин кўншуп ищи мухты хәнтәпа щи ювемас. Ургунчә нух хәңхас па еллы щи манас. Хўв муй ван манас, кәт вўды пурты вой шўваләс. Пува пеләк пелә аңкартас: ошәт шәшиләләт. Ошәт хуца ломәсәс, кәтн велас па лелды вәлүм войңана щи вущкәслә. Войңән ошән катлман мәр, ин хә дын мухтәна щи манас.

Как подойдешь к скале, подбрось его вверх и скажи: «Стань лестницей!» Гребень станет лестницей. Влезешь на скалу и увидишь на дороге двух волков. Посмотри налево. Там пасутся дикие козы. Двух убей и брось волкам. Если проскочишь, иди прямо по дороге.

Поблагодарил богатырь старуху, попрощался и пошел.

Идет, идет Ургунчә и видит: сидит огромная птица, настолько большая, что закрывает собой солнце. Вспомнил Ургунчә слова старухи и подумал: «Стать бы мне горностаем!» Не успел так подумать, как превратился в маленького белого зверька, нырнул под снег и вылез далеко от того места, где сидел орел.

Идет Ургунчә дальше. Смотрит: течет река. Пошел вдоль реки по течению. Подходя к скале, разглядел множество человеческих костей. Видно, никто не смог миновать скалу, охраняемую медведями. Посмотрел направо, как старуха учила,—и правда там пасутся дикие олени. Подкрался к стаду, убил двух оленей и бросил одновременно двум медведям. Пока медведи ловили оленей, Ургунчә проскочил мимо них и дальше пошел. Вот добрался до высокой скалы. Хотел влезть на нее, да не смог: такая она гладкая и скользкая. Вспомнил про гребень, подбросил его вверх и сказал:

— Стань лестницей!

Гребень тут же превратился в лестницу. Ургунчә залез на скалу и отправился дальше. Идет, идет и видит двух волков. Сидят волки голодные, цепями гремят. Посмотрел Ургунчә налево: дикие козы пасутся. Подкрался к стаду, убил двух коз и бросил одновременно обоим волкам. Пока волки ловили коз, Ургунчә проскочил между ними.

Хув манас, ван манас, караш
репа юхтас. Реп ух патын хот
омасл.

Реп ух патыа нух хәңхас, хот
хуца сашлат:

— Юва, юва, Ургунчә похатүр!
Әрлумн арталалман!

Ургунчә юхлы лупал:

— Ким ета, ешак хуят!

Хот эвалт ими ким ета, апатдал
шеңк хуват. Мулты, таңха, лес,
ешлан лув шеп тайл, ханнехә лув,
ин лувал шепман долъ.

Ургунчә лув хуцела навармас,
катлумсалә па юха йирсалә апатдал
эвалт. Щалта юхи лунас.

Хотн имел вейтсалә па лув ай
эвел. Китумтак ил йирумнан. Ин
имийн упел вонцум, дынана питты
щи вутцийлмал.

Ургунчә имел ай эвел пида юхи
тәслә. Шепан имел йирман хай-
салә.

Юлн апщел Кукәки ай эвийн ом-
салсалә. Лыв юрнхотәл ипуналн.

Кукәки ищи велпаслаты питас.
Няврёмат тайсат, хиләңа йисат.
Щиты щи вәсат-ходсат тамхатл
вэнта.

Идёт и идёт по дороге. Вот подо-
шёл к высокой горе. На горе дом
стоит. Поднялся Ургунчә на гору,
слышит из дома голос:

— Иди, иди сюда, богатырь Ур-
гунчә! Померяемся силами!

— Ну, выходи сюда, кто б ты ни
был! — отвечает Ургунчә.

Из дома вышла женщина с очень
длинными волосами. Видно, она ела:
в руках женщина держала чело-
веческую кость.

Увидев это, Ургунчә одним прыж-
ком подскочил к ней, схватил и при-
вязал волосами к дереву.

В доме он нашёл свою жену и
её младшую сестру. Обе они были
связаны. Колдунья уже съела их
старшую сестру, собиралась съесть
и их. Ургунчә освободил женщин, и
они вместе отправились в путь.

Придя домой, Ургунчә женил
своего брата Кукәки на младшей
девушке. Их чум рядом поставили.

Так и жили две семьи соседями.
Дружно и счастливо жили. Дети у
них были, а потом внуки родились,
а у внуков — свои внуки. Говорят,
эти внуки и теперь живут.

УРГУН

Нивхи ёх мощ

Амур ас щорса питты тахийн нивхи ёх кэрт вэс. Пухие Ургун ван-кўтлы щорас хонаңн омасыйс. Лўв немл «Ургун», ханты щирн ки лупты — щит «ям». Апалнғңл Умлак (ханты щирн «дыкаң») щорас педкашлы па иса юдн омасл.

Илатн, Ургун ай вэлмалн етн щорас хонға хэхлас па щалта холдуман юхтас. Лўв вантсэлэ, хуты хатл илшак-илшак хатас, па щорас лыпия щи еслащас. Лўв щатщасел эвалт хэлляслэ щорас йиңк нғние Толызн — хатл юхи лавантл. Алан хатл па щи тэрум хуца етал, яма лэрийл. Ай пухие щи юпийн па ант холлас хатл щорса омастыйн.

Ургун па Умлак вэлум ай пура хўв хэн вэс. Кэртаң ёх вэн шэкапитсат, мирл антэма йисат. Кат няврэм шэкащты хашсаңан. Яйл вэнт вой каншас, йиңк хўл велас, щорас вой велпаслас. Ай эвел вонщумат вонщас, лэты турн сэхтас, тунты хурас и йиңлат, сэнат, кўшмат ёнтас, хот лыпи верн вэс. Щиты щи вэсңан, вэна йисңан.

Ургун щорас ищиты щи самаңа тайсалэ. Хуты кэпи вева ант йил, етн щорас хонға юхатл па карашкев ават нюдн омасл. Щорас хумпат лғмписат, вэн кари хурасуп белукаит юнтсат вўрты хатл щорса еслащийлас.

Нэмдалэ, хуты шакль (тюлень) Алгалак (ханты щирн «ханшаң») Ургун лғпи вэцийл. Алгалак щи мурта щи хурасан, ухийел ал щи ву-

ВЕРНЫЙ УРГУН

Нивхская сказка

У самого устья великого Амура расположилось небольшое нивхское селение. Мальчик Ургун, что по-нивхски означает «хороший», любил сидеть на берегу сурового, но прекрасного моря. Сестрёнка его, Умлак, что означает «сердитая», моря не любила.

Однажды вечером Ургун вернулся домой, безутешно рыдая. Он видел, как солнце, спускаясь всё ниже и ниже, исчезло в море, а от бабушки он слышал, что морская косатка Тол ызн — Хозяин воды — пожирает солнце. Но утром солнце опять появилось на небе как ни в чём не бывало, и Ургун больше не плакал, когда оно погружалось в море.

Недолго продолжалось беззаботное детство Ургуна и Умлак. Страшная болезнь посетила селение и унесла всех его жителей. Остались только двое детей-сирот. Брат ловил рыбу, охотился, добывал морского зверя. Сестра собирала ягоды, съедобные травы, заготавливала берёсту и делала из неё посуду, вела всё домашнее хозяйство. Шло время, брат и сестра стали взрослыми.

Ургун по-прежнему любил море. Как ни уставал он за день тяжёлого труда, вечер непременно проводил на берегу моря. Морские волны разбивались у его ног, обдавая его пеной, в прозрачной воде резвились белухи, играли тюлени.

Он помнит, как маленькая нерпа Алгалак, что значит «пятнистая», проплыла совсем близко от него,

дийл, ента сѣмуп. Иса вана-вана йис, щадта вўты йис. Ургун вантл, щит шакль иса антѣ — щит хурасан эвие. Лўн вѣйтантылты питсаңан щорас хонаңн. Хятл хўват хурасан неңиел олаңн нѣмасас, етна тѣп йил нык щи манл. Алгалак ищи хўв вѣлты щорас пѣхар эвалт Ургун пухие хуца термалл.

Ям нумасн Ургун юхи юхатл, апалнеңл тѣп лўв пѣлѣда вантыйл. Ин пухие лѣты омасл, ант вѣллѣ, муй лѣл, апалнеңл путар ант хѣллўлѣ. Умлак лыкн щи юхатса. Лўвсар вѣйтлѣлѣ, хойн Ургун самл вўсы.

Илатн яйл манум кемн Умлак яйл сухат лѣмтас, вѣн картан тыюп нѣл вўс па щорас хонѣа манас. Хўв муй ван омсас караш кев пўңалн. Имудтыйн етна йиты щи питас, яйл юхи щи юхатл па щаха щорас хонѣа щи шѣшмал. Юхи манты мосл. Нух щи доляс ипуш па ныклы аңкартас. Я-я-я, щи хурасуп ханшаң шаклие лўв хуцѣла вѣщл. Умлак вѣн нѣлѣл юватсалѣ па кѣлѣлн вана щи таллѣлѣ. Ин утѣан щи таласты питсаңан: итл — вўты, итл — нык. Умлак вўты хаш талса, тѣп кѣлѣл шѣпи тохнемас па Алгалак калы щурѣалман ныклы щи вѣщас.

Умлак сухлал иса йиңкан пушсаит, юхи щи терматыйс. Яйл сухат нух эхатсалѣ, вѣн нѣлѣл лупаса тѣслѣ па хот суртлал вѣрты щи питас. Ёшавѣс яйл юхтас. Пушканлал лупаса пунмалн шўвалѣслѣ, вѣн нѣлѣл кѣлѣт шѣпи тохмел па карты тыйл антѣм. Юхи луңмалн па лўв лѣматсухл йиңкең па рат пуңалн соралты эхтумат.

— Муя ма сухлам йиңкет? — апалнеңл ищмас.

— Инмѣнты ерта ювантас, наң сухлан пушсаит, — Умлак сѣмл ил есалман лупас.

потом вышла из воды, и Ургун увидел, что это не нерпа, а прелестная девушка. Они стали встречаться на берегу и полюбили друг друга.

Радостный, счастливый возвращался вечером Ургун домой. Ревность и леденящий страх одиночества теснят грудь Умлак. Но она не сдастся так легко! Она постоит за себя. Она найдѣт того, кто околдовал Ургуна, будет бороться, разрушит злые чары и вернѣт себе брата.

Однажды, когда Ургун ушѣл в тайгу на охоту, Умлак надела его одежду, взяла его гарпун, пошла на берег моря и села. Погода тихая, солнечная.

Приближался час, когда Ургун приходил с охоты. И тут она увидѣла маленькую пятнистую нерпу. Умлак метнула в неѣ гарпун и подтянула ремешок к себе. Нерпочка не ожидала коварного предательства, и остриѣ гарпуна глубоко вонзилось в еѣ тело. Всеми силами пыталась нерпа уйти в глубину. Началась отчаянная, нервная борьба. Постепенно стало ясно, что перевес на стороне Умлак. Алгалак теряла силы вместе с кровью. Но вдруг ремешок гарпуна оборвался. Маленькая нерпа камнем упала в воду и уплыла прочь.

Умлак, вся промокшая, держа в руках древко гарпуна с обрывком ремешка, поспешила домой. Одежду брата она развесила над очагом для просушки, гарпун отнесла в лабаз* и занялась домашними делами, как будто никуда не отлучалась. Вскоре возвратился с охоты брат. Убирая в лабаз добычу и оружие, он нашѣл там свой гарпун с оборванным ремешком и без костяного наконечника, а войдя в дом, увидѣл свою одежду, сохнувшую над огнѣм.

— Почему моя одежда мок-

Ургун мутшаслэ, апалнеңл мул-
ты нур ши верас. Сора-сора нык
манас ищи тахеда. Вантл, хуятңан
тата кулащман.

Куш вантл щорас пёда, ин хура-
саң Алгалакл иса антэм. Имултыйн
щорас патыин мултэңан ши етса-
ңан, вэна йисңан, вана юхатсаңан.
Ши эвалт щит Алгалак яйңан. Ин
утңан путартсаңан, хуты Умлак дын
упан машмалтас. Дын тыв юхатса-
ңан ям турн сэхатты, упан ямал-
тыя.

Ургун пасты актас вадьюх лыпāt
па нув, хэл дёпсāt, яха йирсālэ,
лынана ши маслэ.

Атэлт хашас, Ургун сащн юхātса,
юхи манты щирл антэ. Дув Алга-
лакл пунālн тәп нумсāl яма йил.
Щиты тәп нәмәлмас дув пунлала
тохтаң датас.

— Ма әхтема дёда ма наңāt
тәлём,— тохтаң лупāl.

Ши хуремасы тухлаң войн. Алга-
лак вэлты мува сора хән юхātлән,
муй войн па ант тәсы щив.

— Там Алгалак вэлты мув,
там әшен хуват мана,— нётты утл
лупāl.

Вәнт әш хуват шәшмас. Мантал
саты и ики вәйтас. Щитл путартл:
«Алгалак лылāl тәп вәл!» Ши ики
сух дәмтас, тутьюх нып алмас па
Алгалак хота манас. Хот пунālн
тутьюх лоңхатас, юхи луңалсālэ
па нури олңа омсас.

Хотн Йиңк хон па Вәнт хон щарт-
лаңан.

Ургун ещālт Алгалак ащи омасл.
Дув вән йиңк хон, мутрайң, ухл ну-
вия ювмал, хулат рәтмалты хуят,
хәннехәя хул мийлјаты хуят.

Ин йиңк хон шумаль, дув атэлт
әвел машмалса.

Ургун дётут вохас, лапātса. Щāl-
та тумранлјаты питас. Алгалак ат
хәлдālэ: дув юхатмал. Щālта лу-
пас:

рая? — спросил он сестру.

— Недавно шёл дождь из боль-
шой тучи, и твоя одежда промокла, —
ответила Умлак нетвёрдым голосом.

Предчувствуя беду, поспешил
Ургун на берег. Его тревога усили-
лась, когда он увидел следы борьбы.

Тщетно оглядывал Ургун море.
Но вот на горизонте появились две
точки и начали расти, приближаясь.
Они подплыли к берегу, и Ургун
увидел, что это нерпы-бельки, братья
Алгалак. Бельки рассказали Ургуну,
как Умлак ранила гарпуном их
сестру и как страдает сейчас бедная
Алгалак. Они приплыли за целеб-
ными травами для неё. Ургун быстро
собрал травы и отдал братьям Ал-
галак.

Но, оставшись один, Ургун по-
чувствовал, что должен быть около
страдающей Алгалак. В тот же миг
возле Ургуна садится птица гагара.

— Садись на меня, я отвезу
тебя,— говорит она Ургуну.

Стрелой полетела гагара с Ур-
гуном навстречу ветру. Когда добра-
лись до острова, Ургун пересел на
дельфина. Вскоре дельфин сказал:

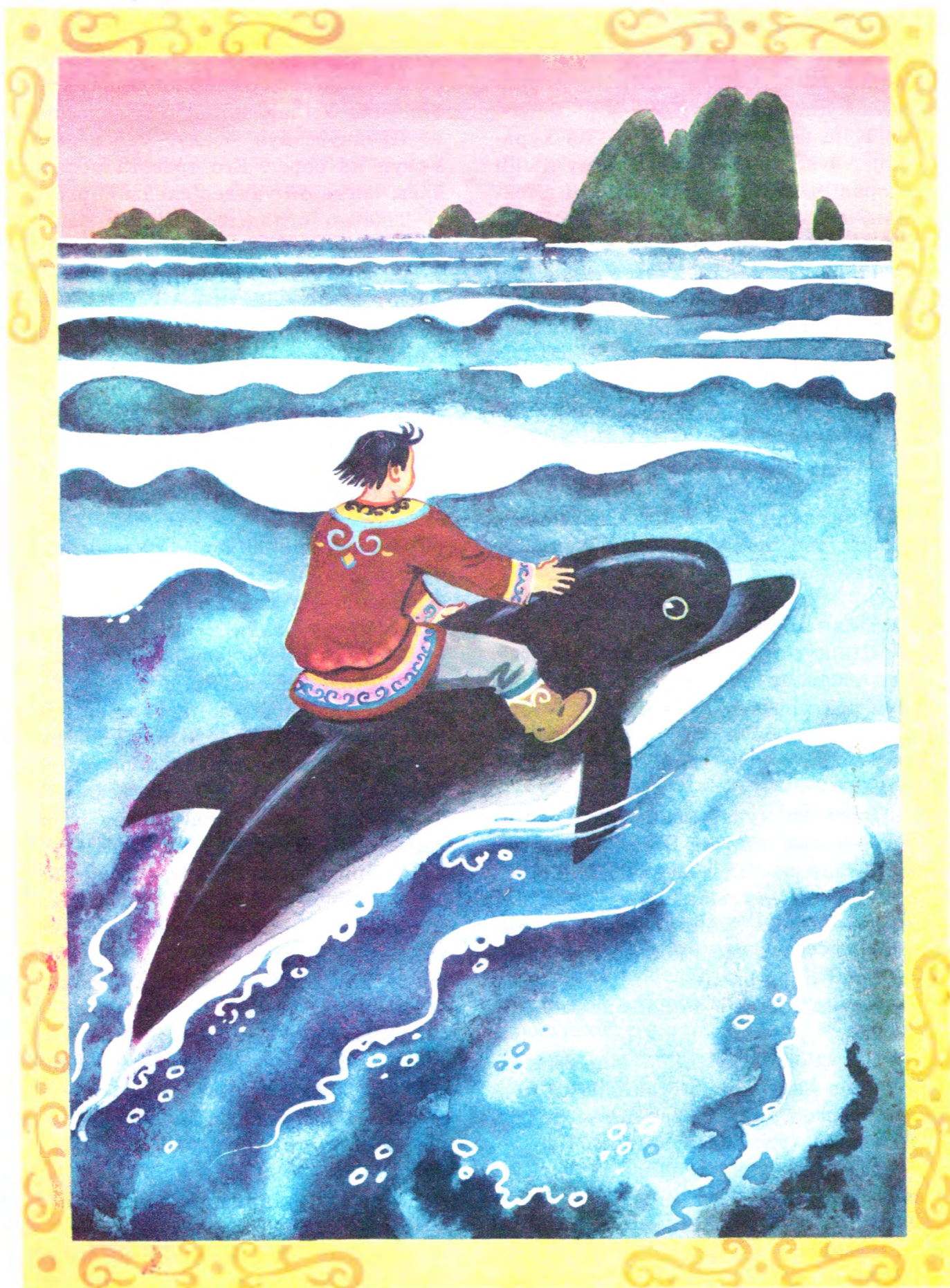
— Вот земля, где живёт твоя
Алгалак. — И исчез у глубине.

А Ургун пошёл по тропинке че-
рез густой лес. В чаще он встретил
старика и обменялся с ним одеждой.
Под видом работника незаметно про-
ник в дом отца Алгалак и скромно
уселся на краю нар. В доме шаман*
Хозяина воды и шаман Хозяина
тайги камлали* по очереди, чтобы
вылечить больную Алгалак.

Перед Ургуном сидел отец Алга-
лак — могучий властелин моря Как
хемар.

Сидя на нарах с поджатыми
ногами, Как хемар глубоко задум-
мался, и на лице его — безысходная
печаль, потому что больна его лю-
бимая единственная дочь.

— Щартан ёх! Ма щартыйдум-сар, ма еман арат арилум! Куйп манем миятн!

Ургун куйп вус, рат хонаҥн хош-малсадэ, щалта вэн дыдан ладмас па увтас:

— Хы хау! Эвиен куртыя, ёштыя ат питас!

Ургун арл армас.

Арл ешақ хурасаң Алгалак неңл олаңн:

Алгалак! Алгалак! Алгалак!

Ыйе! Ыйе! Ыйе!

Наң олҗенан нэмасман,

Наң олҗенан нэмасман

вева щидэ ювантмем!

Наң олҗенан нэмасман,

Наң олҗенан нэмасман

олмем ант па ювантмал!

Иса ёшдам нух вантмем,

Иса пантдам нух вантмем!

Нухды вантмем пурайн,

Илды вантмем пурайн!

Ыйе! Ыйе! Ыйе!

Ин пухие куйпал пида щи арийл, хуты лувел эвие мосл, хуты лув таклада вэлты щирл антэ. Алгалак хэлантас, хэлантас, сэмл ал щи путыйл Ургун турсый хэлталн. Щи мурта сэмл щи пүтыйс, ин карты нёл тый мешл эвалт ким щи ракнас па мешл семат вантман яма йиты щи питас. Ин эвие яма щи йис.

Ииңк хон эви па Ургун яха ман-саңан па ащел хотн вэлты питсаңан.

Ургун апалнеңл атэлт хәщас.

Хува йис там вер вэдум вүш эвалт. Тәп нивхет щорас хул вэлты мантэл елпийн Ургун олаңн нәмәсыйдлат.

Ургун начал играть на варгане* мелодию, знакомую Алгалак по их встречам. Так он дал ей знать о своём присутствии. Затем сказал:

— Шаманы! Позвольте мне покамлать! Дайте мне ваш бубун!

Он взял бубен и стал греть его над огнём, чтобы громче звучал. Как хемар привстал от удивления, но затем вздохнул и произнёс:

— Хы хау! Пусть наш слуга попытается вылечить нашу дочь!

И Ургун запел песню о своей любви к прекрасной девушке-нерпе:

Алгалак! Алгалак! Алгалак!

Ыйё! Ыйё! Ыйё!

Думая о тебе, устал,

Думая о тебе, устал!

Думая о тебе, ночами не спал,

Думая о тебе, ночами не спал!

Думая о тебе, шёл,

Думая о тебе, шёл!

Все дороги осмотрел,

Все дороги осмотрел!

И вверх смотрел,

И вниз смотрел!

Ыйё! Ыйё! Ыйё...

Юноша пел под звуки бубна, вкладывая в пение всю свою страсть, всё своё чувство к девушке. Алгалак слушала его. Её глубоко взволновала песня любимого — и костяной наколеник выпал из раны, и рана начала затягиваться. В скором времени рана совсем зажила, и Алгалак выздоровела.

Счастливые Алгалак и Ургун поженились и стали жить в доме владыки моря.

Сестра Ургуна осталась одна.

Много времени прошло с тех пор, но и теперь, выходя в море, нивхи вспоминают эту историю.

ВҮЛЫ-СОРТ

Долган ёх мощ

И хә апәднәңд пида вәс-ходәс. Яйл вұдылад лавләс, вәнт вой кәншәс, йиңк хұл веләс. Апәднәңд ләмәтсүх ёнтәс, вонщумут вонщәс, хот верәт верәс.

Иләтн сүсн яйл ил уләс. Хәтл ул, кимит хәтл, лапәт ул. Апәднәңдн нух кұритты әнт верәтлди. Муй верты?

Вұдылдал лавәлты ши питәс. И тахийн вұлэт тайты щир әнтә — вұды лант иса хуләс, йилуп тахия вұлэт вұратләт. Ин әвие касәлты ләщатыйлты питәс. Юрнхотл лосәтәс, пурмәсдал әхлә хәшәс. Вұды ташл вана вошитәс, вұды катләс, вұдыл кирәс. Па ши яйл кұритты питәс, лұв нух әнт верләл. Улты сүхл лұв илпел эвәлт сәхтәслә — яйл ишкийн потты питса па нух ши верләс. Әхлә тәп омсәс — па ши ел тувемәсы. Ин әви лұв ши анасл тәллә. Мәңл, вұды лантаң тахи кәшл. Атләң вұды пурты воит эвәлт вұдылад лавл. Щиты касәлмал мәр тала йис. Ишкия ювәнтл, вотаса ювәнтл. Иса апәднәңд вева йис. Иләтн ел питум вұдал кәшты мәнәс. Ши мурта вотаса ювемәс, ёшл ел пунл — луйдал әнт кәлләт. Ишкийн ши певла. Вотн ил хәш павла. Лощ пая омсәс ел лалумты, тәп нух па әнт дояс. Ши певса.

Яйл хәлум хәтл па уләс. Нух верләс — ши мурта әрн юхтум. Вантыйл — апәднәңл әнтәм, вұдылад нәрум мұв хұват ара мәнмел. Ин хә вұдылад похла вошитты мәнәс — па апәднәңл шұваләс. Олаң хоптәл потум.

ОЛЕНЬ-ЩУКА

Долганская сказка

Жили на свете брат и сестра. Брат оленей пас, рыбу ловил, охотился. Сестра одежду шила, ягоды собирала, в чуме* хозяйничала.

Однажды осенью брат лёг спать. День спит, другой, семь дней спит. Никак его сестра разбудить не может. Что делать? Стала сестра сама оленей пасти. Но стадо на месте не удержать — олени весь ягель* съели, на новые пастбища рвутся. Решила девушка к перекочёвке готовиться. Чум разобрала, вещи в грузовые нарты сложила. Потом пригнала стадо, поймала оленей, запрягла. Стала опять брата будить, а он не просыпается. Сдёрнула девушка с него меховое одеяло — он от холода и проснулся. Но только сел на нарту* — снова заснул. Пришлось девушке самой аргиш* вести. Едет, ягельные* места ищет. Ночами от волков оленей охраняет. Пока кочевала, зима наступила. То мороз трещит, то пурга воет. Устала девушка, совсем из сил выбилась. Однажды пошла она искать отбившихся от стада оленей. Но тут такая пурга разыгралась, что руку протянешь — пальцев не видно. Мороз до косточек пробирает. Ветер с ног валит. Села она в сугроб дух перевести, да и не встала больше. Замёрзла.

А брат её проспал ещё три дня. Проснулся — чувствует в себе силу необыкновенную. Огляделся — сестры нет, стадо по тундре разбрелось. Пошёл парень собирать оленей — на сестру наткнулся. И олень её передовой замёрзший лежит.

Вән әрл ши пунас, вәнта хәхләс — тутъюх ака́тты апалнеңл хошмалтыя. Хәхләс-хәхләс, вантл вән тут пунум, тут нялмал тәрма хойл, пәсәл палңа дылдал. Рат хонаңи мулты Куль омасл, нюхи тута эхатмал.

Ин пух сус вүш эвалт нәмулты ант лавантас, ан вәратас, рат эвалт нюхи аләмас па юхи ши лавәмәслә. Ин Куль ши лыкашас, ин пух күн-шәмәты вүтцийлсәлә, тәп пухи кәпләң посн хатшасы. Куль ил рак-нас, мевләл эвалт суюлтум кев шәп ракнас — Куль сам.

Ин кев шәп шәңхсәслә — ин ут ши ләрәмас. Ләрийл-ләрийл, щив ант вудыйл. Ин пух лүв юпелн ши манас. Хүв манас, ван манас, алпа, хүва ши манас. Ин кев шәп кәрәш рәп вәнта юхтас, щив хойс, кат шәпи ши лоңхәмас.

Ин пух рәп хәла аңкәртас, щата мув кал. Ши мува манас, кев шәпл пәнан аләмәслә. Хүв манас, ван манас, вой велты хә вәйтас.

— Вуца! — пух лупал, — муй наң тата вәрдәң?

— Вуца! — ин хә лупал. — Ләпак лыслам вантлум.

— Хүвн вәлдәң? Камн хуят вәлдәтн?

— Шәңк хүвн антә! Ипуш рүт-щаты тахи вүшн — щата мүн юрнхотәв ши шувәләдәң. Ащәмн-аңкәм пила вәлдум. Мүн хуцева мандумн.

Ин пух кашашас. Вой велты хәйл әхлә ләләс, ши мансәңәң. Яна ши ипуш тәп вүлдыл рүтшәсәт. Ёшавәс юрнхот ши етас. Ампат хурәтләт.

Амп хуратты сый хәлмәсәңәң, аңкел-ащел ким етсәңәң.

— Наң хулща юхатсәң? — ин-щасла. — Нәмулты хуят тыв ант пүтдыйс.

Ин пух пүтәртсәлә, хуты тыв юх-

Что было сил побежал он к лесу — набрать хворосту, чтобы сестру отогреть. Быстрее ветра бежит он вдоль крутого берега реки. Вдруг видит впереди костёр, да такой огромный, что пламя его небо лижет, а дым с тучами слился. Сидит у костра Уродище и мясо жарит.

А парень с осени ничего не ел, не утерпел, выхватил мясо из костра и съел его. Разъярился Уродище, хотел схватить парня, но тот замахнулся и пристукнул Уродища своей камысной* рукавицей. Рухнул нечистый дух и из груди его выпал заиндевелый камень — его сердце.

Пнул парень этот камень ногой — он и покатился. Катится, катится — не останавливается. Заинтересовался парень, за ним пошёл. Идёт, идёт — далеко ушёл. Докатился камень до огромной горы. Гора такая высокая, что вершина её в небо упирается. Ударился камень о гору — а она сразу пополам раскололась.

Посмотрел парень в щель — там земля видна. Пошёл он в ту землю. Идёт, идёт — встретил охотника.

— Здравствуй, — говорит ему парень, — что здесь делаешь?

— Здравствуй, — отвечает охотник. — Ловушки на песцов проверяю.

— Далеко ли живёшь?

— Недалеко. Одну остановку в пути сделать — и чум наш увидишь. С отцом-матерью живу. Поедем ко мне в гости!

Согласился парень. Сел на нарту охотника, поехали. И правда — только один раз олени отдохали, и вскоре чум показался. Собаки залаяли.

На собачий лай старик со старухой вышли.

— Откуда ты? — спрашивают. — Никто из людей сюда ещё не приходил.

Рассказал парень, как он попал

туптыйдас; шәка питум вәрл путартас:

— Апәднәҗем певса, вўдыдам керисәт, әхдәм дощ лап тәсы. Хуты нәриты? Аңт вәдәм.

— Ләва-сәр,— хотаң хәйл лупәл,— рўтца. Щәлта лупдәм, хуты вәлты.

Хопты хурсәт. Мойң хәелн ин ут хулыева щи ләсы. Хошумса рат пўңәлн па щи вуюмса.

Хәлүм хәтл удас. Нялмит хәтл нух вәрләс — хотаң хәйл вуяң вўдәл хурас. Мойң хәйл ләс-янщас. Ин икелн пәнан нюхийн мәса, хәлүм тылащ мәр ат тәрмәл.

— Мәна муваң Вәртән кашты. Нәң шәкен, дўв тайләлә. Муваң Вәртән пида ямәщәлн — апәднәҗен дыл юхлы вўдән, вўдыдан дылаңдәләт. Тәп дўват вәйтты кән аңтә. Дўв хурл арсәр: пирма ювәмийл, пәтарух пўт пәләк хўрас тайил, ғрт хура ищи вәрәсыйл, дәңки хур ищи дўв тайләлә.

Ин пух икел путәр хәләнтәс, әхда омсәс, кев шәпл ищи щив пунсәлә па щи мәнас.

Еңкән потум юхан хўват мәңл. Ям вулак әш! Хотәң икел мойдум вўдәт яма хәхәлдәт. Хўв муй ван мәнас, карты рәп вәнта юхтас.

Вана юхтас, щи эвәлт щит кәрты юрнхот. Овл пуншас, юхи дуңас. Вантл — пирәщ ими омәсл. Дўв пўңәлн муй аңтәм: тўт вўщитты ут, тўт ләщәтты юх, пәтарух пўт, тўчаң.

Пирәщ ими юрнхот кўтупн омәсл, рат шумая. Пўт әхәтты вунуп шумая илн — вән вўс, илн юхан увәл. Юхан хўват ай хопәң ики мәңл, дәпәлн евәл. Алпа, холупдәл вантл. Ямәс вантты аңт әдәмәс, хуят щи нәхмәс:

— Юрнхотәма мойң хуят юхәтмәл. Тўтьюх тўваты, рәнт нух әләдән.

Тўрсыйл мәт хир эвәлт сәщл.

к ним. О беде своей рассказал:

— Сестра моя замёрзла, олени пали, нарты снегом занесло. Как быть? Не знаю.

— Сначала поешь,— говорит ему старик,— отдохни с дороги. Потом я научу тебя, что делать.

Закололи они важенку*. Гость всю её разом и съел. Согрелся он у очага, сон его и сморил.

Три дня подряд спал гость. На четвёртый проснулся — хозяин жирного оленя зарезал. Гость наелся, доволен. А старик ему еды ещё на три месяца заготовил, с собой взять велел.

— Отправляйся духа земли Шайтана искать. Все твои беды — его проделки. Осилишь Шайтана — сестру к жизни вернёшь, оленей оживишь. Только найти его непросто: он кем захочет, тем и обернётся — может пауком стать, может медным котлом, может и дождём-снегом прикинуться.

Выслушал парень старика, сел на нарту, каменное сердце Уродища туда же бросил и в путь отправился.

Едет по замёрзшей речке — хорошая дорога! Олени быстро бегут. Долго ехал, пока не увидел гору.

Подъехал поближе — а это и не гора вовсе, а огромный железный чум. Откинул дверь и вошёл. Смотрит — старуха сидит. Рядом с ней утварь всякая: мех для раздувания костра, кочерга, котёл медный, мешок из оленьих шкур.

Сидит старуха посреди чума, там, где бывает очаг — пропасть, и на дне её река течёт. По реке рыбак плывёт на маленькой лодочке, веслом машет. Наверное, сети проверяет. Не успел парень опомниться, как услышал голос: «Гость в чуме. Несите дрова, разожгите огонь».

А голос как будто из мешка слы-

Хултаса тўтўюх тўвемасы. Вантл, тўтўюхлад карты шэпәт! Тўт вушитты ут лўв тўт вўщемас. Тўт ищи дед. Хот хари хошумты питса па вўртыя йис. Тўчаң иса ши путартл:

— Тўтн вўщитатн, ямас ат дед. Мойң хә юрнхотн. Хошмалды мосл.

Ин пух мутшащты ши питас, омасл, иса вўртый йис, щаңк йиңкан худийл. Артадыйл, хутыса елды верманл.

Пиращ ими омсас, омсас, юрнхот иса вўртыя ювум кемн лупал:

— Щаңка йис, тўтўюхлан поталталн.

Ин пух нумасн юхатса: Кўль еңк сам — суюлтурм кев шәп — ин вера вўщилум тўта вўщкаты мосл. Мухты ищкия ювемас. Кат пелак иса щив суюлтемасы, хот хари еңка потумса. Пиращ ими иса нувия ювемас. Тўчаң оңта потумса.

— Хәланта-сар! — йихремал ин ут. — Еслә! Ай тахты хошум пўл хая. Муй наңен мосл — щит верлум!

Ушн юхатса — муваң Вертал — тўчаң хур тайс. Кев сам тут эвалт нух алемас, тўт па ши нух вўщемас. Вертал еша хошмалтыйс па лупал:

— Әхләна омса, Вўдәң әхлән юрнхот пўңалн омасл.

Хәланта — яна: вотас кўтн ләңханщуп сый сащл.

Ким етас, немудты антәм: вулы антәм, әхәл антәм. Тәп ант калты ләңханщупат тяңлемалат, тўчаң хирл лўв юпелн ким етас па ўвл:

— Дәда, ал нәмасыда! Юхды тәп ал ванта, әш кўтуп эвалт юхды ал керла, вўлылан пантан ал дәпта!

Ин пух ешл ләханщуп сый пәда тувемаслә — ешл уккәда хойс. Малдасман әхләл вейтас, омсас, па ши хуремасы сәма ант калты вўлэтн. Юхан хуват тәды, хуващак мўваң Верт юрнхот эвалт. Нәрум мўвн ищ-

шится. Откуда ни возмись — дрова появились. Смотрит парень — дрова то железные! Меха тем временем сами огонь раздули. Горит костёр, разгорается. Пол накалился, красным стал. А мешок приговаривает:

— Дуйте, меха. Раздувайте огонь. Гость в чуме. Согреть его надо.

Смекнул парень, в чём тут дело. Сидит красный весь, потом обливается, но терпит. Ждёт, что дальше будет. Старуха молчала-молчала, а потом сказала гостю:

— Жарко стало. Остуди дрова.

Вспомнил парень про заиндевелий камень — ледяное сердце Уродища — и кинул его в самую середину очага. Сразу стало холодно. Всё кругом инеем покрылось, пол ледяным сделался. Старуха вся побелела от снега. Мешок из оленьих шкур задеревенел от мороза.

— Послушай, — проскрипел он, — пощади! Оставь хоть немного тепла. Всё, что пожелаешь, исполню!

Понял парень, что на этот раз Шайтан — дух земли — мешком из оленьих шкур обернулся. Вынул он из очага каменное сердце Уродища, и огонь снова взметнулся до потолка.

Шайтан отогрелся и говорит:

— Иди садись на нарту. Упряжка возле чума стоит.

Прислушался парень — и правда: сквозь пургу звон бубенцов слышен.

Вышел на улицу, но ничего не увидел — никаких оленей, никаких нарт. Только бубенцы невидимые позванивают. А мешок из оленьих шкур вслед ему кричит:

— Садись, не раздумывай! Только нигде не останавливайся!

Протянул парень руку на звон невидимых бубенцов, нашёл наощупь невидимую нарту, сел, и понесли его невидимые олени. В тундре мороз, пурга, а парню, как у очага,

ки, тәп дүвела хошум мэт рат пү-
ңадн. Муя па щиты? Щи эвәлт,
эхладн карты юх шәп ул па вүртыя
йитал вәнта хошмәлтум.

Вүлэт вот кинща пәста хәхәлләт.
Имүлтыйн вантл — юхан кутупн ең-
ка потум әхәл, әхәл әхтыйн не хуят,
лощн иса лап түвум.

Нәмләлэ, мұваң Вертән ант есәл-
са шив вулдылаты, тәп дүв ант верә-
тәс: шәңк шаль имие. Тәп нух вуды-
тәмәслэ вұлыдал, олаң вүлэл, щәлта
па кәт вүдәңәл кәлты щи питсәңән.
Әхләл эвәлт мәнмансәт па щи хун-
тасәт. Ин пүх тәп хәлмийлсәлэ:

— Лупийлсум — щив ал вудыя!

Каврум картәл әләмәс, лонща
лукәмәслэ — лош-еңк дулас. Ин не
дылаңдәс. Щи эвәлт щи хурасуп
эвие вәлмәл.

— Пәмәщипа, ешәк хуят! Интәм
ма хотәма верәтлүм мәнты. Ма
пиләма мәндүмн — лапәтләм, хошум
тәхия вәлтәләм.

— Наң хотән хута?

— Ииңк илпийн.

Ар вер вантәс ин пухие, па та-
мәщ вер ищи, алпа, вәл. Тәп эвие
дүв сәмәла питәс. Ин дүв лупәс:

— Интәм мәнты щирәм антә.
Апәлнеңәм вәйтты мосл. Щәлта
наң хуцена юхәтлүм. Ләвлә.

Щи мәнәс. Вұлыдал әйләта хә-
хәлләт. Шимәл, алпа, әхәла кирман.
Муй арәт — ант кәл. Хұв мәнәс.
Товия йис. Лощ дүлаты питәс, вұды
ләнт елпа питәс.

«Вұдылам шимләт па ләлэт, —
нәмәсл. — Лапәтты мосл, щәха ант
па юхәтләт».

Нәмләлэ кәпи мұваң Верт ясәят
па шаль вұлыдал. Тәп вұлыдал нух
вұлытәс, хәлүм вұды кәлты питсәт,
дыв ищи әхләл эвәлт навәрмәсәт
па шив күтн щи пәнсәт. Тәп сацийс:

— Лупийлсум — вұлылан ал
ләпта!

тепло. Что такое?! Оказывается, на
нарте у него горячее полено лежит.

Мчатся олени быстрее ветра.
Вдруг видит парень — посреди реки
нарта в лёд вмёрзшая, а на ней жен-
щина, почти вся снегом занесена.

Помнит парень, что говорил
Шайтан, но не удержался: жаль ему
женщину. Только остановил он
нарту, как передовой олень, а за ним
ещё два оленя вдруг видимыми
стали. Оторвались они от упряжки и
скрылись в пурге. А парню в вое
ветра слышалось: «Говорил те-
бе — не останавливайся!»

Схватил он раскалённое полено,
сунул его в снег — сразу всё кругом
растаяло, тепло стало. Женщина
оживла. Она оказалась молодой кра-
сивой девушкой.

— Спасибо тебе, добрый человек.
Теперь я смогу вернуться в своё
стойбище*. Поедем со мной — на-
кормлю тебя, спать в тепле уложу.

— А где твоё стойбище?

— Под водой.

Парню уже так много необычного
встречалось, что он и удивляться
перестал. Однако понравилась ему
девушка. Сказал ей:

— Сейчас не могу. Сначала я
сестру должен найти. Потом к тебе
приеду, жди.

И уехал. Олени медленно бегут.
Мало их, наверное, осталось. А сколь-
ко — неизвестно! Долго ехал. Уже
и весна наступила. Проталины
появились, ягель виден.

«Мало у меня оленей, да и те
голодные, — подумал парень. — По-
кормить их надо, иначе не доеду».

Хоть и помнит он слова Шай-
тана, но жалко ему оленей. Только
остановил он упряжку — ещё три
оленя растаяли в тумане. А сквозь
туман голос слышался: «Преду-
преждал я тебя — не корми оленей!»

Вурайн әхләл хәтл. Луңл пә-
рас, сұса ювәнтәс, па ши тәла йис.
Пух хулна ши ант кәлты вұлыдалн
мәңл. Хұв мәнәс, ван мәнәс, кәтна
лоңхилум рәпл вәнта ши юхтәс.
Ши хәл хуват лұв мувәла ши
юхтәс.

Еша мәнәс, имултыйн вантл —
лощ илпи эвәлт вұды оңтәт кәлләт.
Лощ пайл нух хирсәлэ мұвл вәнта
па апәднәңл вұды уша вәрас. Вұдәл
тұтаң карты шәпп хойс — ин утл
ши лудас, нух додяс па туңхән
сәнкты ши питәс лант кәшман.

Тұтаң картәл лонща вуцкәслә-
лощ лудас па йиңк лотәт тывсәт.
Мұвл лудас. Потылдұм вұлыдал кұр-
тыя питсәт. Яха похләщләт, лант
деләт.

Имултыйн хуятн ши увәтса.
Аңкәртәс-апәднәңл долъ. Ши артн
лұв шәш пәлкәлн ләңханщуп сый
сымләс. Ант кәлты әхләл ши мәнәс.
Хувәлта тәп сащәс:

— Юхды вәнтты ән әсәлсәм. Па
ям вәла!

Пухие щивелт вұрд иса антәм,
ши мурта апәднәңлә амтәс.

— Хұв ши улсум. Тәлаң тәл
улсум, товия ювмәл.

Яйл нях мулаңа йис, тәп апәд-
нәңла путәртты ант питсәлэ. Юхи
тәслә, вұды ташл юхи вошитәс,
лұв па ши пәнта додяс.

— Хулта нәң мәңләң?

— Ма хұв ант яхлум.

Ин пух ши мәнәс ин вантум эвел
кәшты.

Хұв муй ван мәнәс, шив пәсәң
күтн хулт домтәс. Уша ант павәт-
ләлэ: мұв әхтыйн лұв муйпа еңк
әхтыйн мәңл. Имултыйн мулты
варщумтәс, еңк лоңхемәс, па ин пух
әхләл пила йиңк илпия ши питәс.

Уша хулна ант павәтләлэ:
сорта ши ювемәс. Вәцийс, вәцийс,

Еле ползёт невидимая упряжка,
почти не движется. Лето прошло,
осень, снова зима наступила, а па-
рень всё едет. Добрался наконец до
расколотой горы. Через огромную
трещину вернулся в свою землю.

Проехал немного и заметил тор-
чащие из-под снега оленье рога.
Раскопал он сугроб до самой земли
и узнал оленя сестры. Тот даже в
землю врос, так долго замёрзшим
пролежал. Дотронулся парень до
оленя раскалённым железным поле-
ном — тот тут же оттаял, поднялся
на ноги и принялся копытом ямки
в снегу делать, ягель доставать.

Бросил парень железное полено в
снег — потекли кругом ручьи. От-
таяла земля. Тут и там стали замёрз-
шие олени подниматься. В стадо
собираются, ягель едят.

Вдруг кто-то окликнул парня. Он
оглянулся — перед ним сестра стоит.
В это время у него за спиной раз-
дался звон бубенцов. Невидимая
упряжка уносилась прочь.

«Не велел я тебе оглядываться.
Прощай!» — раздался голос.

Но парень даже внимания на это
не обратил: очень уж он сестре
обрадовался.

— Долго же я спала. Всю зиму
проспала, весна уже.

Усмехнулся парень, но не стал
ничего сестре рассказывать. Отвёз
он её в стойбище, стадо оленьё при-
гнал, а сам снова в путь собирается.

— Куда ты? — спрашивает сест-
ра.

— Не беспокойся, скоро вернусь.

И отправился парень на поиски
девушки из подводного стойбища.

Ехал, ехал и заблудился в ту-
мане. Разобрать не может: по земле
ли, по льду ли едет. Вдруг под ним
затрещало, лёд проломился.

холпа ши хойс. Вантл, ин холпа ям арат сорт хўл луңас.

Ин эвиел ши юхтумтас, сортат вўдэт иты нух кирсаит па юхи ши манас. Ин пухие олаң воя эхалн тайла. Манты войдал вошитл, па уша ант паватладе, олаң войл иса хонаң пела тал. Имултыйн ямас сехтасде, йиңк эвалт ин эхал вўты ши питумтас. Ин сортат вўдыя ювемасат, олаң сортад — ханнехэя. Эвиелн уша верса.

— Вўца, — лупал, — ям ши юхатсан. Хутыса вадлан? Апалнеңен вейтсэн пела?

— Ма кэртема манлумн, апалнеңем ванлтадем. Яха вадты питлўв, вўдылўв лаваллўв.

Йиңк эвалт сорт хўлдал нух талас, ин утдал ханшаң вўдыя йисат.

Юлн апалнеңд ещалт етас. Лапатсайңан, ил вадтасыйңан. Ин хэ ил улас, хелум хатл улас. Нух вердумалн: няхен-юнтэн. Вантл: апалнеңд аньхел пида рат хонаңн омаслаңан, путартлаңан, няхлаңан. Ши мурт нюхи епал: эвеңан нюхи делңан. Амтас, вана омса, талаң вўды пелак дас.

Ин эвие ипўша дын хотанан ши хашас, имия вўслэ. Ши щўнел-хэлэлн интам ванта, луплат, ши вадлат.

Не успел он понять, в чём дело, как плыл уже щукой в Ледовитом океане. Плавал, плавал и в сети попал. Тут появилась та самая девушка. Запрягла она пойманных щук, будто оленей, в нарты и домой поехала. А парень-щука передовым в упряжке оказался. Вдруг рванулся он, вынырнул из воды и всю упряжку за собой вытащил. Щуки тут же в настоящих оленей превратились, а передовой снова человеком стал. Узнала его девушка.

— Здравствуй, — говорит, — рада тебя видеть. Как твои дела? Нашёл ты сестру?

— Поедем ко мне в стойбище, с сестрой познакомлю. Вместе будем жить, общих оленей пасти.

Вытащили они на берег щук. Щуки тут же оленями обернулись.

Дома их сестра встретила. Накормила, спать уложила. Парень три дня подряд проспал. Разбудил его весёлый смех. Открыл глаза, смотрит — девушки оленьё мясо едят. Обрадовался парень, сел рядом с ними, пол-оленья съел.

Девушка из подводного стойбища в их чуме навсегда осталась, женой парня стала. Счастливы они были. И до сих пор, говорят, радуются.

ТЕР-ОКЫШ — ЩОРХА ХЭР

Тофалар ёх мош

Имеңан-икеңан вэсңан. Хув нэ-
пāt хува вэслāн, ван нэпāt вана
вэслāн. Икел вой велās, имел вуды-
лāл лавлās, дэмāтсух па юрнхот хур
ёнтās. Няврём кўш тайийлсаңан,
тэп худыева āнтэма йисāt.

Илатн икел вэнтыман яхты эвāлт
имел пухие тайс. Хурасāн пухие,
вэшл — тылāщ хурпи, сэмиеңал —
хэсāt иты āл суртлāнāн. Судаң йиң-
кāн пухиел лүхātсāлэ па онтупа
вэлтāслэ. Тўтаң нянь палās, икел
велпās эвāлт лавāл.

Етна йис — āнтэм, ална йис —
āнтэм. Хātл худас, лāпāt мāнās,
тылāщ щи худал — икел юхи āнт па
юхātл. Ин ими атэлт пухл пила
юлн. Пухл нэмн пунсāлэ — Улугән,
хāнты щирн ки — щит йипи.

Ин пухие ащи таклы щи єнумл.
Āңкеда нётл. Ėхāl сыңтās ай сўмāt
эвāлт, нёл нюхрās, āңкел пела пу-
тāртыйл: еслэ вой велты яхты, ащем
нух кашты.

Шаль кєпи пухиел есāлты, па ху-
ты верты — пухиел ёщл ёша йис,
кўрл кўра йис, юхи хән ёрмāл-
лэн.

Улугән вэнт хуват шэшл, тухлāн
вой нюхи лел, юхāt илпийн хол,
умлепн лүхитыйл иа елды
шэшл.

Илатн атлāн нух верлās вэн ўв
хэлмумал саты. Пакнās, ёхлāл
адемās па лавлāsман омāсл. Нэмāл-
та мулты ут вэн няхāн вахшумтās.
Вэн нохār юх тый пела āңкāртās —
йипи омāсл.

Тām военāн нух кўрātсаюм, лўв
няхās!

ТЕР-ОКЫШ — ДОЛИНА ЦВЕТОВ

Тофаларская сказка

В одном племени жили муж и
жена. Муж на охоту ходил, дичь
приносил, а жена в это время за
оленьями смотрела, одежду да по-
крытие для чума* шила. Детей у
них родилось много, но все умирали.

Однажды, когда муж был на
охоте, жена родила сына. Красивый
мальчик родился. Лицо — как пол-
ная луна, а глаза, как звездочки,
блестели. Искувала мать новорож-
дённого в солёной воде, чтобы кожа
его была крепкой и здоровой, и поло-
жила в берестяную люльку. Напекла
лепёшек, ждёт мужа с охоты.

Время идёт, а его всё нет и нет.
День прошёл, неделя, месяц — а муж
всё не возвращается. Женщина одна
с сыном живёт, всю работу сама
делает. Назвала она сына Улугэном.

Время идёт, растёт мальчик без
отца. По хозяйству матери помо-
гает. Согнул он себе лук из молодой
берёзы, сделал стрелы и просит мать
отпустить его на охоту счастья по-
пытать, отца поискать.

Как ни жалко было матери рас-
ставаться с ним, да делать нечего —
сын должен всему научиться.

Идёт юный Улугән по тайге,
дичью питается, под деревьями но-
чует, в горном ключе умывается.

Как-то раз ночью Улугән про-
снулся от страшного крика. Испу-
гался молодой охотник, натянул лук
и стал ждать. Откуда-то сверху раз-
дался ужасный хохот. Посмотрел
он на вершину кедра и увидел сову.

Так вот кто разбудил его своим
криком, вот кто смеялся над ним!

Улугэн лыкащас, эхлал Йипел пела ши талсалэ, йипел елшак пердемас па лупал:

— Улугэн яйе, муя лыкащлан. Немасыла, хулта нан манлан па муй кашты. Ма нажат нетлем. Интам хатлан уллун, атлан еллы манлун, ащен кашлун. Лылан нан ащен, теп и имийн мулса. Нетты мосл!

Халум ат йипел манас, Улугэн лув юпелн. Хатлан йипел ахалн омсас, Улугэн юх илпийн улас. Нялмит ата йис, йипел лупал:

— Ши ин мултум тахия юхатсумн. Муласты нежан нан иши мулатты вератлыин. Мулатты неженан щаха олун китлаин, нан ал уда. Шаха нан вешлан па ацена ант нетлан! Щеплан телыева кев шукан пуналн па нуван юхан. Олма йиты питлан, щитлан нан илпена пуналн. Щалта еллы нан уша верлан, муй верты мосл. Ма ванан веллум. Мосматлум, ма сый верлум.

Улугэн олмал ши мурта юхтас. Турн ахтия улас ямашак, па немалмаслэ, хуты йипел лупас. Щеплэвалт тыйн юхлад па кев шуклад нух вус па лув илпела пунсалэ.

Ант калты эвие арийл, ланханщупат лэриллат. Улугэн ухл ил лоэмл. Ухл ил нюрас, нюрас па ши ракнас. Кев шуклад па тыйн юхлад ахтия па ел увтас:

— Хой тата арийл? Хой арау улты турас верлат?!

— Щит ма,— эвие лупал.

— Хой нан? Муй хурасуп? Тыв ета!

— Тыв етты щирем антэ. Нан манат шувалалан хатл етты пурайн.

— Хутыса ма нажат вайтлем?

— Нажен кал муй антэ сорнивушлум шэлюм? Лув хуваттел хатл етты пурайн манлан па манат ши шувалалан.

Рассердился охотник, направил стрелу на сову, а сова и говорит:

— Полно, брат Улугэн, сердиться. Лучше вспомни, куда и зачем ты направился, а я тебе помогу. Теперь будем днём спать, а ночами идти, отца твоего искать. Жив твой отец, но заколдовала его злая волшебница. Спасать его надо!

Три ночи летела сова, а за ней шагал Улугэн. Днём сова сидела в дупле, а Улугэн спал под деревом. На четвёртую ночь сова говорит:

— Мы пришли на заколдованное волшебницей место. Она и тебя может заколдовать. Волшебница будет напускать на тебя сон, но ты не спи, а то сам пропадёшь и отца не спасёшь! Набери полные карманы острых камней и сучков и, как начнёт в сон клонить, подложи их под себя. Ну, а дальше сам догадаешься, что нужно делать. Я рядом буду, когда надо, знак подам.

У Улугэна начали слипаться глаза. Лёг он на траву, хотел было устроиться поудобнее, да вспомнил, что ему наказывала сова. Достал из карманов острые сучки и камни и положил их под себя.

Поёт и поёт невидимая девушка, звенят колокольчики и бубенчики. Голова Улугэна совсем свесилась. Клонился он, клонился на сторону, да и упал в траву. Ударился о камни и сучки.

— Кто здесь поёт?! Кто своими песнями спать мешает?!

— Это я,— звучит голосок.

— Кто ты такая? Покажись!

— Я не могу тебе сейчас показаться. Ты встретишь меня на восходе солнца.

— А как я найду тебя?

— Видишь ли ты золотистожёлтую полоску? Пойдёшь вдоль неё на заре и увидишь меня.

Имултыйн йипи ши ўвтас. Шит халмад кѣмн ушн юхатса, ин ушмаъраъ эвие каталты мосл. Љув нух навармас па сорни-вўщлум шалюм хўват ши манас. Ланханщупат палтапа лариты питсат.

Улуган вўщлум шалюм хуца вана манас па вантлаълэ: шит ими антупкел. Улуган и олнал эвалт сехтаслэ, ешавес лув ешалтэл эвие тывас, хураман сорни ермак ернасан. Пухие вантл па иса юремаслэ, муя лув тыв юхтас.

Йипел па ши ўвтас.

— Муя хатл етты ванта ант весан?! Муя ант халантсан? — эвие лупас.

— Нан ин эр ант тайлан. Атлан нан манат муллэн. Ма нан эвалтэна палдум! Лупа, хута ма ащем!

Эвие нях мулана йис. Улуган семнал нух ант елмалнан.

Йипел па ши уватл.

Улуган намалмаслэ:

— Лупе, хута ма ащем! Антем ки ма мулан антуп келэн катна менумлем. Ши пурайн нан мулэн ши парл!

— Нан ацен тата, тэл лув семлы. Љув манат шуваласлэ алаъ хенлъ пурайн, щирн ши семлы питас. Ма антуп келем мие, ма нанат ацен хуца телем.

— Антэ, олналн ма ащем вантлем, эхат арталалум, маты муй антэ антпен.

Ланханщупат савлемалат. И вурты щорха ши похнас, тейил, лыптыедал ил парналтаслэ. Еша вес Улуган хуца вой велты хэ етас, иса лув хураспел.

— Мулан не, манем нан ант каллан. Ма нан хуцена катлум-тыйлдум, щирн эрн юхатлаюм, — семлы хэ лупас.

Ин мулан не лупас:

Вдруг раздался крик совы. Услышав его, Улуган понял, что настало время ловить чародейку. Тогда он вскочил и пошел к золотисто-желтой полоске на траве. Колокольчики зазвенели тревожно.

Улуган подошел к желтой полоске и увидел, что это красивый блестящий женский кушак. Улуган схватил его за конец и потянул к себе. Вскоре перед ним оказалась девушка несказанной красоты в золотистом платье. Юноша смотрел на нее и забыл даже, зачем пришел сюда.

Снова прокричала сова.

— Почему ты не дождался восхода солнца?! Почему не послушался меня? — сказала девушка.

— Потому что сейчас ты бесильна. Ночью ты не околдуешь меня. Я тебя не боюсь! Говори, где мой отец!

Девушка молча улыбалась. А Улуган глаз от нее оторвать не мог.

Тут опять раздался крик совы. Улуган опомнился:

— Говори, где мой отец! А то я разорву твой волшебный кушак и пропадет вся твоя сила!

— Твой отец здесь, но он слепой. Он увидел меня на заре. А тот, кто смотрит на меня на восходе солнца, слепнет от моей красоты. Отдай мне мой кушак, и я приведу к тебе отца.

— Нет, сначала я должен увидеть отца, а там посмотрим, отдать ли тебе кушак.

Зазвенели бубенчики и колокольчики. Один красный цветок раскрылся, покачался, сбросил с себя лепестки, и вскоре перед Улуганом встал охотник, очень на него похожий. Улуган был поражен.

— Я не вижу тебя, волшебница. Дай мне прикоснуться к тебе, это придаст мне сил, — сказал слепой.

— Пухен юхтас. Ма наңат есәлдәм,— тәп сәмлы щиты щи хәшдән.

Ин ики амтас, сәм йиңкдал щи хулиләт.

Иипел па щи ўвтас. Улугән кәт пелкәл пәда вантыйл — щи арат щорха лыпат! Щирн щи тофаларәтн тәм тахи алщады Тер-окыш, ханты щирн Щорхаит хәр. Ин пух нумәсн щи юхәтса: щорхаит — щит лүв мұдум вой велты ёх.

— Антә,— Улугән лупас,— шимәл щит! Ёх хулыева есәлдн, и щорха ал хәшд тәм хәр хуца!

Мұдаң не лыкашас, па сут тарум. Ин щорхаит пуншащсәт, тейты питсәт, лыпәтләл ил павәтсәт, пурахләл енумты питсәт. Улугән ещәлтәл лапәтьяң лапәт вой велты хә долъ. Ин ёх хулыева сәмләт.

Па щи йипел ўвтас. Улугән уша версәлә, муй верты. Лүв ин сорни антуп кел кәтна мәнумсәлә, нух вүщәтсәлә, хоймал юх ана пунсәлә. Ащел хуца вана манас па сәмнәл щи хоюм нәрсәлә. Ин хә сәмаңа щи йис. Пухл велщи шүваләслә! Апәлсәлә, мосәлтәслә па сәм йиңкәл хулт етас.

Улугән иса ёх сәмат хоюмн нәрсәлә, лыв ищи сәмаңа йисәт. Ёх амәтсәт, Улугән ишәкләт.

Улугән эвие пәла вантл, әл вүщдум ёрнасн омәсл па холләл.

Улугән лупәл:

— Муя холләлн? Интам наң мұдаң не хән, әл эвие. Мәндүв мұң пиләва, мұң хотәвн вәлты питлән. Ма аңкәмн муя иса вәндәлдыңн. Ма имия вүләм.

Улугән ащел па эвие пида юхи юхтас. Аңкел амтас. Мәнне мой версәт. Щи щүнелн-хәләлн ин па щи вәлләт.

— За тобой пришёл сын. Я тебя освобождаю, но ты останешься слепым,— ответила чародейка.

Обрадовался охотник, слёзы покатились по его щекам.

Снова прокричала сова. Улугән огляделся — сколько цветов вокруг! Не случайно тофалары называют это место Тер-окыш — Долина цветов. И тут он догадался, что все эти цветы — охотники.

— Нет,— сказал Улугән,— этого мало! Освобождай всех пленников! Чтобы ни одного такого цветка не осталось!

Чародейка рассердилась, но делать было нечего. Все цветы раскрылись, закачались и сбросили лепестки. Стебли стали расти, и вскоре перед Улугәнәм предстали семьдесят семь слепых охотников.

Вновь раздался крик совы, и Улугән догадался, что надо делать. Он разорвал блестящий кушак, поджёг его, а пепел собрал в деревянную чашку. Подошёл к отцу и потёр его глаза пеплом. К охотнику вернулось зрение. Он впервые увидел своего сына! Бросился к нему, обнял его, и по щекам его потекли слёзы.

Улугән всем охотникам потёр глаза пеплом, и они тоже стали видеть. Обрадовались они, благодарят Улугәна.

Посмотрел Улугән на девушку. Сидит на траве и слёзы льёт.

— Что ты плачешь? Теперь ты не злая волшебница, а обыкновенная девушка. Пойдём с нами. Женой мне будешь.

Улугән вместе с отцом и девушкой вернулись в стойбище*. Мать очень обрадовалась. Сыграли они свадьбу и жили все вместе долго и счастливо.

МИРЭГДЫ

Эвенки ёх моц

Луплът, хэнтты хўвн тām мўвн
вэн мулты ут Мирэгды вэлмал. Щи
луват вэн вэлмал, лўв юрнвейңал
кат юрнхот луваттэңан. Ух иса ант
тайс. Уңлал мевл нумпийн пўншийл-
далэ, сэмңал ланкар пуңалн сўртла-
ңан. Ин Мирэгды ут вўрас вўдэт,
кўраң воит вел.

Мирэгды нэмхуят ант кетмас, тэп
ёх палсат па лўв яхты тахидал хў-
валта кератсалал.

Илатн пакатни артн и вой велты
хэ лўв хуцела певрас. Мирэгды
амтас. Вет вой нюхи кавартас па щн
лапатты ин хэ питса. Ин хэ лэтал
кемн щн лел, Мирэгды талан вой
поңхал ұңда метшал, ким талталн
ин лўв иса шепмал.

Мирэгды лэс-янищас, ин вэн юрн-
хотлан кератлял, ил щн вуюмса.

Ин ут ил вуюмтум кемн вой велты
хэ Мирэгды пос вўс па кертала
талты щн питсалэ, ёхлада ванлтаты
па ишкащты, хуты лўв Мирэгды
хуца вэс.

Алан ин ут нух верлас па посл
ант вейтсалэ. Юрнхотл эвалт ким
етас, вантл-посл талум пант, па
лупал:

МИРЭГДЫ

Эвенкийская сказка

Говорят, когда-то давным давно
жил на этой земле великан Мирэгды.
Был он такой огромный, что бакари
его — меховые сапоги, — как два чу-
ма*, в снегу стояли. Головы у него
совсем не было. Рот выше груди
открывался, а глаза возле плеч блес-
тели. Охотился великан на диких
олений и лосей.

Мирэгды был добрым и никого
не обижал, но люди боялись одного
его вида и те места, где он кочевал,
обходили стороной.

Однажды в непогоду попал к
нему эвенк-охотник. Мирэгды обра-
довался гостю, сварил пять лосей и
стал угощать его жирным мясом.
Эвенк-охотник ел, как все обычные
люди, а Мирэгды толкал в рот це-
лую лосиную лопатку.

Вот Мирэгды наелся и уснул.

Как только великан уснул, эвенк-
охотник взял его рукавицу и по-
волок к своему стойбищу*, чтобы
показать людям и похвастаться.

Утром великан проснулся и не
нашёл свою рукавицу. Вышел он из
чума, увидел след рукавицы, кото-
рую тащили волоком, и говорит:

— Лолмэсты па шэк верты та-
хийн вэлты ант питлум. Мәнлум
хэсәт хуца!

Щиты лупас, ухлы вән ут Мирэг-
ды нымалһал ваттас па тәрма хэсәт
хуца ши мәнәс.

Ши вүш эвәлт эвенки ёх Мирэгды
алщалды Тәрум вой велты хәя. Лүв
пәнтәл тәрумн — Тәрум ай мощхә
пәнт — Тәрум вой велты хә нымлаң
пәнт.

Пос лолмум хә мир сүтн вәрса:
хәлум пүш Мирэгды юрнхот му-
хәлая хәхәлты. Хотл, вәнтә, вән вәс.
Ин ики хәлум пүш мухәлсәлә па
ши антәма йис. Мирэгды юрнхот
вән кәращ рәпа йис.

Ши вүш эвәлт лолумты вәр лү-
һатла вән кәрәка па атум вәра.

— Там, где есть воровство и зло,
жить не буду. Уйду к звёздам!

Сказав это, безголовый великан
Мирэгды стал на лыжи и ушёл на
небо к звёздам.

С тех пор эвенки называют его
Небесным охотником, а его след на
небе — Млечный Путь — Лыжнёй
Небесного охотника.

Эвенк, который украл рукавицу,
был наказан. Хэвәки — дух-творец
жизни на земле — приказал ему три
раза обежать вокруг чума Мирэгды.
Жилище великана было таким боль-
шим, что эвенк обежал его три раза
и умер. А чум великана Мирэгды
превратился после этого в гору.

Воровство с тех пор считается
большим грехом и позором.

ПАЛТАПЛЫ ТАТЬЯ

Манщи ёх моц

Семпавал кэртн Апонь пухие вэс. Лўв самада рахум Татъя эвие Нёрум павал эвалт вэс. Татъя семҗал иса Апонь пела ши талдәлэ, хурамаң ханшаң ернас дәмәтл, сәвл камн утн, лентайн хурамдәлэ. Апонь мухты әл вуршумтыйл.

Яма Апонь велпәслас, ар вой сух сопаслас па тыныйс, щирн Татъяйл калым ши сухуптәслэ. Ими тўвмал вўш эвалт хот омәссаңан Семпавал кэрт пўнаҗн. Татъя тәлн-лўн хўл велас, сўсн воншумут вонщас. Апонь хўв велпәслуман яңхас. Апонь па Татъя яма вәсҗан.

Иләтн Апонь вәнтыты мәнәс. Муй кем ел мәнл мет ар вой. Нюхас юпийн кўщман хўва ши мәнмал. Ши пәтләс.

— Я, щиты ат вәл,— ин хә нәмәсл.— Вәнт хотема ант мәндум, тата рат хонаңн холдум.

Улты тахи вәйтәс, хәдни кўтн тўт әләс пўтсухл нык әхтәс, нюхи кавартты питәс. Ләс-янщас, ратл дәпн ухл мисы пай әхтыя пунсәлэ. Ил ши вуюмса. Ант па мутшәслэ лўв пўнләлн вәнт меңк Комполән шумәщас. Кўрҗал рат пела. И кўрл — дов кўр, и кўрл — кўраң вой кўр. Ухәл па мевләл хәдни кўтн. Сыйдыхәслы ул, әлпа, вәра метәс.

Тўтл ратн яма ләс, сорум юхәт әл ши лутыләт, щәлта тўтые наварты питәс и нўв эвалт па нўва, щәлта ратл эвалт ел навәрмәс. Варщемәс, лутыйс, кўраң вой кўр шўвалас па шив ши наптәс. Нәл иты ши вўщемәсы ин кўр. Нух навәрмәс тыйң тўрн ўвман «Щох Щох!», вәнта ши вуршумтәс. Лўв ўвл эвалт юхәт нух нюхләсәт, ләпәслад ил рывсәт, щәлта шив кәрләмәсәт, мет еңка потумсайт. Пакнум утәт кўтн

БЕССТРАШНАЯ ТАТЬЯ

Мансийская сказка

В стойбище* Большой Глаз жил храбрый юноша Апонька. Полюбил Апонька девушку Татюю из Болотной деревни. И Татъя не сводила глаз с охотника Апоньки. Лучшие платья надевала Татъя, красивые ленты в косы вплетала, стремительной чайкой летала перед парнем.

Удачливо охотился Апонька, много добыл пушнины и выкупил Татюю у родителей. Женившись, поселились они на самом краю стойбища Большой Глаз. Татъя зимой и летом ловила рыбу, осенью заготавливала орехи и ягоды, Апонька охотился. Хорошо, дружно жили Татъя и Апонька, весело и любовно.

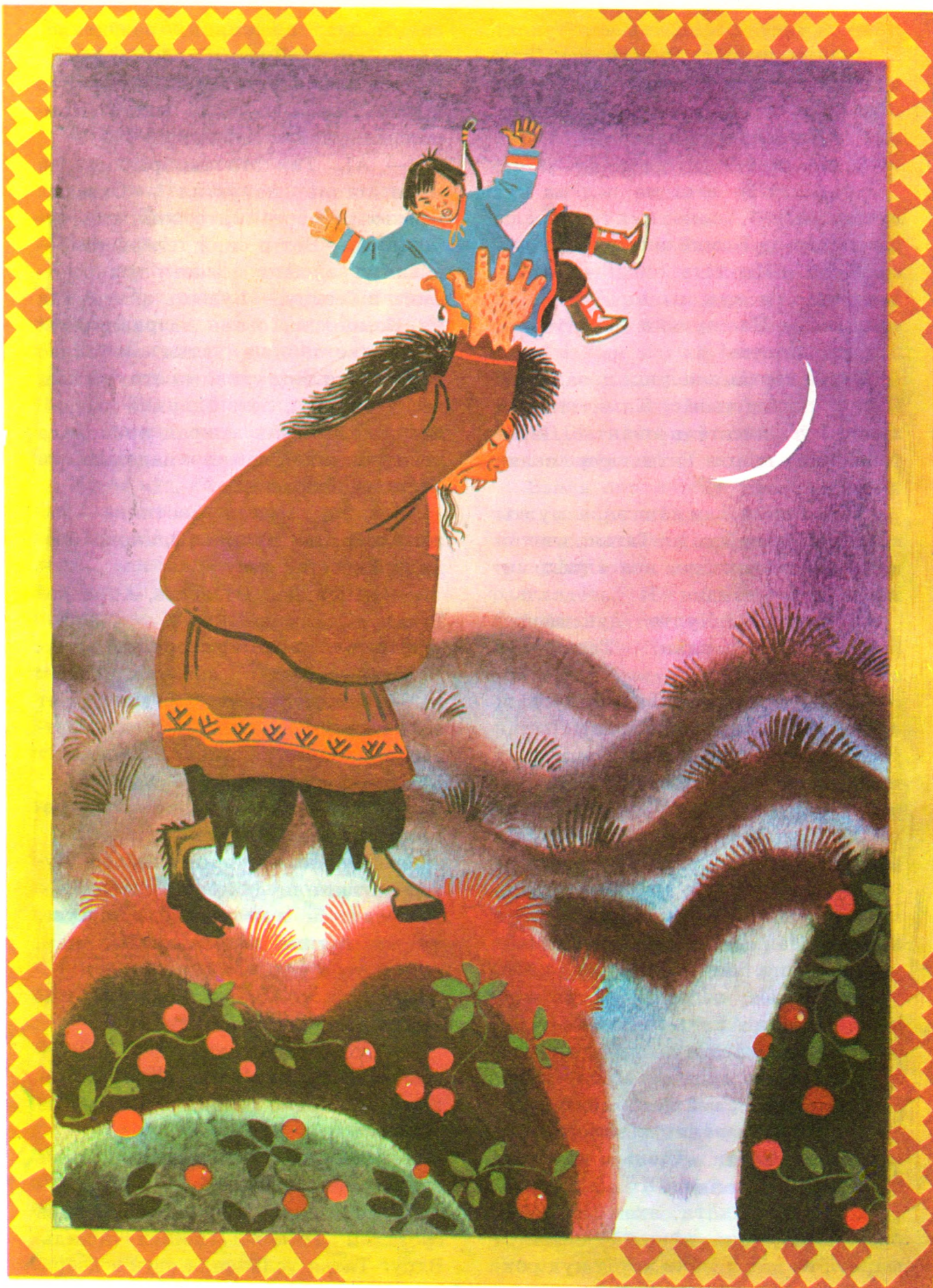
Ушәл однажды Апонька в лес. Затянула, завлекла его погоня за куницей — не заметил, как стемнело.

— Ну, ладно,— решил охотник.— Не пойду на зимовье, у костра заночую.

Стал мясо варить. А когда поел, улёгся у костра. Заснул и не заметил, что рядом вытянулся Комполән — Дух Болотный. Ногами к костру улёгся. Одна нога у него лошадиная, другая — лосиная. Голову и грудь Комполәна скрывал густой ельник, и спал он отчего-то тихо — устал, видно, здорово.

Тихонько гудел костёр, огонь осторожно обкусывал и проглатывал сушняк. Потом принялся прыгать. Увидел лосиную ногу и впился в неё. Острая боль, точно молния, полоснула Комполәна. Проснулся он, вскочил и с пронзительным криком «Щох! Щох!» проломился в чащу. От крика его вздрогнули, зашатались деревья, сбросили иголки и застыли вдруг неподвижно, словно заледенели. Среди испуганных сосен

лощ сәмиет вәсәт, тыведт-тухелт
есләтлјаты пйтсәт. Вухсар лыв иты
түт нялум нух пудатәс, рат эвәлт
щурумтәс па ләп щи хәрләс. Компо-
лән вәнт эвәлт ким навәрмәс, Апонь
шүваләс.

— А!.. Наң нәш ма пеләма түт
вущәтсән?! — Апонь нух адемәслә,
рәвемәслә па Комполән уңдал пелка
сәхтәслә. — Ин тата омса! — Компо-
лән үвтәс па хун лыпия Апонь щи
вущкәсы. — Па пурайн па түт ма
пеләма партлән!

Татья кертән икел щи лавәлләлә.
Иилуп тыләщ тывәс. Кимит тыләщ
хуләс. Сүса йис, тәда ювәнтәс. Пащи
товн. Па щорха иты лүң пелки
питәс.

Хүв кәшсәл, ван кәшсәл, нәмүлты
вүдые әнт вәйтсәт. Татьяна вәнтән
кашәң әшиә яхсәлә, иса елпәл пи-
тәс.

— Апонь... Хулта лунәмәсән?
Муя сый әң верлән? — Татьяна лүв
сәхтәда путәртл.

Вәна ювум хуятәт Татьяна лупсәт:

— Мәта! Щи лавләссән! Лүлән
утәт күтн әнтәм, сурма ювум утәт
кутн әнтәм. Алпа, Комполәнән тәсы
пәтлам Тәрума.

— Пәтлам Тәрума? — Татьяна лу-
пәс. — Муя?

— Хойн щи вер вәды? — вән әң-
кет лупсәт. — Наң лүв олңәлн ал
нәмәса. Наң нумәслән Комполәнән
уша верлаит, наң па пәнән вүлын.

— Хутыса вәлты? — Татьяна ин-
щәсл. — Хута Апонь вәйтты?

— Ал нәмәса лүв олңәлн, — мет
дыкәңә Әңки лупәс. — Мәна, мәна,
Комполәнән ал вәйтсаин ләлн.

— Хотәм эвәлт нәмхулта ән
мәнлүм. Тата Апонь лавәлты
питләм.

Кәт-хәлүм хәтл яхәм вәс, етн
ола пәләң щи вүщәмәс. Щәлта
мәратл па кәт пеләкн хотәт нух рох-
сумтыйлләт. Щәлта әрта ювемәс.

заметались снежинки, разбиваясь
друг о друга. Лисьим хвостом взмет-
нулось пламя, оторвалось — и костёр
погас. Выпрыгнул из чащи Ком-
полән и увидел Апоньку.

— А!.. Так это ты, рыбоед, на
меня огонь напустил?! — Схватил
Комполән охотника огромными ру-
чищами. — Вот и сиди теперь там! —
рывкнул злобно и швырнул охот-
ника в бездну. — Будешь знать, как
на Комполәна огонь натравливать!

А в стойбище Татьяна терпеливо
ждёт мужа. Вот уж зима отпуржила,
весна отцвела, лето одарило ягодой.
Вот уже и осень мокрая проползла
по тропам. Слабеет надежда, и
силы на исходе.

Искали, искали охотника — да-
же следов не нашли. Одиноко бро-
дила Татьяна по лесу.

— Апонька... Отзовись, Апонька!
В какую даль ушёл ты?!

Но только эхо приносил ей ветер.

Старые люди сказали Татьяне:

— Хватит ждать! Хватит! Нет
его ни среди живых, ни среди мёрт-
вых. Наверное, Комполән взял его в
подземное царство.

— В подземное царство... — по-
вторила Татьяна. — Зачем?

— Кто может знать мысли Ду-
ха? — ответили Матери Матерей. —
Но если он в подземном царстве,
ты не должна вспоминать о нём,
а то и тебя возьмёт Комполән.

— Что же мне делать? Как мне
найти и спасти Апоньку?

— Перестань думать о нём! —
ещё суровее ответили Матери Ма-
терей. — Уходи, уходи, чтобы не
отыскал тебя Комполән.

— Нет, никуда я не уйду! Здесь
буду ждать Апоньку!

Много дней душно собиралась
гроза и наконец пошёл дождь.
Вдруг Татьяна услышала стук в дверь.

— Кто там в тёмной ночи?

Имудтыйн овл ши сѣңкемәсы. Татъя ова хәтумәс:

— Хой щит?

— Татъя, пунше! Ма, Апонь!

Овл пелка ювтәс, икеда әпәлмәс. Апонь иса йиңкең.

— Омса, сора омса, дѣва,— амәтман Татъя лупәл.— Хулта вәш-сан, Апонь?

Апонь хәсда омәсд, няхийл. Татъя ләтут кавәртәс, дүв ещәлтәда омсәс, Апоньд эвәлт сәмл йира ант кәрәтд. Имудтыйн вантл: няләд уң-да тәд, щәлта түт сүртл, пәңкдал тыяңат. Татъя ши пакнәс.

— Анана, нялём амуй хута? Ма па сәмём вохда.— Татъя лупәл.

Нялы вүс, кәт-хәлүм пүш хошум йиңк янщемәс па няләд ил ши павәтсәдә. Пәсан илпия нюрәс, няләд кәшл, вантыйл — ин утл и күрл — дов күрл, и күрл — вой күр. Ин нә ши пакнәс, ед үвтәс:

— Анана-йе! Ши хуты пәтлам ат!

Комполән сәмңәл сүртләңән.

— Муй нәң, Татъя, пәсан илпийн кәшләң? Омса ямәс, мәнәт лапта.

Няләд нух вүс, ал ши торийл. Ху-ты нәриты?

Ин ләтут хулығыа недтумтумәт.

— Татъя,— ин Комполән-Апонь лупәл,— нәң хуцена ши хүват йисум, сәмём иса вохса. Ләтут тува!

— Айлта, Апонь, ампара яхлүм, тутән яңиюм худән тәлём! — Татъя ким ши хәхәлмәс.

— Муй вәрти? Ех вәнта хүв мән-ты. Тәта ши велләюм!

Щиты тәп нәмәлмәс, дупәс оләңн сосые хәхәтләд.

— Вәлём, Татъя,— сосые лупәл,— тәд мәр ампарән хуца вәсум, нәң мәнәт ан вошитсән. Ма нәңен нәтлём.

Сосые нух хәңхумтәс, нәмәлта сорт пәңк ил аләмәс:

— Татъя, открой! Это я, Апонька!

Распахнула Татъя дверь, бросилась мужу на грудь. С Апоньки ручьями стекает вода.

— Садись, садись скорее за стол,— радостно засуетилась она.— Где же ты пропадал, Апонька?

Молчит Апонька, улыбается. Быстро собрала Татъя на стол, села напротив, глаз от Апоньки не отрывает. И вдруг заметила: раскроет он рот, а там вместо языка пламя и зубы, как клыки, острые и злые. Так и обмерла Татъя, но собрала все силы и виду не подала.

— Ой, а что же я себе-то ложку не положила?! Я тоже есть хочу!

Взяла она ложку, несколько раз ухи хлебнула да и уронила её. Под стол полезла, шарит рукой, будто ложку ищет, а сама пытается ноги разглядеть. И видит: одна нога лосяная, другая лошадиная.

— Ай-ё! Что же творится в слепой ночи!

Комполән сверкнул глазами:

— Что ты, Татъя, всё под столом ползаешь? Садись, угощай меня!

Всё, что было на столе, проглотил Комполән, ни крошки не оставил.

— Татъя, шёл я к тебе так долго, проголодался сильно, а ты еды, как малому ребёнку, поставила.

— Сейчас, сейчас, Апонька! Сбегаю в лабаз*, принесу копчёной рыбы.

— Что делать? — шепчет Татъя.— Неужто смерть пришла?

Только Татъя подумала так, как перед ней появилась Горностайка.

— Знаю всё, Татъя,— тихо сказала Горностайка.— Всю зиму я прожила у тебя в лабазе, и ты не гнала меня. Капканов на меня не ставила. Я помогу тебе!

Горностайка быстро сняла с гвоздя сухую щучью челюсть.

— Хәдәнта. Ин щәха Комполәнән вохты питләин. Нәң ал пәда, мәна! Щиты уша верлән, хута Апонь. Комполәнән ил тәрумн ов пушәл па сырия ал мәна. Лүв ат луңәл. Нәң тәм сорт пәңкен лүв әхтәда вушке.

Татья юхи луңәс сорум хұлы сән омсәс. Комполән лүвдал муйдалн ин хұлат дәслә, щәлта пүттәл шай янщәс па лупәл:

— Сыта щи йисум. Интәм, Татьяна, әктәща, ма пидема мәнлән. Әм юх юханән ма йилуп хот омәссум. Щәта вәлты питлумн.

Татья щи әктәщә, пәнтхәл вүс па Комполән юпийн щи етәс ким.

Хүв муй ван мәнсаңән. Иса пәтлам, вотаң, ертәл. Пәләң мәрийл, юхәт мәрәтләит.

Татья вантыйл: калы лота юхәтман щи хурасуп.

Комполән кәрәщ мисы пай шәңхсәслә, ил мәнты вус щи тывәс.

— Ил, Татьяна есләща! — Комполән лупәс.

— Нәң сырия, Апонь, есләща, — Татьяна лупәс. — Ма нәңен хинтәм мәләм.

Күш дыкәщәс, ин Комполән ил есләщты щи питәс. Ләңкәрл вүша юхәтмәл кәмн хинтәл мәслә.

— Сорашәк! — Комполәнән тәрмәтә.

— Айлта-сәр, — Татьяна лупәл па сорт пәңкән щи вүшкәсы.

Мүв сух нух рәкныйс па сорт пәңк Комполәна щи пәдәс. Кулащты күш питәс, щи артн мүв лоңхемәс па ил хулт пәда Комполән щи тәсы, Апонь нух ювәтса.

— Татьяна! Нәң дыләм щи етәлтәсэн! — Апонь амтәс па имәл хуща щи хәтумәс.

Щи вүш әвәлт Комполән вәнтәвн әнт вантса. Па мұвәта, тәңха, мәнәс. Татьяна әвәлт пәдман.

— Слушай меня... Сейчас Комполән будет звать тебя с собою. Не бойся, иди! Так узнаешь, где находится Апонька. Только когда Комполән откроет вход в подземное царство, вперёд него не ходи. Пусть вначале спустится Комполән. Тут сразу и брось в него эту челюсть.

Вернулась Татьяна в избушку с рыбой. Комполән всю рыбу с костями съел, котёл чаю выпил и говорит:

— Ну вот, наконец наелся. Теперь, Татьяна, собирайся, пойдём со мной. На Черёмуховой речке я новый дом построил. Там жить будем.

Татья виду не показывает, что догадалась. Собралась и вышла.

Идут, идут они лесом. Темно кругом, ветер воет, дождь полощет. Гром землю сотрясает. Огненные копыя молний в щепки разбивают могучие лиственницы. Увидела Татьяна, что пришли они в гиблое место.

Комполән пнул ногой кочку — открылся вход в подземное царство.

— Спускайся, Татьяна! — приказал Комполән.

— Ты спускайся первым, Апонька! Я подам тебе берестяной кузов.

Поворчав, Комполән полез вниз. Когда залез по плечи, Татьяна подала ему берестяной кузов.

— Давай скорее! — торопит он.

— Сейчас, — ответила Татьяна и бросила в него щучью челюсть.

Щучья челюсть намертво вцепилась в шею Комполәна. Начал он бороться с челюстью. Вздогнула земля, поглотила бездна Комполәна и выбросила наверх Апоньку.

— Татьяна! Ты спасла меня, Татьяна! — крикнул Апонька.

С тех пор не встречали в нашей тайге Комполәна. Ушёл он в другие места. Ушёл, потому что боится Татьяну — женщину, сердце которой от любви забыло страх.

ЯТТО ПУХ ПА ТЭЮНЭ АПАЉНЕ

Юрн ёх моц

Там вер хувн вэс. Потум щорас хонанн катра юрнхот омсас. Щи хотн шэкащты ими Ятто пухл па Тэюнэ эвел пида вэс. Аңкел муй иса дув верас: велпаса янхас, йиңк адляс, тутьюх лэщатас. Илатн кашаңа йис па пухл тутьюха яхты партас. Ятто вуды сух лаңкупл нух талсәлэ па мет ант хәлләлэ.

— Эвие, тутьюха янха. Тутэв ки хәрләл, Вотасн лап щи тэдыюв,— аңкел лупал.

— Кашем антэ,— эвел лупас па сәвл сәкн хурамтты питсәлэ.

Вотас иса вана юхтас. Щухал вус эвалт и султум ким питас па вотас донцаң саха ракнас. Сахал вусаңа ювемас. Ел щи питумтас Вотас: тут эвалт палдас.

Тутьюхлад хуласат, тут лап хәрләс, вотас юхи луңемас. Хот иса лап суйлса. Ин ими вотасн хатщасы, имие ёшл нух куш алумсәлэ, ёшңал тухада ювман. Пәрлэмас ин ими, нуви сурия йис. Вотас пухл па эвел хуца наптас, аңкел тухалңал ара вушқас па сайдаслэ эвел-пухл.

Вотас мет тарма йис. Вот пухн сурие хуремасы, нухлы тәрма щи тэсы, хува хотл эвалт. Эвел-пухл дув юпелн щи хәхалмәсңан. Па хута долд юлта нәхалты!

ХРАБРЫЙ ЯТТО И ЕГО СЕСТРА ТЭЮНЭ

Ненецкая сказка

Давно это было. На берегу студеного моря стоял чум*. Жила в нём бедная женщина с сыном Ятто и дочкой Тэюнэ. Мать всё делала сама. Однажды она заболела и попросила сына сходить за хворостом. А Ятто натянул на голову одеяло.

— Доченька, принеси хворосту. Если погаснет огонь, Пурга войдёт и погубит нас,— сказала мать.

— Мне некогда,— ответила Тэюнэ и принялась украшать бусами свои длинные косы.

А Пурга была уже близко. Вдруг из дымового отверстия чума вырвалась искра и упала на её балахон, сотканный из снега. Отступила злая Пурга: она боялась огня.

Но когда в чуме кончился хворост и огонь погас, она ворвалась внутрь. Закружила по чуму. От её ледяного дыхания всё в чуме открылось инеем. Ударила Пурга женщину своим волшебным посохом — и та тут же взлетела вверх белой чайкой. Замахнулась Пурга на детей, но мать прикрыла крыльями сына и дочку.

А Пурга рассвирепела. Снежный вихрь подхватил чайку и понёс в небо. Бросились следом Ятто и Тэюнэ. Но разве догнать им Пургу!

— Нань вунават! — Тэюнэ увтас.
— Антэ, нань! — яйл юхды лупал.

Муй вурацты. Ат хуват тутл хэрлум рат пуңалн омассанан. Алаң Ятто эхдал-нелдал пида вуслэ па апалнеңл пела лупал:

— Мандумн, Тэюнэ, аңкем кашты.

— Мандумн, — апалнеңал лупас.

Сурие вотасн еңк хота тэсы. Сувдан хатшас ин сури па ши имия йис. Вотасн партса йилуп сах ёнтты тутн ёсум сахл юкана. Нумсал дув хотлан, нявремнәл олан.

Аңкел дуйдал иса потсаит потум сах эвалт, еңк йинтуп каталман.

Ятто па Тэюнэ хува хотн эвалт мансанан. Хатл пос ширн ши манлан.

— Вотас еңк репат хуца вэл, — Хатлые путартл. — Пантаң шив лаварт. Ма нелдам вуялн, нетлайтан мосты пурайн.

Кат ал суртты нелнан дын пуллана ракнас. Ятто хатл нелыет нюкия ювартсалэ па пухала пунсалэ.

Хатл омсас. Патлам ата йис. Ятто апалнеңл пида елды ши манл.

Роман пешие етмас. Дув юпелн вуды пурты вой нэхласал. Ятто нелан есалсалэ, ин вой ши хунтас. Пешие панан вуслан, пащи манты питсанан.

Хелум хуят елды ши мансат. Вантлат: не вуды хэхал. Пешиед тата ши вейтсалэ. Дув шашала эхдал омсалсалэ па ел понтэл ши пунумсалэ.

Щиты дыв еңк репат ванта юхатсат. Карца Ятто па Тэюнэ ханхсанан, реп тыйн Вотас юрнхот. Ши хотн — дын аңкан.

Юрнхот елпийн мал лот! Муй верты?

— Это ты виноват! — закричала Тэюнэ.

— Нет, ты! — отвечал Ятто.

Да что толку спорить. Просидели они всю ночь у погасшего очага. А утром Ятто взял лук со стрелами и сказал сестре:

— Пойдём, Тэюнэ, маму искать.

А Пурга принесла чайку в свой ледяной чум. Ударила посохом и птица снова стала женщиной. Приказала ей Пурга сшить новый балахон. У матери стыли пальцы от снежного полотна, от ледяной иглы.

А Ятто и Тэюнэ уже далеко ушли от своего чума. Путь им указало само Солнце.

— Пурга живёт в ледяных горах, — сказало оно. — Труден и опасен путь туда. Возьмите мои стрелы, они помогут вам, если случится беда.

Две сверкающие стрелы упали к ногам мальчика. Завернул Ятто солнечные стрелы в олений мех, спрятал на груди...

Скрылось Солнце. Опустилась на тундру полярная ночь. Но Ятто с сестрой продолжали свой путь.

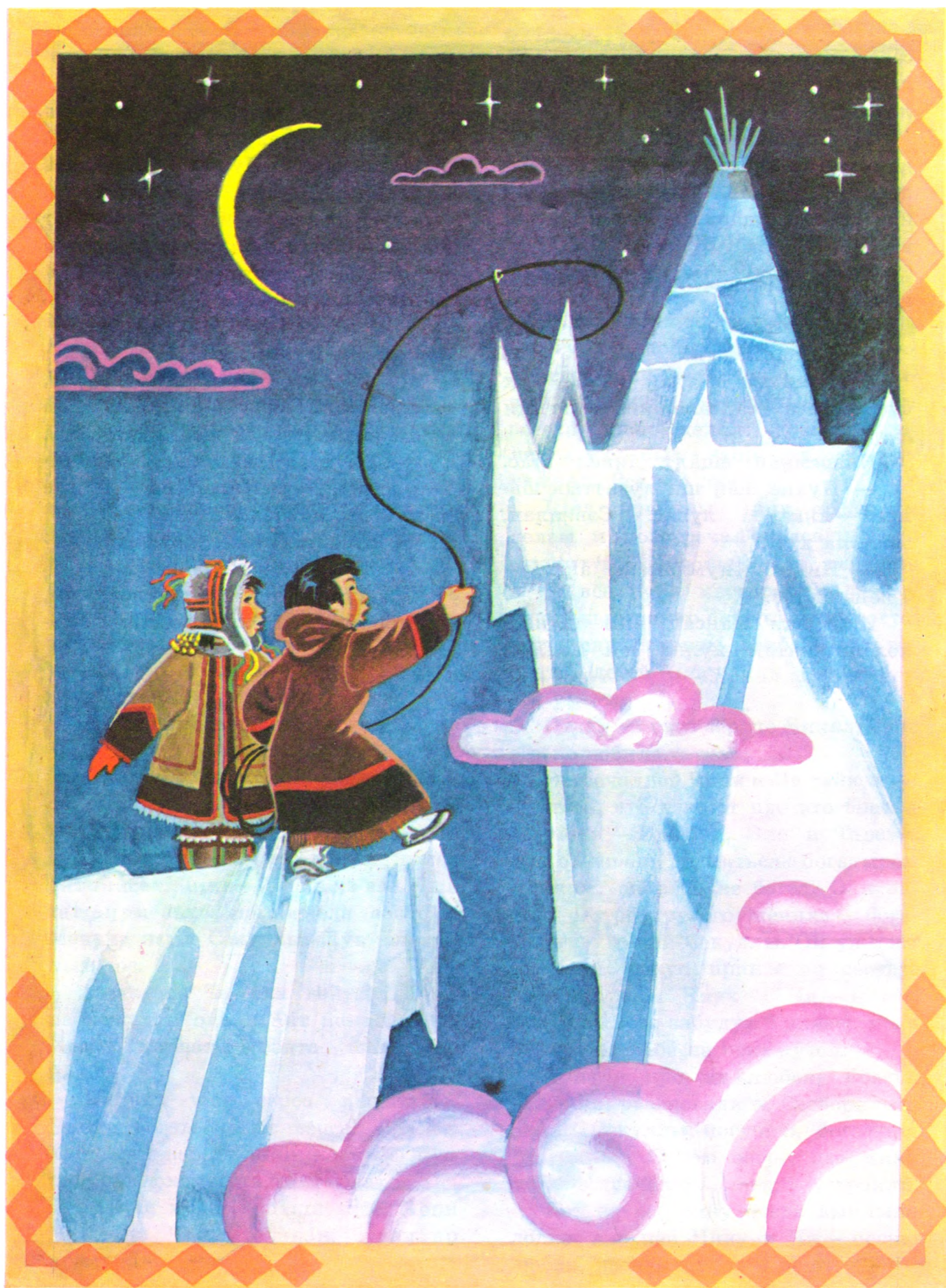
Вдруг из тьмы выскочил олененок. За ним гнался волк. Выхватил Ятто свою стрелу и пустил в сторону волка. Пришлось тому отказаться от добычи. Волк убежал прочь, а олененок дети взяли с собой: он ведь тоже потерял свою маму.

Отправились дальше. Видят — бежит к ним важенка*. Она нашла своего сына! Посадила важенка его спасителей к себе на спину и быстрее мысли помчалась по тундре.

Так добрались дети до самых ледяных гор. Высоко забрались Ятто и Тэюнэ, а ещё выше — чум Пурги. Там за толстыми ледяными стенами — мама. Но перед чумом Пурги — бездонная пропасть! Что делать?

Тогда отрезала Тэюнэ свои длин-

Тэюнэ хув эпатдал эвтас, кел сэвас. Ятто дыс верас па тум пелка дысл тыйн енк вўра питас па шив ляхандас.

Тум пелка тэп манты самащса-нан, иса патлама ювемас. Ятто хатлаң нёдал еслас. Тэрум тут иты ин нёл щи вуцилас. Патлам хулт щи вешас.

Келн хуват тум пелка юхатса-нан.

Вотас увл:

— Ел павтасатн!

Ятто кимит хатлаң нёдал нух вўс. Вотаса есалсәдэ, ин вотас щи лулас.

Нявремнан ещәлт аңкел етас.

— Пухие, нан щи луваттыя ювмен! — аңкел лупас. — Сэвнан, эвие, па хута?

— Йилпа енумлаңан, аңка! — Тэюнэ амтас.

Юхи щи мансат. Щи шунел-хәләдн интам худна щи вәлләт.

ные косы, свила из них крепкую верёвку. А Ятто сделал петлю и бросил аркан через пропасть.

Только хотели дети ступить на верёвку, как вдруг непроглядная тьма, посланная Пургой, опустилась на скалы. Достал Ятто огненную стрелу и пустил в чёрное небо. Тут появились богатыри Сполохи, братья Солнца. И тьма отступила.

Перебрались дети через пропасть.

— Убирайтесь, пока целы! — кричит им Пурга.

Но Ятто достал вторую стрелу, выстрелил в Пургу — и та растаяла.

Навстречу детям выбежала мать.

— Ты стал настоящим мужчиной, сынок! — сказала она. — А где твои косы, доченька?

— Ничего, мама, другие вырастут, — улыбнулась Тэюнэ.

И они пошли искать свой чум, в котором жили долго, во всём помогая друг другу.

ЧИНКЧА — НУВИ ХУТАҢҢАН

Хәраҗ* ёх мош

Вән Ас хонаҗн хув йисн похатүр вәс. Нәмл Чинк. Кәраш, тәс, хура-саҗ вәс. Мир пида тәса вәс: муй вел ара ордалә: пул верты нётас, пираш хуята нётас, нявремәт педә самәҗа вантас.

Илатн лув вердалн манл, лув ешалтәл хурасаҗ не этас. Ин не нәмл Ча. Ям неҗие Ча вәс тәс ёнтасты: неҗие дәмәтсух ёнтл, вей ёнтл, ханшидал педә вантты әмәш. Юрнхотл лосәтл, па тахийн йилпа омәсладә, дётут кавартты тәс, вонщумут-тулах вошты тәс, холдаты нявремдал тәса тайты хошл.

Чинк сама вера мәстас ин неҗие Ча. Ча ищи пух вана вүслә.

Чинк па Ча хания вәйтантыйл-саҗан. Ча яйдал эвалт хәрийс. Хәлум яйл Ныльчи, Эли па Тарсур похатүр Чинк пида рәта вәлты нумас ант тайсәт. Чинк — нүша хә вәс. Лыв тащәҗ меньхә апәднәҗәла вәйтсәт. Меньхә нәмл Секуллы. Лув вән калым тәс.

Чинк па Ча яха вәйтантлаҗан па нәмулты олаҗн ант нәмәслаҗан. Хәсәт хәрләты вәнта шәшиләл-җан.

Яйдалн уша верса, дыкашсәт. Чинка вәлты нумас версәт. Мәлаҗ хуца лот версәт Чинк катәлты щира. Лыв юхәт күта ханемәсәт.

Мәлаҗ хуца хоп щи етас. Хопн Чинк па Ча омәслаҗан, суваҗ ар аридаҗан.

ЧИНКЧА — БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ

Селькупская сказка

Жил когда-то очень давно на берегу большой реки богатырь. Звали его Чинк. Молодой был, красивый, высокий и стройный. Людям всегда добро делал: добычей делился, слабых защищал, старых уважал. Все его любили.

Шёл однажды Чинк по своим делам и повстречал красавицу по имени Ча. Хороша была девушка и на все руки мастерица. Одежду из оленьих шкур сшить, чум* поставить, еду сварить, грибов-ягод набрать, детей плачущих утешить — всё умеет.

Отдал ей своё сердце Чинк. И она его полюбила.

Встречались Чинк и Ча тайком — боялись, что узнают про это братья девушки — Ныльчи, Эли и Тарсур. Не хотели они родниться с богатырём Чинком: он ведь не богат. Они нашли сестре другого жениха — богатыря по имени Секуллы. Он уже им большой выкуп принёс за сестру.

Встретятся Чинк и Ча — и обо всём на свете забудут. Гуляют, пока звёзды на небе не покажутся.

Узнали про их любовь братья девушки, разгневались. Сговорились они с Секуллы погубить богатыря Чинка. На Синем озере, где Чинк и Ча встречались, засаду устроили.

Вот на середину озера выплыла лодка, а в ней Чинк и Ча — песню любви, песню верности поют.

Яйдал дыкәт, әхәлдал па нәлдал нух вусәт.

Имудтыйн иса пәтлама ювемәс. Нум картаң нәл тәп вулјатәс, па дыкәң түрн нәмн хуят үвтәс дык тәты ёх пәда.

Юх лыптәт вүщлума йисәт, мұва пәриты питсәт. Потум вот пудатәс.

Хәтлөе холләты питәс. Сәм йиңкәл әл щи хулидәт. Ищки рұвн ин сәм йиңкәт лонша йисәт па ил щи пәриләт. Нуви дощ эвәлт нувиәшәк йис.

Әвиә яйдал па Секуллы шүваләсәт, хуты мадәң күтуп эвәлт кәт вән нуви тухләң вой елмәс. Лдын кинщана хурасәң ут әнтәм тәм тәрумн!

Щивелт одюмман әвиә йәт, Секуллы долъсәт па хуты и ел питты хутнәт пәда вантсәт.

И войл увтәс: «Чинк!», кимит утл дупәс: «Ча!» Лдын иса ая йиты питсәңән, щәлта иса сәм тый эвәлт вәшсәңән.

И мухты ишкия йис.

Яйдал ушн юхәтсайт, үвты питсәт, ёш ёвалсәт. Вантләт, щит иса ёш әнтә, а тухләт. Ёвалсәт-ёвалсәт ёш-тухләтн па вурңая щи йисәт. Юхды аңкәрсәт, вән наңк тыйн питы хәләх Секуллы омәсәл.

Щи вүш эвәлт мұвн сұс па тәл вәлјәты питәс. Иса пурайн хутнәт — чинкча — морт мұва мәнтәлн, хәтл дыв юпелн нәхләсәл.

Злые братья и Секуллы стрелы в луки вставили, тетиву натянули.

Вдруг тьма опустилась на землю. Сверкнуло копье Нума, и голос его загремел в небе, проклиная злобу людскую.

Пожелтели от страха листья на деревьях, стали на землю падать. Холодный ветер подул.

Заплакало солнце. Слёзы так и полились из его глаз. Но от холода превратились эти слёзы в снежинки и на землю легли. Всё вокруг засыпали. От снега стало светлее.

Увидели тогда братья девушки и богатырь Секуллы, как поднялись с середины озера две большие белые птицы. Прекраснее их не было на земле птиц! Как замороженные смотрели братья и Секуллы на удалявшихся от них лебедей.

Закричала одна из птиц: «Чинк!» Другая ей ответила: «Ча!» Они становились всё меньше и меньше и наконец совсем скрылись из виду.

Сразу стало очень холодно.

Заволновались братья, закричали, руками замахали. Смотрят — а это и не руки у них, а крылья. Махали-махали руками-крыльями да и превратились в серых ворон. Оглянулись, а на большой лиственнице у берега чёрный ворон Секуллы сидит.

С тех пор на землю осень и зима приходять стали. И каждый раз, когда лебеди — чинкча — на юг улетают, Солнце за ними спешит.

ХУТЫСА ВҮЛЫ ХАННЭХЭ ХУЩА ЮХТАС

Чукчи ёх мощ

Иис пурайн там вер вэс. Чукчи мўвн вой велты хэ вэс. Велты щирл иса па хурасуп: вўды ант тайс, эхал ант тайс щи йисн. Эхдал хаш юх эвалт верман, йинтал эпат талмал. Нёдал сорум нўв эвалт нюхарсалэ. Нёл олңала пойтэк нюл хэнл-тумал. Щимаш нёлан муй вэн вой велал, тухлаң воие пэрлэталн вел. Кев лаюм па нюки хир тайс. Па ши.

Хўв и тахийн ант велпаслас. И тахийн велты щирл антэ: вэнт вой кўшл, тухлаң вой кашл, нэрум мўв хуват касл.

Илатн ищиты щи йилуп тахия манас. Нэрум мўвл хуват манл, хелантыйл, вантыйл... Вантл: вўды хэхал, тэп лалал. Щи эвалт вўды пурты воит нэхласлат, итл дыва тэхуммал.

Вўды ханнэхэ шўвалас па лўв хушела хатумас. Вўды пурты воит ханнэхэ пела иса вўрэл антэ — уриллат, пёңкдал яха сёңкллат, вўды хушца напатлат.

Вўдые иса ханнэхэ хушца и вана йил, йихарл, вантл, мет мулты лупал: «Нётэ! Вёньлэ!»

Ин ики мутшаслэ, вўдэла нётты мосл. «Вўды пурты воит велладам, — нёмасл. — Нёлдам кўш кёпи топаллат!»

КАК ОЛЕНЬ К ЧЕЛОВЕКУ ПРИШЕЛ

Чукотская сказка

Давно это было. Жил на чукотской земле охотник. Не так жил, как мы: ни оленей, ни саней у него тогда ещё не было. Стрелял он из лука. Лук гнул из ивовых веток, а тетиву натягивал из своих длинных волос. Стрелу делал из сухой ветки, а на конец её острый куропачий клюв насаживал. Ещё у него были тяжёлый каменный топор и кожаный мешок. И всё.

Долго на одном месте охотник не задерживался. Нельзя ему было жить оседло: ищет зверя, ищет птицу, кочует по тундре.

Как-то отправился он на новое место. Идёт по тундре, прислушивается, приглядывается... Смотрит — бежит олень, задыхается. Оказывается, волки окружили его, набрасываются с разных сторон.

Увидел олень охотника и прямо к нему бросился. А волки как будто и не замечают охотника — не отстают от оленя, рычат, зубами клацают, кидаются на него.

Олень всё ближе к охотнику подбегает, хрипит, смотрит на него, как будто молит: «Помоги! Спаси!»

Понял охотник, что олень у него помощи просит. «Убью волков, — думает. — Но такими стрелами с волками не справишься!»

Ин ики антупал эвэлт нух вўслэ лаварт кев лаймал, ел ўвтас па пурвоит хуца наптас. Вўды щойтые хуца доиом вой хатщаслэ, ин вой ел ши ларемас.

Ин ики мет ўвтас, кимат хатщас, кимит ут хойса.

Вўды пурты воит ўвлат, пекладлн сешклат, ханнехэя напатлат. Икилэ юхлы керлаты тахи ант тайл, лаймалн ши сешкашл. Кат вой хойсайнан, удланан. Па утлал уриман елшак хэхалсат.

— Мана, ал пала, ин ант кетумлайн! — ики вўлэл пела лупал.

Эхдал вўс, нюхи хирл шанша вушкас, ел шешмас.

Соткем сэхум шешас, хэлдалэ — вўлэл лўв юпелн йил.

Ин ики юхлы аңкартас, щив вулуйс. Вўлэл ищи щив доляс. И ешалт вантланан.

— Муя ма юпемн йилан?

Вўлэл лўв пелэла вантл, мет мулды путар тайл. Муй лупты ут тайл — уша ант верлалэ.

Еша икилэ доляс па елды ши шешмас. Вўлэл ищи лўв юпелн йил. Вой велты хэ реп ух патыя манл — вўлэл ищи реп ух патыя. Ин ики нёрум шэпи манл — вўлэл ищи.

Щиты шешсанан и хатл, кимит хатл. Атлан ики ил улас — вўлэл лўв лепалн. Алан нух килас, елды манты питас — вўлэл нух доляс, лўв пантал хуват йил.

Щиты ши вўды ханнехэ пуңла рахалтыйс, лўвел нётты питас. Ханнехэйн лавалла, вўды пурты воит эвалт вөнъла. Вўды эхала кирла, эхалн кэща хэйл тэл.

Выташил охотник из-за пояса тяжёлый каменный топор, громко закричал и бросился на волков. Замахнулся и ударил волка, который на хвосте у оленя висел. Так ударил, что тот далеко отлетел.

Закричал охотник ещё громче и замахнулся на другого волка.

Воют волки, зубами щёлкают, кидаются на человека. А он не отступает, топором их бьёт. Двух наповал уложил, а остальные, скалясь и рыча, прочь побежали.

— Иди, не бойся, теперь не тронут тебя! — говорит охотник оленю.

Поднял он с земли свой лук, взял мешок и отправился дальше.

Шагов сто прошёл, слышит — олень следом идёт.

Оглянулся охотник, остановился. И олень остановился. Охотник спрашивает:

— Зачем за мной идёшь?

Олень смотрит на него, как будто что-то сказать хочет. А что — не понять.

Постоял охотник и дальше пошёл. А олень опять за ним идёт. Охотник на гору — олень на гору. Охотник через болото — олень через болото.

Так шли они день, шли второй. Ночью охотник спать ложится — и олень рядом с ним. Утром охотник встаёт, в путь отправляется — и олень поднимается, следом идёт.

Так и остался олень навсегда возле человека, помощником ему стал. Человек пасёт его, от волков защищает, а олень в упряжке бегаёт, на санях своего хозяина возит.

АНТ РАХАЛ

Ханты ёх мощ

Имеңан-икеңан вәсңан. Пух па эви тайсаңан. Илатн аңкел летут ләтты воша манас. Ащел турн хәрл вантты манас: турнал кәрща йис муй антә. Нявремдән юдн хәщсаңан.

Ин утңан талаң хәтл йиңкан певәлсаңан, иса ищкийн потсайңан.

Юхи юхәтсаңан, кәр әлсаңан, омәслаңан хошмәлтыйлаңан.

— Тухлыты яхлумн. Аңкемн-ащемн муйн лапатлөмн. Хүва ант мәндумн, тата хот шумая тахумәлман, — яйдән вохлә.

Әвие шәкн юхәтса, хошум кәрл эвәлт мәнтад шәк, па щи потум йиңка дүңты. Нәмәсты питәс, муй верты ант рахал.

Әвие лупас:

— Мүң рәтәв хуща хот дөппн ведпәсләты ант рахл.

Яйд пилтөхләд вохәс. Тахумәсәт, сортат ведсәт. Ара ортсәләд, дүв юканл юхи щи тәслә.

— Хүлдан ванщалаң, ай эви. Ма йиңка яхлум.

ЗАПРЕТ

Хантыйская сказка

Были у отца с матерью сынок и дочка. Однажды мать уплыла в русскую деревню за покупками. А отец поехал на покос. Велели они детям в доме хозяйничать.

А брат с сестрой целый день в реке купались. Посинели от холода.

Прибежали к дому. Затопил мальчик печку во дворе. Сидят, греются.

— Давай свежей рыбы на ужин наловим. А то чем родителей встретим? Далеко не пойдём, напротив избы невод протащим, — зовёт брат.

А девочке не хочется от тёплой печки уходить, снова в холодную воду лезть. Вспомнила она, что в старину у ханты существовали различные запреты, и говорит:

— В нашем роду женщинам не разрешается рыбачить около дома.

Позвал мальчик соседских детей. Протащили они невод и наловили щук. Мальчик разделил улов поровну, свою долю домой принёс.

— Сестра, выпотроши рыбу. А я за водой сбегаю.

Шэк пелда вэлты нелл лупал:

— Мун рэтэв хуца сорт хул
эватты ант рэхал. Щит вен карэк.

Пухие пүтл нык эхатсалэ, хулдал
ванщас, шэпи эватляслэ. Ай сортдал
па сэддал па пүта пунсалэ амплала
кавартты. Ампл дэтут ищи ханты
дэтут муртан ат етшал. Щиты ёх
вэллат.

Пүтл кавармас. Ащел юхтас.
Вантл — пүт етшумал, амплал лап-
тумат, нявремнал ишаклалэ:

— Ям хуятнан: эвем па пухем!
Ампен партэ мулты верты!

Пухие хэсла омасл. Андал хон-
салэ ай пасана омассалэ. Хулал
юх ана хонсалэ, хошум йиңкал
кат курушка пунсалэ.

Ащел вантл — эвиел дыка омасл,
тут лэщатыйл, пасан хонча ант
омасл.

— Ай эвен па муя ант дэл? —
ащел инщасл.

Пухие няхийл:

— Мун рэтэв хуца сорт хул
лэты ант рэхал.

Ленивая девочка отвечает:

— В нашем роду женщинам
нельзя щук чистить. Большой грех!

Поставил мальчик на печурку ко-
тел с водой. Сам принялся рыбу
чистить и на куски резать. Мелких
щучек, потроха да хвосты в другом
котле над костром варить подвесил.
Чтобы собакам еда не позже, чем
людям, готова была.

Наварил мальчик ухи. Тут и отец
вернулся. Увидел он — еда готова,
собаки сыты, похвалил детей:

— Хорошие хозяйева мои сын и
дочь!

Мальчик помалкивает. Подал
ужин на летнем столике возле дома.
Рыбу в берестяную миску выложил,
а уху в две кружки налил.

Поглядел отец — дочка губы на-
дула, ворошит прутом дымокур, к
столу не идёт. Спрашивает сына:

— Что же ты про сестру забыл?

Засмеялся мальчик:

— В нашем роду женщинам
щуку есть запрещено.

НАВӒРНЕ ПА ВУРҢА

Саха (якут) ӗх моц

Илати навӒрне дун рываҥ хат-
дан маҕаҥ хонаҥа вуты вуратас,
хатт ыҕалт ара пунаса, хошма-
тыйт.

Имудтыйн ин ут вурҥайн кун-
шемасы па ши тэсы маҕаҥ шэпи па
пелка.

Вурҥайн ин навӒрне каталда,
ундал пелка па вурҥайда лупал:

— Ма хэҕдэсем, наҥ ветаҥ рэт ӗх
пушах. Лупдат, нын ретанан мухэт
сыйҥ тур тайлат...

— Яна!.. — юраҥа ювман вурҥа
уvtас па катдум утл маҕаҥа ши
ракнас.

НавӒрне щитлан ед вэцэмас.

ЛЯГУШКА И ВОРОНА

Якутская сказка

Однажды тёплым летним днём
лягушка выползла на берег озера,
раскорячилась на солнце, греется.

Неожиданно её схватила лете-
вшая над берегом ворона. Зажала в
клюве и полетела через озеро.

Ворона держит лягушку поперёк
живота, рот у той открыт, она и
говорит вороне:

— Я слышала, ты прямой пото-
мок знатных предков. Рассказывали,
что все в вашем роду по наследству
получают громкий голос...

— Да! — не удержавшись, под-
дакнула польщённая ворона и выро-
нила добычу в озеро.

А лягушке только того и надо
было.

СЛОВАРЬ

Аргѣш — обоз из оленьих упряжек.

Бакарѣ — длинные, до паха, меховые сапоги из оленьих шкур.

Важенка — олениха, самка северного оленя.

Варган — музыкальный инструмент.

Евражка — суслик.

Камлать — шаманить.

Камыс — шкура, снятая с ног оленя.

Камысный — см. *камыс*.

Лабаз — амбар, кладовка на высоких сваях.

Нарта — лёгкие сани особой конструкции для езды на оленьих или собачьих упряжках.

Паница — ненецкая женская шуба из оленьих шкур.

Пимы — то же, что и *бакари*.

Ровдуга — замша из оленьей шкуры.

Ровдужный — см. *ровдуга*.

Совик — верхняя мужская одежда из оленьих шкур с капюшоном.

Сопка — небольшая гора, скала, высокий холм.

Стойбище — место стоянки чумов оленеводов-кочевников во время перекочёвки.

Тальник — кустарник.

Торбаса — меховые сапоги из оленьих шкур.

Хорей — длинный шест для управления оленьей упряжкой.

Чувал — большой глиняный очаг в хантыйских и мансийских избах.

Чум — конусообразное разборное жилище из жердей, покрытых полотнищами из оленьих шкур, берёсты или дёрном.

Шаман — колдун-знахарь у народов, верящих в духов.

Шаманка — см. *шаман*.

Шаманский — см. *шаман*.

Юрта — разборное жилище кочевников в форме полусферы, крытое войлоком.

Ягель — лишайник, служащий кормом северным оленям.

Ягельный — см. *ягель*.

Яранга — разборное жилище в форме полусферы у чукчей, эскимосов и коряков, покрытое полотнищами из оленьих шкур.

ЯСАҢ ТЭЛ

Вош — ух.

Вэн нёд — хўв тыяҥ карты, копье.

Вўрас — вэнт вўды.

Евражка — моҥх хурпи воие.

Зпса́ты ут — мойпа́р ясаҥн: нюл.

Кал лот — нэрум мўв лот.

Кел — мойпа́р ясаҥн дыв: шойт.

Кэт — мойпар ясаҥн: ёш.

Хэраҥ ёх — селькуп ёх.

НЭПЕК ЛЫПИ ТЭЛ СОДЕРЖАНИЕ

Ай вой хув пэнт. <i>Эскимос ёх моц.</i>	
Большое путешествие маленького мышонка. <i>Эскимосская сказка.</i> Пересказали Н. Гессе и З. Задунайская	5
Муя келци сэмжэп вүртэжэп. <i>Эвенки ёх моц.</i>	
Почему у сороги глаза красные. <i>Эвенкийская сказка.</i> Записал Н. Оёгир. Пересказал В. Ермаков	8
Нуви дэнт. <i>Юри ёх моц.</i>	
Белый гусь. <i>Ненецкая сказка.</i> Записала и пересказала Н. Терещенко	11
Тунты ават. <i>Манци ёх моц.</i>	
Берестяной Нос. <i>Мансийская сказка.</i> Пересказали Н. Гессе и З. Задунайская	20
Пёшие — Сорни оутые. <i>Саами ёх моц.</i>	
Олешек — Золотые рожки. <i>Саамская сказка.</i> Обработал К. Шавров	24
Муй щирп педжаит па нямалтат тывсат. <i>Хэрап ёх моц.</i>	
Как на земле появились комары да мошки. <i>Селькупская сказка.</i> Пересказала Е. Самой- лова	28
Муя йипет ай вой велпэсладат. <i>Ханты ёх моц.</i>	
Почему совы на мышей охотятся. <i>Хантыйская сказка.</i> Пересказала Г. Слинкина	31
Хон пух па крестьянин эви. <i>Долган ёх моц.</i>	
Юноша-царь и дочь крестьянина. <i>Долганская сказка.</i> Пересказал В. Ермаков	34
Ай щартап ими. <i>Эскимос ёх моц.</i>	
Маленькая шаманка. <i>Эскимосская сказка.</i> Записал Г. Меновщиков. Пересказали В. Гло- цер и Г. Снегирёв	40
Дер пухие. <i>Ханты ёх моц.</i>	
Мальчик Корешок. <i>Хантыйская сказка.</i> Записата Т. Чучелина. Обработала С. Фалеева	45
Лук па хутжат. <i>Нивхи ёх моц.</i>	
Глухарь и дикие лебеди. <i>Нивхская сказка.</i> Записал и обработал Ч. Таксами	50
Хатд эви. <i>Нганасан ёх моц.</i>	
Дочь Солнца. <i>Нганасанская сказка.</i> Обработал А. Безуглый	53
Хэдум пух. <i>Юри ёх моц.</i>	
Три сына. <i>Ненецкая сказка.</i> Пересказала Е. Самойлова	62

Долдум ар. Эскимос ёх моц.	
Похищенная песенка. Эскимосская сказка. Пересказали Н. Гессе и З. Задунайская . . .	66
Вухсар па Паннэ. Эвенки ёх моц.	
Лиса и Налим. Эвенкийская сказка. Записал Н. Оёгир. Пересказал В. Ермаков . . .	70
Хой хот ям. Чукчи ёх моц.	
Чей дом лучше. Чукотская сказка. Пересказали Н. Гессе и З. Задунайская . . .	73
Шэкацты сэм йиңкāt. Ханты ёх моц.	
Сиротские слёзы. Хантыйская сказка. Пересказала Г. Слинкина . . .	76
Кеңерсәдя. Хэрәң ёх моц.	
Кенгерселя. Селькупская сказка. Записала Е. Прокофьева. Пересказала Е. Самойлова . .	83
Дябдя. Удэге ёх моц.	
Дябдя. Удэгейская сказка . . .	89
Комполэн — нёрумн вэдты ут. Моңи ёх моц.	
Комполэн — Болотный Дух. Мансийская сказка. По мотивам мансийского фольклора написала А. Конькова. Обработал Г. Сазонов . . .	98
Ургунчэ па Кукэки. Эвенки ёх моц.	
Ургунчэ и Кукэки. Эвенкийская сказка. Записал Н. Оёгир. Пересказал В. Ермаков . . .	104
Ургун. Нивхи ёх моц.	
Верный Ургун. Нивхская сказка. Записал и обработал Ч. Таксами . . .	114
Вўды-сорт. Долган ёх моц.	
Олень-щука. Долганская сказка. Записала О. Аксёнова. Пересказал Л. Яхнин . . .	120
Тер-окыш — Щорха хэр. Тофалар ёх моц.	
Тер-окыш — Долина цветов. Тофаларская сказка. Пересказал Л. Матюшенко . . .	130
Мирэгды. Эвенки ёх моц.	
Мирэгды. Эвенкийская сказка. Записал Н. Оёгир. Пересказал В. Ермаков . . .	135
Палтаплы Татьяна. Мани ёх моц.	
Бесстрашная Татьяна. Мансийская сказка. По мотивам мансийского фольклора написала А. Конькова. Обработал Г. Сазонов . . .	138
Ятто пух па Тэюнэ апālнэ. Юрн ёх моц.	
Храбрый Ятто и его сестра Тэюнэ. Ненецкая сказка. По мотивам ненецкого фольклора написала Ж. Витензон . . .	144
Чинкача — нуви хутāңнāн. Хэрәң ёх моц.	
Чинкча — белые лебеди. Селькупская сказка. Пересказал А. Козик . . .	149
Хутыса вўды ханнэхэ хуца юхтās. Чукчи ёх моц.	
Как олень к человеку пришёл. Чукотская сказка . . .	152
Ант рāхāл. Ханты ёх моц.	
Запрет. Хантыйская сказка. Пересказала Г. Слинкина . . .	154
Навāрнэ па вурңа. Сāха (якут) ёх моц.	
Лягушка и ворона. Якутская сказка. Пересказал С. Шуртаков . . .	157
Ясāң тел.	
Словарь . . .	158

